

2018
N 3 (45)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

18+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский юридический институт
МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет	GHANAYIM Kh., LLD, professor, University of Haifa (Israel)
ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Омская академия МВД России	GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, The Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Университет Фехта (Германия)	SIEGMUNT O.A., PhD, Vechta University (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Kuban State University
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛУНЕЕВ В.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	LUNEEV V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
International Police Association;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.
Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.
Подписано в печать 19.09.2018. Дата выхода в свет 28.09.2018.
Формат 60x84/8. Усл. п. л. 23,2. Уч.-изд. л. 20,9.
Тираж 300 экз. Заказ N 081. Цена свободная.
© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Section 1. Methodology of law enforcement activities

БЛАЖЕВИЧ Н.В. Нравственная оценка
преступления как методологическая проблема

7

BLAZHEVICH N.V. Moral evaluation
of crime as a methodological problem

ВЕРИНА Г.В. Собственность как объект уголовно-
правовой охраны и объект преступления:
эволюция методологии и научной мысли

15

VERINA G.V. Property as the object
of criminal law protection and the object
of crime: the evolution of methodology
and scientific thought

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

Section 2. Human rights protection

ГОЛОВКО И.И. Объем возмещения вреда
реабилитированным лицам: понятие
и проблемы правового регулирования

26

GOLOVKO I.I. The amount of
compensation for harm to rehabilitated
persons: the concept and problems
of legal regulation

Раздел 3. Административная деликтология

Section 3. Administrative delictology

СЕРГЕЕВ М.В., ДИЗЕР О.А. Вопросы регламентации
досмотровых и осмотровых мероприятий,
осуществляемых сотрудниками полиции
в отношении физических лиц

38

SERGEEV M.V., DISER O.A. The regulation
of inspection and examination activities
carried out by police officers against
individuals

БАРИНОВ А.С., ЧИРКОВ Е.Н.
Концептуальные основы управления
в обеспечении качества продукции

46

BARINOV A.S., CHIRKOV E.N.
Conceptual bases of management
in the sphere of ensuring product quality

Раздел 4. Уголовный закон

Section 4. Criminal Law

ТКАЧЕВ И.О. Спорные вопросы уголовной
ответственности за мошенничество в сфере
предпринимательской деятельности

53

TKACHEV I.O. Controversial issues of
the criminal liability for fraud in the sphere
of entrepreneurial activities

БАЙСАЛУЕВА Э.Ф. Актуальные вопросы
квалификации фальсификации доказательств
и результатов оперативно-розыскной деятельности

61

BAISALUEVA E.F. Topical issues
of the qualification of falsifying evidence
and results of crime detection activities

ТЫДЫКОВА Н.В. О проблеме дифференциации
уголовной ответственности за ненасильственные
преступления против половой
неприкосновенности лиц, не достигших
16-летнего возраста

68

TYDYKOVA N.V. On the problem
of differentiation of criminal liability
for non-violent crimes against sexual
inviolability of persons
under the age of 16

Раздел 5. Криминологическая наука

Section 5. Criminology

БРАЖНИКОВ Д.А., КОБЕЦ П.Н. Женская
рецидивная преступность: отдельные вопросы
предупреждения органами внутренних дел

75

BRAZHNIKOV D.A., KOBETS P.N. Women's
recidivism: some issues of its prevention
by the internal affairs bodies

Раздел 6. Правоохранительная политика

ЛИПИНСКИЙ Д.А. К вопросу о конструкциях альтернативных санкций в уголовном праве

87

ДРОБЫШЕВА Е.Н. О правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации: теоретический и практический аспекты

95

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

ЧЕРНОВА С.С. Новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации

103

ЮЛБЕРДИНА Л.Р. Протокол судебного заседания как средство документальной фиксации уголовно-процессуальных действий

111

СУПРУН С.В., ГОРЧАКОВА Е.В. О расширении процессуальных полномочий начальника органа дознания в системе МВД России

118

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

БЕЛЯКОВ А.А., ХАМИДУЛЛИН Р.С. Организационное обеспечение расследования уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

127

АНДРЕЕВ С.Э. Специфика применения оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» для документирования экономических преступлений в сфере строительства на железнодорожном транспорте

135

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

БЕЛЬКОВ В.А. Способ совершения незаконной рубки лесных насаждений как элемент криминалистической характеристики преступления

145

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

МАЙОРОВ В.И., ДУНАЕВА О.Н. Формирование и развитие государственной политики Японии по обеспечению безопасности участников дорожного движения

156

Section 6. Law enforcement policy

LIPINSKY D.A. To the question of the structure of alternative sanctions in criminal law

DROBYSHEVA E.N. On the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation: theoretical and practical aspects

Section 7. Criminal procedural review

CHERNOVA S.S. New measure of restraint in the criminal procedure legislation of the Russian Federation

YULBERDINA L.R. Court record as a means of fixing the criminal proceedings

SUPRUN S.V., GORCHAKOVA E.V. On the expansion of procedural powers of the head of the inquiry body in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Section 8. Improving law enforcement practice

BELYAKOV A.A., KHAMIDULLIN R.S. Organizational support of the investigation of criminal case when concluding a pre-trial cooperation agreement

ANDREEV S.E. The specificity of conducting the surveillance operation for documenting the economic crimes in the field of railway construction

Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities

BELKOV V.A. The way of committing illegal felling of forest plantations as an element of criminalistic characteristics of crime

Section 10. Comparative studies and foreign experience

MAYOROV V.I., DUNAEVA O.N. Formation and development of Japan's state policy for ensuring the safety of road users

Раздел 11. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ЗАХАРЧУК С.Д. Возможно ли примирение с представителем власти по уголовному праву России?

164

ГРИГОРЬЕВ А.И. Подлежат ли отводу должностные лица органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела?

173

ВОЛКОВ Е.В. Особенности осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений

180

Раздел 12. Обзоры, рецензии, критика

ШЕСЛЕР А.В. Преступное сообщество: спорные вопросы теории. Отзыв о диссертации Д.А. Григорьева «Уголовно-правовая характеристика ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»

186

КОЛЕСНИК В.В. Критический обзор предложений по оптимизации правовой основы противодействия преступности в цифровом обществе

193

Section 11. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

ZAKHARCHUK S.D. Is it possible to reconcile with the government official according to the criminal law of Russia?

GRIGORIEV A.I. Are the officials of the preliminary investigation bodies subject to challenge at the stage of initiating a criminal case?

VOLKOV E.V. Peculiarities of the crime scene search in cases of illegal felling of forest plantations

Section 12. Reviews, critiques

SHESLER A.V. Criminal organization: disputable issues of the theory. Review of the thesis of D.A. Grigoriev "Criminal law characteristics of the liability for forming a criminal organization or participation in it"

KOLESNIK V.V. Critical review of the proposals to optimize the legal framework for combating crime in the digital society

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

БЛАЖЕВИЧ Н.В., доктор философских наук, профессор, bin7704@rambler.ru Кафедра философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	BLAZHEVICH N.V., Doctor of Philosophical Sciences, professor, bin7704@rambler.ru Chair of philosophy, foreign languages and humanitarian training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	---

НРАВСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. Автором статьи сделана попытка интегрировать субъективную и объективную стороны нравственной оценки преступления. Субъективная сторона нравственной оценки представляет элементы сознания субъекта преступления (побуждение, намерение и цель), а объективная — элементы бытия преступления (средства реализации цели, результат преступного действия и его последствия). Общая нравственная оценка преступления представлена как синтез моральных оценок побуждения, намерения, мотива, цели субъекта, избранных им средств для реализации цели, результата и последствий преступного действия. Рассмотрены основные подходы к нравственному измерению преступления, в которых акцент делается на те или иные элементы субъективной и объективной сторон нравственной оценки. Обосновывается, что наличие у субъекта преступления защитного мотива нравственно усугубляет преступление. Сформулирован алгоритм нравственной оценки преступления. Нравственная оценка определяется автором как исходный и конечный пункт квалификации преступления. Показано, что в качестве инструментов нравственного измерения преступления избираются общечеловеческие моральные принципы и нормы. При этом аргументируется, что измерение нравственности поведения является не только актуальной методологической проблемой, но и важной практической задачей.

Ключевые слова: нравственная оценка; преступление; ответственность; моральный вред; общественная опасность; побуждение; мотив.

MORAL EVALUATION OF CRIME AS A METHODOLOGICAL PROBLEM

Annotation. The author of the article makes an attempt to integrate the subjective and objective aspects of the moral evaluation of crime. The subjective side of the moral evaluation is the elements of the consciousness of the subject of crime (motive, intent and purpose). The objective side of the moral evaluation is the elements of the existence of crime (means of achieving the purpose, the result of the criminal act and its consequences). The general moral evaluation of crime is presented as a synthesis of moral evaluations of the incentive, intent, motive, the purpose of the subject of crime, the means chosen by him (her) to achieve the purpose, the result and consequences of the criminal act. The main approaches to the moral dimension of crime, in which the emphasis is on certain elements of the subjective and objective aspects of moral evaluation, are considered. It is substantiated that in case the subject of crime has a protective motive, it morally aggravates the crime. The algorithm for the moral evaluation of crime is formulated. The place of moral evaluation in the qualification of crime is determined. It is called the initial and final point of the qualification of the criminal act. It is shown that universal moral principles and norms are chosen as the instruments for the moral dimension of crime. It is argued that measuring the morality of behavior is not only an actual methodological problem, but also an important practical task.

Keywords: moral evaluation; crime; responsibility; moral damage; social danger; incentive; motive.

Обращение к проблеме нравственной оценки преступления вызвано происходящим реформированием уголовного законодательства, в частности, предложением о введении нового оценочного понятия «уголовный проступок», а также об ослаблении наказаний даже за умышленные преступления (например, клевету предлагается назвать уголовным проступком, то есть, по сути, вывести ее за рамки преступления). В целом можно констатировать, что актуальность проблемы обусловлена нарастающей асимметрией, которая складывается между нравственной и правовой оценкой преступления в законодательной и правоприменительной практике.

Следует заметить, что любая уголовно-правовая норма содержит в себе нравственные начала, исполнение предписаний этой нормы предполагает одновременно реализацию правовых и нравственных требований, которые в ней заключены. Дознаватель, следователь, прокурор или судья, применяя уголовно-правовую норму, сталкивается с необходимостью давать нравственную оценку деянию подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, которое стало предметом его рассмотрения. Понимается, любая оценка субъективна, дается по внутреннему убеждению. Важно, чтобы она была непредвзятой и не унижала общечеловеческие нравственные ценности. Таким образом, участникам уголовного процесса нужна нравственная оценка, которая была бы адекватной преступному деянию, чтобы была установлена мера его общественной опасности, чтобы потерпевший получил полное возмещение причиненного ему морального и материального вреда, чтобы виновный был привлечен к уголовной ответственности и понес наказание, соразмерное содеянному. Нравственная оценка деяния является исходным и конечным пунктом его квалификации.

Известно, что приоритет нравственной оценки преступления над его правовой оценкой устанавливался еще классиками российского уголовного права и процесса (В.Д. Спасовичем, А.Ф. Кони, П.С. Пороховщиковым, М.С. Строговичем и др.). Например, А.Ф. Кони полагал, что нравственным началам принадлежит первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса [1, с. 52-58]. П.С. По-

роховщиков указывал: «...в содержание всякой судебной речи входит двоякая оценка деяния, вменяемого в вину подсудимому: юридическая и нравственная. Нравственная оценка не заносится в писанные кодексы; благодаря бесконечным оттенкам действительной жизни она в большинстве случаев только приближается в большей или меньшей степени к законной, а часто и прямо противоречит ей. Она, так сказать, носится в воздухе; оратор должен уловить ее и выразить ее перед судьями» [2, с. 121, 123]. М.С. Строгович отмечал, что «громадное значение имеет строжайшее соблюдение и правильное применение норм нравственности в отправлении правосудия, в судопроизводстве, в работе судебных, прокурорских и следственных органов. Раскрытие преступления и изобличение преступника, применение к нему заслуженного и справедливого наказания, перевоспитание и исправление совершившего преступления лица, и возвращение его на путь честной жизни — в этой деятельности заложен громадный моральный потенциал, она связана с жизненными интересами общества и личности» [3, с. 216].

Проблема нравственного содержания уголовного права и процесса интересует и современных исследователей. Например, в 2006 г. защищена кандидатская диссертация на тему «Нравственность в уголовном праве России» [4], в 2010 г. — докторская диссертация на тему «Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов» [5]. В последние годы опубликован целый ряд статей, посвященных исследованию нравственного аспекта уголовно-процессуальной деятельности [6; 7; 8; 9].

В то же время анализ современной юридической литературы, особенно по основам квалификации преступления, показывает, что понятие нравственной оценки преступления многими авторами практически игнорируется. Например, в учебнике «Научные основы квалификации преступлений» место нравственной оценки при квалификации преступлений подробно не определяется. Использование этого понятия позволило бы авторам более убедительно изложить главу 10 «Квалификация при наличии оценочных признаков соста-

ва преступления», а также главу 13 «Отграничение преступлений от других правонарушений» [10].

Игнорирование роли нравственной оценки преступления при его квалификации имеет ряд причин. В некоторой степени это объясняется неразвитостью методологии оценочной деятельности в праве. В частности, остаются нерешенными основные методологические вопросы нравственной оценки преступления. Например, отсутствуют ясные ответы на вопросы о понятии нравственной оценки преступления, структуре нравственной оценки, ее критериях, алгоритме, инструментах измерения морального вреда.

Исследование этих вопросов целесообразно начать с ответа на вопрос о понятии нравственной оценки преступления. Нравственная оценка – это одна из основных функций морального сознания. Оценка существует в виде отдельных суждений или их совокупности. Эти суждения выражают оценочное отношение человека к чему-то: что-то ему нравится, а что-то нет. Специфика моральных оценочных суждений состоит в том, что их предикаты выражаются моральными понятиями (прежде всего, используются моральные категории: «добро», «зло», «совесть», «долг», «ответственность», «свобода» и др., а также понятия, которые выражают моральные ценности). Субъектами моральных оценочных суждений могут быть материальные или духовные предметы. Субъектами суждений, представляющих нравственную оценку преступления, являются действия (или их элементы) отдельного человека или группы людей. Моральные оценочные суждения преступлений относятся к аксиологической модальности. В связи с этим они могут выражать абсолютную оценку преступного деяния (общественно опасное) или относительную оценку (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкое, особо тяжкое преступление) [11, с. 106]. Так, утверждение «это преступление является общественно опасным деянием» выражает абсолютную оценку. Суждение о том, что «это преступление – малозначительное», относится к относительной оценке.

Источником нравственной оценки являются все элементы преступного действия. Они создают представление о струк-

туре нравственной оценки преступления. Выделим основные элементы в структуре нравственной оценки преступления. Во-первых, нравственная оценка преступления, как и само преступление, имеет две стороны – объективную и субъективную. Действительно, с одной стороны, есть результат преступного действия и его последствия, а с другой – намерение и целеполагание субъекта преступного действия. Обе стороны преступления отражаются в его нравственной оценке. Разумеется, объективная и субъективная стороны оценки являются системными образованиями, взаимосвязанными совокупностями элементов. Субъективная сторона нравственной оценки представляет элементы сознания субъекта преступления (побуждение, намерение и цель), а объективная – элементы бытия преступления (средства реализации цели, результат преступного действия и его последствия).

Как известно, само преступное действие является элементом поведения человека. Совокупность действий человека, имеющих моральное значение, совершаемых им в относительно продолжительный период в определенных условиях, образует основание для нравственной характеристики поведения человека. В характеристике поведения отражаются нравственные качества человека, его нравственный облик. Например, в криминологической характеристике очерчивается нравственный облик субъекта преступления. Поведение человека всегда нравственно мотивировано и целенаправленно. Если человеческий индивид руководствуется желанием совершить добро, реализовать моральный долг, достичь общечеловеческий нравственный идеал, то его поведение является высоконравственным. Через действия индивид взаимодействует с другими людьми, с окружающим его миром. Совершая адресуемые друг другу действия, участники моральных отношений взаимно опосредствуют свое бытие, облегчая или, наоборот, затрудняя удовлетворение каких-то действительных потребностей и интересов. Моральное сознание деятельных субъектов отражает процесс реального социального взаимодействия и одновременно направляет его. Однако в какой бы мере действия ни зависели от сознания

субъекта, они развертываются вне самого сознания, наполнены объективно-реальным содержанием, принадлежат стихии общественного бытия.

Часто возникает сложный вопрос о том, что побуждает человека к действию или бездействию. Очевидно, что первоначальный стимул к совершению действия или сохранению бездействия исходит не от сознания человека. Движущим условием служат социальные потребности человека. Как разумное существо человек способен действовать и без непосредственно испытываемой потребности, но ради какой-то предстоящей потребности. Если бы не было потребностей, то отсутствовала бы и необходимость в совершении действий. При этом потребность как движущее условие действия не обязательно возникает у самого субъекта деятельности. Она может возникнуть у других людей. Так, помощь другим людям оказывается актуальной только тогда, когда в ней кто-то нуждается. Таким образом, не сознание долга побуждает человека совершать нравственное действие, а выступающие его источником потребности других людей.

Общественные отношения, в которые вступает человек, постоянно вовлекают его в нравственно значимые ситуации, в которых человек должен самоопределиться и утвердить себя в том или ином нравственном качестве. Характерным признаком таких нравственно значимых ситуаций является соприкосновение потребностей и интересов разных людей. В одних случаях эти потребности существенно различаются, а в других могут совпадать. Для сохранения нравственного порядка возникает необходимость взаимного согласования потребностей людей посредством деятельности. Изыскивая возможности выхода из создавшейся нравственно значимой ситуации и производя выбор, нравственно зрелый человек руководствуется не только наличными собственными потребностями и потребностями других людей, но всегда учитывает предшествующую практику общения и наиболее вероятные ответные действия других людей. Действие человека является практическим решением вставшей перед ним в конкретной нравственно значимой ситуации жизненно важной задачи. Преступным действием руководит

корыстный интерес, личные потребности его субъекта.

В структуру преступного действия включается такой важный субъективный элемент, как побуждение. Оно может адекватно или неадекватно осознаваться или вообще не осознаваться субъектом действия. В сознании человека побуждение выступает как мотив. В действительности же побуждение и мотив могут не совпадать, ибо не всегда совпадает то, что побудило человека к действию или бездействию, и то, как он это себе представляет. Ярким примером рассогласования побуждения и мотива является так называемый защитный мотив [12, с. 96-98].

Защитный мотив возникает при наличии следующих обстоятельств: во-первых, когда побуждение является низким, злым; во-вторых, когда индивид знает, что социальная группа, к которой он относится, или общество в целом осуждают действия, к которым его влечет; в-третьих, он оказывается несвободным по отношению к низменному побуждению. Без порока, без слабости, без изъяна в моральном отношении нет преступления. Например, лицо, использующее в корыстных целях должность, не осуждает себя, не испытывает угрызения совести, потому что оно оправдало в своем сознании свои действия, «облагородило» побуждения (зарплата маленькая, коррупция неизбежна), заменив действительные побуждения мнимыми, нейтрализовало соответствующую норму морали или норму права.

Защитный мотив позволяет подсознательно оправдать безнравственные действия, переложить вину на других, на внешние обстоятельства или вообще отрицать вину и даже испытывать гордость за совершенное дело. Думается, что все умышленные преступления совершаются при наличии защитного мотива. Он может сформироваться после совершения преступного действия для того, чтобы его оправдать. Если же после преступления приходит раскаяние, то защитный мотив исчезает полностью или частично. Иначе обстоит дело с преступлениями, которые совершаются по неосторожности. Они возникают из-за небрежности и самонадеянности людей. В сознании людей их самонадеянное или небрежное пове-

дение было оправдано, казалось им правильным. Но самонадеянные и небрежные люди, хотя и могли предполагать, что такое поведение рано или поздно приведет к беде, но не предполагали этого. В их сознании не было защитного мотива, оправдывающего случившееся преступное действие. После совершенного случайно преступления, если не возникает раскаяния, то начинает формироваться защитный мотив. Таким образом, преступления прямо или косвенно связаны с защитным мотивом, оправданием содеянного зла, желанием совершивших их лиц выглядеть добропорядочными людьми. Наличие защитного мотива нравственно усугубляет преступление.

Преступление — это безнравственное действие. Разумеется, что только подлинные нравственные действия создают условия для правопорядка, для достижения справедливости. Они обеспечивают достойную нравственную жизнь общества. Во-первых, в подлинном нравственном действии побуждение адекватно осознается и совпадает с позитивным мотивом. Во-вторых, цель такого действия строится на основе осмысления желаний, обстоятельств действия и средств ее достижения с позиции общего блага. В-третьих, ключевой составляющей нравственного действия является совесть, которая заставляет субъекта критически оценивать поставленную цель, обстоятельства действия и средства достижения цели, чтобы не нанести материального и морального вреда человечеству.

Следующий вопрос, требующий изучения, связан с возможностью использовать мотивы и результаты действия для его оценки. Эта проблема с позиции практики очевидна. Часто совершенные внешне «добрые» действия при рассмотрении их мотивов оказываются корыстными. Нередко внешне благопристойные дела совершаются ради личной выгоды. Благотворительность на поверку оказывается скрытой формой коррупции. Кроме того, часто происходят ситуации, когда «добрые» мотивы ведут к негативным последствиям. В таких случаях люди оправдывают свои поступки тем, что они хотели как лучше, но почему-то их намерения не сбылись.

По результатам действия судить прощ, они на поверхности, а мотивы скрыты

и часто маскируются. Тем не менее мотивы являются главным источником, по которому можно судить о нравственном поведении человека. Опыт показывает, что корыстные мотивы нетрудно распознать, если вникнуть в суть действия. Решение сложившейся проблемы (связанной с определением того, что именно — мотивы или результаты — позволяет адекватно оценить действие) находится на пути согласования альтернатив. Видимо, при оценке действия человека к его результатам следует добавлять нравственные мотивы, а к нравственным побуждениям — ответственность за результаты действия и их последствия.

Под чувством ответственности Л.Е. Владимиров понимает усвоенную идею о том, «что каждый из нас, под страхом бедствий своих или чужих, физических и нравственных, должен направлять внимание не только на ближайшие, но и на дальнейшие последствия своих действий, то есть приучаться глядеть за пределы того непосредственного удовлетворения, какое немедленно дает совершаемое нами действие. Это идея... постоянно напоминает, наконец, рождает в нас привычку обсуждать про себя намерения, обдумывать то, что предпринимается, то есть вспоминать, а иногда и вызывать из-под спуда накопленных дурных мыслей нравственные и правовые правила, внушенные нам с детства религией, воспитанием, обучением и общественной жизнью... Такая привычка обдумывать, обсуждать всевозможные стороны предприняемого нами превращается со временем в чувство ответственности...» [13, с. 2]. Таким образом, когда оцениваются результаты и последствия преступного действия, то возникает вопрос о мере ответственности субъекта преступления, его чувстве ответственности: осознавал ли субъект преступления общественную опасность (вред) результатов своих действий и их последствий?

В литературе выделяется несколько подходов в выборе эталона нравственной оценки действия. История этических учений знает два крайних предложения в нравственной оценке действия. И. Кант предлагал судить о моральности действия только по побуждению, И. Бентам — только по результату [12, с. 51]. Разумеется, преступление необходимо оценивать по намере-

ниям и мотивам субъекта преступления. Это позволяет называть их умышленными преступлениями или преступлениями, совершенными по неосторожности. Когда говорят о преступлениях небольшой, средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях, то учитывают степень опасности результата преступного деяния [10, с. 92]. При третьем и четвертом подходах расширяется представление в нравственной оценке о субъективной и объективной стороне преступного деяния. Квалифицируя преступление как неоконченное, учитывается не только побуждение и намерение субъекта, но и его целеполагание и «приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления» (ч. 1 ст. 30 УК РФ). В случае совершения преступления с отягчающими обстоятельствами полнее дается нравственная оценка его объективной стороне (средствам совершения преступления, его результату и последствиям). Формируется и пятый – интегральный подход к нравственному измерению преступления. При таком подходе проявляется стремление сложить нравственные ценности намерения и реального последствия деяния. При этом подходе уменьшается разрыв между ценностными характеристиками оснований преступления и объективным значением его последствий.

Если говорить об инструментах нравственной оценки преступления, то в их качестве избираются общечеловеческие моральные принципы и нормы. Т.А. Манина замечает, что гуманизм, справедливость, дифференциация ответственности и индивидуализация наказания выражают нравственные основы в уголовном законодательстве [7, с. 189]. Еще в конце XIX в. А.Ф. Кони назвал нравственными началами уголовного процесса принципы гуманизма, справедливости, законности и объективности [1].

Действительно, посягательство на жизнь любого человека является наиболее опасным и, безусловно, осуждаемым с нравственной позиции преступлением, поскольку несовместимо с принципом гуманизма. Посягательство на жизнь человека может быть нравственно отягченным. Нравственно отягчающими обстоятельствами являются отступления от

общечеловеческих моральных норм. Так, одной из давних человеческих норм, почитавшихся еще в Древней Индии и Древнем Китае, было уважение родителей, а убийство родителей считалось тяжким преступлением, нарушением священного закона общества. У многих народов данное обстоятельство признается самым тяжким в силу глубокой безнравственности. В России Соборное уложение 1649 г. предусматривало смертную казнь «безо всякой пощады» за убийство матери или отца. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. убийство отца или матери также признавалось наиболее тяжким преступлением против жизни. К сожалению, в современном российском законодательстве убийство родителей в качестве отягчающего обстоятельства не предусмотрено.

Недостаточный учет морального вреда при определении уголовной ответственности, как отмечает Б.С. Волков, может свести к нулю предупредительную роль уголовного закона [14, с. 121-126]. К сожалению, на практике оценка преступления сводится исключительно к установлению материального вреда, а моральный вред почти не рассматривается [9, с. 119]. Установление морального вреда конкретного преступления – задача сложная, но решаемая. Квалификация конкретного преступления предполагает, что следователь определит (измерит) его общественную опасность. При этом следователь не должен ограничиваться только той нравственной оценкой, которая определяется диспозицией избираемой им правовой нормы. Он должен выделять и те общечеловеческие моральные нормы, которые преступление уничтожает. Любое преступление приносит моральный вред обществу и личности потерпевшего.

В заключение следует отметить, что измерение нравственности поведения является не только актуальной методологической проблемой, но и становится важной практической задачей, когда общество пытается избавиться от коррупции, преодолеть потребительские настроения и рост эгоизма, создать благоприятный нравственный климат. Сегодня, благодаря развитию интернет-общения, появились благоприятные условия для общественно-

го контроля за нравственностью, для оперативной нравственной оценки гражданским обществом рассматриваемых в средствах массовой информации судебных дел. Общественный контроль складывается из двух форм контроля: институционального контроля (государственно-централизованного) и неинституционального контроля – межличностного (нравственного в собственном смысле этого слова). Слабый общественный контроль способствует росту девиантного поведения членов общества и разрушает общественный порядок в целом. Напротив, жесткий контроль ведет к застою, деградации общества, так как ограничивает свободу и творчество членов общества. Условием общественного прогресса является гибкий контроль. При гибком общественном контроле арсе-

нал его средств ориентирован на достижение общечеловеческого нравственного идеала. При слабом общественном контроле уничтожается роль его институциональной формы, государственно-правовых стандартов, а у членов социальной общности отсутствует единый нравственный идеал, единая система ценностей, моральные санкции не регламентируются. Таким образом, для сохранения доверия общества к правоохранительной практике и судебной системе необходимо, чтобы нравственная оценка правоохранительными органами преступлений, активно обсуждаемых общественностью, согласовывалась с общечеловеческими моральными принципами и нормами. В таком случае правоохранительная деятельность и правосудие будут признаваться справедливыми.

Список литературы

1. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1967. 637 с.
2. Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1988. 384 с.
3. Строгович М.С. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве // Избранные тр.: в 3 т. Т. 2. М., 1992. 278 с.
4. Герасимов А.М. Нравственность в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 21 с.
5. Тасаков С.В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 51 с.
6. Ревина И.В. Соотношение правового и нравственного регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. N 5. С. 93-96.
7. Манина Т.А. Взаимодействие норм нравственности и уголовного права в процессе регулирования общественных отношений // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. Вып. 5.
8. Алферовская Е.О. Нравственная основа профессиональной защиты в делах о коррупционных преступлениях // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. N 4. С. 184-188.
9. Кравцова М.А. Нравственные начала деятельности следователя в установлении морального вреда, причиненного преступлением // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. N 4. С. 118-125.
10. Научные основы квалификации преступлений: учебник / С.Н. Шатилович [и др.]. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 362 с.
11. Блажевич Н.В. Логика для следователей: учебник. 2-е изд. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 316 с.
12. Селиванов Ф.А. Этика – инженеру: учеб. пособие. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. 151 с.
13. Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903. 256 с.
14. Волков Б.С. Нравственные начала в назначении наказания // Правоведение. 2000. N 1. С. 121-127.

Annotation

1. Koni A.F. Nравstvennyye nachala v ugovolnom protsesse (obshchie cherty sudebnoy etiki) [Moral principles in the criminal process (common features of judicial ethics)]. Sbornie sochineniy [Collected works]. In 8 volumes. Volume 4. Moscow, 1967. 637 p.
2. Sergeich P. Iskusstvo rechi na sude [The art of speech in court]. Moscow, 1988. 384 p.
3. Strogovich M.S. Garantii prav lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve [Guarantees of individual rights in criminal proceedings]. Izbrannye tr. [Selected works]. In 3 volumes. Volume 2. Moscow, 1992. 278 p.
4. Gerasimov A.M. Nравstvennost' v ugovolnom prave Rossii. Avtoref. Kand. Diss. [Morality in the criminal law of Russia. Autoabstract Cand. Diss.]. Saratov, 2006. 21 p.

5. Tasakov S.V. Nравstvennye osnovy ugovolno-pravovyh norm, napravlennyh na ohranu lichnosti, ee prav, svobod i zakonnyh interesov. Avtoref. Dokt. Diss. [Moral foundations of criminally-legal norms directed on protection of the person, its rights, freedom and legitimate interests. Autoabstract Doct. Diss.]. Ekaterinburg, 2010. 51 p.

6. Revina I.V. Sootnoshenie pravovogo i нравstvennogo regulirovaniya ugovolno-protsessual'noy deyatel'nosti [Correlation of legal and moral regulation of criminal procedure]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya South-Western State University, 2012, no. 5, pp. 93-96.

7. Manina T.A. Vzaimodeystvie norm нравstvennosti i ugovolnogo prava v protsesse regulirovaniya obshchestvennyh otnosheniy [Interaction of norms of morality and criminal law in the process of regulation of social relations]. Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy – Scientific problems of humanitarian research. 2012. Issue 5.

8. Alferovskaya E.O. Nравstvennaya osnova professional'noy zashchity v delakh o korrupsionnykh prestupleniyakh [The moral basis of professional protection in cases of corruption crimes]. Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess – The judicial power and criminal process, 2015, no. 4, pp. 184-188.

9. Kravtsova M.A. Nравstvennye nachala deyatel'nosti sledovatelya v ustanovlenii moral'nogo vreda, prichinennogo prestupleniem [Moral beginnings of the investigator's activity in establishing moral harm caused by crime]. Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess – Judicial power and criminal process, 2015, no. 4, pp. 118-125.

10. Shatilovich S.N. [i dr.]. Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestupleniy [The scientific basis of the qualification of crimes]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2015. 362 p.

11. Blazhevich N.V. Logika dlya sledovateley [Logic for investigators]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. 316 p.

12. Selivanov F.A. Etika – inzheneru [Ethics for the Engineer]. Tyumen, Tyumen State Oil and Gas University, 2010. 151 p.

13. Vladimirov L.E. Ugolovnyy zakonodatel' kak vospitatel' naroda [The criminal legislator as the educator of the people]. Moscow, 1903. 256 p.

14. Volkov B.S. Nравstvennye nachala v naznachenii nakazaniya [Moral principles in the appointment of punishment]. Pravovedenie – Jurisprudence, 2000, no. 1, pp. 121-127.

ВЕРИНА Г.В., VERINA G.V.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences, associate professor,
GV.Verina@yandex.ru GV.Verina@yandex.ru
Кафедра уголовного Chair of criminal
и уголовно-исполнительного права; and penitentiary law;
Саратовская государственная Saratov State Law Academy,
юридическая академия, Volsky St. 1, Saratov, 410056,
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1 Russian Federation

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ И НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В научной статье показана эволюция и современное состояние методологических проблем объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления и их взаимосвязи в контексте феномена собственности. Обоснована обусловленность методологического подхода политическими и идеологическими реалиями. Сделан вывод о том, что в современной российской уголовно-правовой доктрине система воззрений на объект преступлений против собственности развивается в условиях плюрализма концепций в рамках общего учения об объекте преступления. Представлено авторское видение данной проблемы, сущность которого заключается в разработке системы научных воззрений о том, что объект уголовно-правовой охраны и объект преступления есть блага и общественные отношения. В сфере собственности — это блага и общественные отношения, возникающие по поводу права владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим собственнику (законному владельцу) в результате присвоения вещества природы. Доказана состоятельность методологического подхода к объекту уголовно-правовой охраны и объекту преступления, суть которого заключается в том, что объект уголовно-правовой охраны и объект преступления — понятия, совпадающие по своему содержанию, но отличающиеся временным аспектом.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана; собственность; объект уголовно-правовой охраны; объект преступления; преступления против собственности; эволюция методологии; эволюция научной мысли.

PROPERTY AS THE OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION AND THE OBJECT OF CRIME: THE EVOLUTION OF METHODOLOGY AND SCIENTIFIC THOUGHT

Annotation. The evolution and current state of the methodological problems concerning the object of criminal law protection and the object of crime and their interrelations in the context of the phenomenon of ownership are described in the article. The conditionality of the methodological approach by political and ideological realities is substantiated. It is concluded that in the modern Russian criminal law doctrine, the system of views on the object of crimes against property develops in the conditions of pluralism of concepts within the framework of the general doctrine of the object of crime. The author's point of view on this problem is presented, the essence of which is to develop the system of scientific views proving that the object of criminal law protection and the object of crime are the benefits and social relations. In the sphere of property they are the benefits and social relations concerning the right of ownership, use and disposal of property belonging to the owner (legal owner) as a result of the appropriation of the substance of nature. The validity of the methodological approach to the object of criminal law protection and the object of crime is proved. The essence of this approach is that the object of criminal law protection and the object of crime are the concepts that coincide in the content, but differ in the time aspect.

Keywords: criminal law protection; property; object of criminal law protection; object of crime; crimes against property; evolution of methodology; evolution of scientific thought.

В современную эпоху развития российского общества, государства и права, в эпоху господства рыночных отношений собственность не может не входить в число важнейших благ человека. Наиболее

очевидно это проявляется в периоды экономических кризисов, когда для основной массы населения страны самым злободневным вопросом становится даже не сохранение трудовых сбережений, а выжива-

ние в связи с девальвацией рубля, ростом цен на жизненно необходимые продукты, лекарства, ростом коммунальных платежей и многими другими повседневными проблемами в материальной сфере. «Где нет собственности, — утверждал И.П. Пнин, подчеркивая ее значимость, — там круг общественных деяний едва движется, <...> там самая причина соединения людей истреблена, там узел, долженствующий скреплять общество, уже разорван, и будущее, истекая из настоящего положения вещей, знаменует черную тучу, страшную бурю в себе заключающую» [1, с. 228-229].

Не случайно Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»* криминализировано мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ) — одно из порождений затянувшегося экономического кризиса, берущего свое начало в 2014 г. Таким образом законодатель, с одной стороны, признал, что происходит снижение материального уровня жизни все большего числа лиц, что потребовало усиления ответственности за посягательства на собственность в мизерных, по сути, размерах, с другой — показал необходимость защиты собственности граждан независимо от ее объема, а также приверженность постулату «собственность священна и неприкосновенна».

Несомненно, данное законодательное решение — событие знаковое, уходит своими корнями в идеи немецкой классической философии, так как еще Г. В. Ф. Гегель писал: «...лишь в собственности лицо выступает как разум» [2, с. 101]. Однако объемы собственности не должны определять положение личности в обществе и государстве. В противном случае это влечет за собой многочисленные негативные явления, в том числе и криминального характера: незаконный передел собственности (о чем ярко свидетельствуют, в частности, рейдерские захваты объектов недвижимости), коррупция, торговля

людьми, использование рабского труда, иное нарушение прав и свобод человека и гражданина.

По высказыванию В.В. Лунеева, глобальная свобода капитала уничтожит свободу личности человека [3, с. 24]. В связи с этим важно сохранять баланс между двумя крайностями — глобальной свободой капитала и полным отсутствием этой свободы, поскольку каждая из них не способствует прогрессу экономическому и общества в целом.

Охрана собственности от преступных посягательств — одна из задач уголовного закона, которая в ст. 2 УК РФ по праву занимает одно из приоритетных мест. Это свидетельствует о том, что собственность не только входит в систему объектов уголовно-правовой охраны, но и является значимой ее составляющей. Реализация задачи уголовно-правовой охраны собственности на уровне законодательства осуществляется прежде всего путем установления запрета причинения вреда данному объекту под угрозой уголовного наказания. Иными словами, признание определенных общественно опасных деяний, посягающих на собственность, преступлениями (гл. 21 УК РФ) преследует цель реализации задачи ее уголовно-правовой охраны. В случае совершения преступления данная задача в превентивном аспекте не выполняется, соответствующая цель не достигается. Однако на этом действие права не заканчивается, более того, вступают в силу нормы, предусмотренные Особенной частью УК РФ.

Состояние уголовно-правовой защищенности собственности во многом обусловлено методологическим подходом к взаимосвязи объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления, концептуальными подходами к сущности данных феноменов, к соотношению объекта и предмета преступления.

В различные исторические вехи уголовно-правовой науки вопрос об уголовно-правовой охране и объекте преступления с методологической точки зрения решался по-разному. Научные воззрения на соотношение объекта и предмета преступления также претерпели определенную эволюцию. Представляется научно значимым осмысление данного развития

* См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. II). Ст. 4256.

для уголовно-правового учения о преступлениях против собственности, поскольку история науки и методологии позволяет выбрать правильное направление его перспектив и совершенствования уголовного законодательства в обозначенном пространстве.

Научное мнение относительно поставленной проблемы имеет определенную обусловленность политическими и идеологическими реалиями. Данная гипотеза подтверждается исследованием взаимосвязи научных суждений различных авторов с историческими особенностями Российского государства на том или ином отрезке времени.

Еще в первой половине XIX столетия Г.И. Солнцев под объектом преступлений понимал права и свободы, безопасность и благосостояние государства и частных его граждан. Этот вывод основывается на определении понятия преступления, которое он сформулировал: «Преступление (*delictum*) есть внешнее, свободное, положительными законами воспрещенное деяние (*actio externa, libera, illegitima*), против политического равенства и свободы целого государства или частных граждан устремляемое и правомерное наказание за собою влекущее, или иначе, преступление есть внешнее, свободное, положительными законами воспрещаемое деяние, безопасность и благосостояние государства или частных его граждан, посредственно или непосредственно, нарушающее и правомерное наказание за собою для преступника влекущее» [4, с. 54].

В.Д. Спасович называл и предметом, и объектом преступления лицо, страдающее от преступления, о чем свидетельствуют, например, такие его слова: «...преступление может быть совершено только против какого-нибудь лица, следовательно, предметом преступления может быть только лицо» [5, с. 54]. Основная мысль приведенного изречения состоит в том, что преступление причиняет вред именно лицу. Его автор, по-видимому, не придавал особого значения терминологии, отводя ей чисто техническую функцию.

А.Ф. Кистяковский под объектом преступления понимал человека со всеми правами и учреждениями, которые им как существом общественным создаются.

Жизнь, здоровье, свободу, честь, даже строй мысли он относил к объектам преступления; вещи, животные и учреждения также наделялись функцией объекта преступления [6, с. 280].

П.Д. Калмыков объектом преступления называл то, против чего оно совершается, а само преступление определял как нарушение юридической обязанности, относящейся к целому обществу или к лицу, отдельно взятому. Вместе с тем, используя предмет преступления в качестве аналога объекта преступления, теоретик признавал таковым лиц в совокупности или отдельно взятых [7, с. 49]. В контексте объектно-предметного взаимодействия П.Д. Калмыков особо относился к животным, он писал: «Животные, состоящие наравне с прочими вещами в человеческом обращении, не могут быть предметами юридического преступления, но они могут соделаться предметами нарушения нравственного, ибо люди имеют в отношении к ним обязанности нравственные» [7, с. 49].

В итоге важно отметить, что в период научной деятельности названных правоведов российская теория уголовного права объект и предмет преступления не разделяла на самостоятельные понятия, что с позиции современных воззрений на проблему их взаимосвязи можно расценить как некое ошибочное представление. Однако не следует забывать о том, что с тех пор прошло значительно больше века. Есть основания полагать, что собственность с позиции состава преступления наделялась функциями и предмета, и объекта преступления, которые признавались понятиями взаимозаменяемыми. Феномен собственности рассматривался через призму принадлежности лицу, страдающему от преступления. На объекте уголовно-правовой охраны внимание не акцентировалось.

В период Российской империи Н.С. Таганцев, выдающийся российский ученый, определял преступное деяние как посягательство на норму права в ее реальном бытии, другими словами, — посягательство на правоохраненный интерес жизни [8, с. 47]. В этом глубинном суждении содержится кладезь мыслей. В нем можно усмотреть не только подход автора к трактовке объекта преступления, но и признание научной уголовно-правовой

категорией понятия «объект уголовно-правовой охраны», а также комбинацию объекта преступления и объекта уголовно-правовой охраны. Как представляется, под объектом уголовно-правовой охраны ученый понимал тот интерес жизни, который поставлен под уголовно-правовую охрану. «Таковыми правоохраняемыми интересами, — считал правовед, — могут быть: <...> обладание или пользование известными предметами внешнего мира» [8, с. 48].

Рассуждая об имущественных преступлениях, исследователь отмечал: «...воровство есть похищение чужого движимого имущества, <...> конкретным предметом, на который направляется преступное деяние, являются часы, кошелек и т.п., находящиеся в чьем-либо обладании, а отвлеченным объектом — норма права, определяющая отношения лиц по имуществу и защищающая неприкосновенность собственности и владения» [8, с. 178].

Опираясь на приведенные суждения, можно предположить, что Н.С. Таганцев признавал объект и предмет преступлений против собственности самостоятельными уголовно-правовыми категориями, однако тесно связанными. Вместе с тем в них можно усмотреть и несколько другую трактовку объекта преступления против собственности — полисемичную. Полисемичность представлена, во-первых, тем, что конкретный предмет, на который направлено посягательство, можно трактовать в качестве объекта преступления. Возможно, речь шла, используя современную научную терминологию, о непосредственном объекте преступления. И, во-вторых, — выделением отвлеченного (предположительно, аналога родового) объекта преступления, функцией которого наделялась норма права, утверждающая неприкосновенность собственности и владения. Второе проявление полисемии несколько противоречит общему пониманию объекта преступления как «правоохраненного интереса жизни», поскольку в последнем все-таки акцент сделан на интересе жизни, а не на норме права, ибо норма права, видимо, сама по себе не признавалась мыслителем самоценностью, так как она призвана защищать интерес жизни. Может быть, словосочетание «правоохраненный интерес жизни» использовалось теорети-

ком уголовного права для того, чтобы оттенить специфику объекта уголовно-правовой охраны. Все это укрепляет в мысли о том, что Н.С. Таганцев различал понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления», видел их тесную взаимосвязь, характеризовал объект преступления с различных сторон, не оставлял без внимания предмет преступления.

И.Я. Фойницкий признавал объектом имущественных посягательств имущество как «конкретный предмет юридического господства человека, как одну из частей его правовой сферы» [9, с. 158]. Этот подход к объекту имущественных посягательств был сохранен и в седьмом издании курса уголовного права И.Я. Фойницкого, дополненного и пересмотренного А.А. Жижиленко. Целесообразно привести следующие слова из названного произведения: «Имущество может быть объектом преступных посягательств не само по себе, <...> а лишь как конкретный предмет юридического господства человека, как одна из частей его правовой сферы. <...> Предмет похищения составляет чужое движимое имущество, находящееся в чужом владении и переходящее во владение виновного» [10, с. 162, 168].

Методологический подход И.Я. Фойницкого (и А.А. Жижиленко как автора дополнений) к интерпретации объекта преступления отличался от подхода Н.С. Таганцева. Имеются основания предположить, что имущество в контексте трактовки объекта преступлений рассматривалось И.Я. Фойницким в качестве предмета общественных отношений по поводу владения, пользования и распоряжения им. Иными словами, был сделан шаг к новой модели объекта преступления, структурным звеном которого выступает предмет.

Представляет научный интерес то, что С.В. Познышев исходил из узкого понимания объекта преступления, отождествляя его с предметом, о чем свидетельствует высказывание исследователя: «Объектом похищения может быть лишь чужое движимое имущество и, притом, только относящиеся к нему материальные предметы, *res corporales*» [11, с. 12]. В приведенном контексте объект и предмет преступления имеют общую сущность. Этот своеобразный ракурс трактовки объекта и предме-

та преступления вряд ли можно признать прогрессивным для того периода времени. И с методологической точки зрения его можно признать ошибочным.

А.Н. Круглевский выделял непосредственный и посредственный объекты посягательства. Нарушаемое виновным благо он признавал непосредственным объектом посягательства, а нарушаемое право – посредственным. Вместе с тем первый им именовался фактическим, а второй – юридическим объектом посягательства [12, с. 12]. Из этого можно сделать вывод, что преступление, нарушающее имущественное благо, нарушает и имущественное право. Следуя предложенной правоведом классификации объектов преступлений, можно предположить, что имущественное благо признавалось непосредственным (фактическим) объектом имущественных преступлений, а имущественное право – посредственным (юридическим) объектом исследуемых преступлений. Научный взгляд А.Н. Круглевского, думается, имел большое значение для размежевания объекта и предмета преступления против собственности, придания им самостоятельного статуса.

Труды ученых досоветского периода сыграли важную роль в переосмыслении методологических подходов к вопросу об объекте преступления, в формировании новых научных течений объекта преступлений против собственности в 90-е гг. XX столетия.

Анализ уголовно-правовой литературы советского периода [13; 14; 15] по проблеме объекта преступлений дает основание сделать вывод о том, что в тот период была незыблемой трактовка объекта преступления как совокупности общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» признавались, по сути, идентичными. Таким образом, в данный период методологический подход к трактовке объекта преступления в корне отличался от такового в период Российской империи, что во многом обусловлено сменой общественно-экономической формации, о чем недвусмысленно пишет А.А. Пионтковский, отмечая, что уголовное право охраняет систему общественных от-

ношений в интересах господствующего класса, а преступление нарушает реально существующие общественные отношения. Взгляд на объект преступления как на правовое благо, защищенный интерес автор объявил вульгарно-материалистическим [16, с. 46, 53].

В современной российской уголовно-правовой доктрине по проблеме объекта преступления единая концепция отсутствует. Вместе с тем разработаны или получили новое развитие многочисленные концепции: объект преступления – «общественные отношения», «правоохраняемый интерес жизни», «благо», «совокупность благ (интересов), охраняемых уголовным законом», «правовое благо», «ценности, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств», «человек или люди» и др. Вместе с тем дискуссия на эту тему продолжается, хотя не столь бурная, как в начале двухтысячных.

Все вышеназванные научные концепции, думается, объединяет то, что они опираются на одну теоретическую модель структуры общественных отношений, состоящей из следующих трех элементов: 1) предмет общественных отношений (материальные или духовные блага); 2) участники (стороны) данных отношений и 3) права и обязанности сторон как их содержание. С позиции разных концепций объектом преступления признается тот или иной элемент структуры общественных отношений, т.е. какая-то часть целого: предмет общественных отношений, участники отношений либо их права. Учитывая механизм причинения вреда общественным отношениям, можно заключить, что вначале вред наносится предмету общественных отношений, т.е. благам (иными словами, части целого), а потом – всему целому. При совершении преступлений вред может причиняться прежде всего благам, участнику отношений, а в конечном итоге и самим общественным отношениям. Следовательно, в качестве объекта преступления как части целого могут выступать и благо, и участник общественного отношения, и его права. Выбор предопределяется претерпевающим воздействием в первую очередь элементом структуры общественных отношений. В итоге страдает общественное отношение в целом.

Разумеется, можно спорить о том, благом или общественными отношениями является объект преступления. Можно критиковать авторов за попытку совместить две концепции. Однако можно увидеть в этом и путь решения проблемы. Не должно быть выбора относительно того, общественные отношения или блага защищает российский уголовный закон. Он предназначен защищать и то и другое. Есть основание предположить, что в действующем уголовном законе при формулировании его задач (ст. 2 УК РФ) отражен именно двусторонний подход к уголовно-правовой охране личности, общества и государства. Кроме того, дискутировать по поводу того, какая из сторон, какой из элементов общественных отношений является объектом преступления, вряд ли правильно и продуктивно. Представляется наиболее целесообразным трактовать объект преступления как общественные отношения, предметом которых выступают различные нематериальные и материальные блага, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств. Такого рода блага, являясь частью общественных отношений, также выполняют функцию объекта преступления, поскольку в виде части целого входят в структуру общественных отношений.

При сложившемся состоянии общего учения об объекте преступления не может быть однозначной трактовки и объекта преступлений той или иной однородной группы. Сосредоточим внимание на преступлениях, основным объектом которых является собственность. В свете устоявшегося в теории уголовного права мнения по данному вопросу об основном объекте можно вести речь на уровне непосредственных объектов в двухобъектных преступлениях. Однако чтобы подчеркнуть значимость собственности как объекта уголовно-правовой охраны в системе всех иных объектов, а также сделать акцент на преступлениях против собственности и уголовно-правовых нормах, созданных ради ее охраны, собственность можно позиционировать в качестве основного объекта независимо от уровня деления объекта преступления на виды «по вертикали». Вместе с тем смысл собственности, ее сущность не должны зависеть от вида

объекта преступления «по горизонтали» – основного, дополнительного или факультативного.

В настоящее время в научной литературе вопрос о том, что же является объектом преступлений против собственности, однозначно не решен. Разнообразие точек зрения во многом обусловлено плюрализмом концепций объекта преступления. Наряду с этим анализ уголовно-правовой литературы, изданной в период действия УК РФ 1996 г., позволяет сделать вывод о том, что применительно к преступлениям против собственности многие ученые не торопятся отказываться от концепции «объект преступления – общественные отношения».

На протяжении ряда лет автор настоящей научной статьи в своих работах отстаивает необходимость рассмотрения родового (видового) объекта исследуемых преступлений через призму комплексного экономико-правового института собственности – права владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим собственнику в результате присвоения вещества природы.

Специфика законодательной конструкции Особенной части уголовного закона России в различные исторические вехи обусловила признание собственности как комплексного экономико-правового понятия то родовым, то видовым объектом преступлений против собственности. В период действия УК РСФСР 1960 г. собственность как комплексное экономико-правовое понятие наполняла содержание родового объекта преступлений против собственности именно потому, что не было смысла вести речь об объекте видовом, так как Особенная часть УК РСФСР состояла из глав, которые не были объединены в разделы, в отличие от действующего УК РФ. Поскольку в современном уголовном законодательстве закреплена четырехзвенная структура (часть, раздел, глава, статья), постольку следует различать общий, родовый, видовой и непосредственный объекты преступлений против собственности. В связи с такими переменами произошла и трансформация собственности как комплексного экономико-правового понятия из родового в видовой объект преступлений против собственности.

В силу своей оригинальности заслуживает детального рассмотрения позиция В.В. Векленко по вопросу общего, родового, видового и непосредственного объектов преступлений против собственности. В качестве общего объекта им названы все поставленные под охрану уголовного закона правовые отношения. Родовым объектом преступлений против собственности ученый признает отношения по поводу владения, пользования или распоряжения имуществом. За правоотношениями в сфере экономической деятельности, возникающими в связи с существенным нарушением прав общества, личности и государства, автор сохраняет функцию видового объекта. Непосредственным объектом теоретик признает имущественные отношения, реализуемые в рамках частной, государственной, общественной и иных форм собственности. Помимо общепризнанных в теории уголовного права видов объектов преступления, исследователь выделяет новый вид, называя его отдельным (частным) объектом преступления. Данный объект преступления он определяет как «...отношения по поводу имущества конкретного юридического или физического лица, которые обусловлены причинением материального ущерба конкретному субъекту» [17, с. 23-24].

Весьма противоречив предложенный А.В. Шульгой подход к объекту преступлений против собственности. Во-первых, он констатирует: «Объектом преступлений против собственности по УК РФ являются фактические отношения собственности по поводу материальных благ (имущества), предназначенных для индивидуального или коллегиального потребления или для производственной деятельности» [18, с. 23].

Во-вторых, на той же самой странице своей работы правовед отмечает, что «...объектом преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, являются общественные отношения собственности: 1) граждан и юридических лиц (кроме государственных и муниципальных предприятий и учреждений, финансируемых собственником); 2) государственной (федеральной) собственности и собственности субъектов Российской Федерации) и 3) муниципальной, то есть имущества, принадлежащего на праве собственности городским и сель-

ским поселениям, а также другим муниципальным образованиям» [18, с. 23].

В-третьих, автор резюмирует: «...объектом уголовно-правовой охраны собственности является фактическое поведение или состояние участников имущественных отношений, в которых реализуются экономические интересы собственников или законных владельцев» [18, с. 23].

Важно проанализировать процитированные определения. Так, в первом из них акцент сделан на фактических отношениях собственности, во втором — на общественных отношениях собственности. О том, в чем заключается их отличие, А.В. Шульга умалчивает. Вместе с тем во второй дефиниции объекта преступлений против собственности происходит отождествление объекта и предмета преступления, так как поставлен знак равенства между муниципальной собственностью и имуществом, в первом же определении они представлены как самостоятельные понятия. Кроме того, если в первой и второй трактовке объекта преступлений против собственности центральным понятием избраны общественные отношения, хотя и в разной интерпретации, то в третьей — об общественных отношениях речь уже не идет. Автор также указывает на объект уголовно-правовой охраны собственности. Получается, что не собственность выступает объектом уголовно-правовой охраны, а уголовно-правовая охрана собственности имеет свой объект, в качестве которого исследователь признает фактическое поведение или состояние участников имущественных отношений. Что он тем самым хотел сказать? Можно предположить, что правовед попытался размежевать объект преступления и объект уголовно-правовой охраны, но попытка не принесла весомых результатов. При этом произошла путаница двух самостоятельных концепций объекта преступления: «объект преступления — общественные отношения» и «объект преступления — человек».

Нельзя согласиться с дуалистической трактовкой (в социальном и правовом смыслах) Н.В. Вишняковой объекта преступлений вообще и преступлений против собственности, в частности. По мнению автора, объект в социальном смысле — собственность, а в правовом — требова-

ния соответствующих уголовно-правовых норм [19, с. 29]. Признание собственности объектом преступлений главы 21 УК РФ традиционно для уголовно-правовой доктрины. Заявка же на требование уголовно-правовых норм как на объект в правовом аспекте оригинальна, однако вряд ли имеет смысл. Требование уголовно-правовой нормы не может быть объектом преступления, так как оно характеризует содержание этой нормы. Нарушение данного требования свидетельствует о том, что нарушена норма, содержащая описание признаков (элементов) состава преступления, в том числе и объекта преступления. То или иное общественное отношение становится объектом преступления только в том случае, когда оно взято под охрану уголовного закона. И, наконец, общественно опасным и противоправным может быть деяние, а не общественные отношения.

Таким образом, учение об объекте преступлений против собственности развивается по достаточно тернистому пути: через отождествление объекта и предмета преступления, отрицание его значимости для уголовного права вообще, изменение сущности данного уголовно-правового понятия, придание этой сущности полисемичности, безоговорочное признание общественных отношений объектом преступления, отрицание такого подхода, попытку найти компромисс в данном вопросе и вновь востребованность концепции общественных отношений.

С учетом изложенного в понимание родового, видового и непосредственного объектов преступлений против собственности следует вкладывать следующий смысл: родовой объект преступлений против собственности представляет собой систему благ и общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование экономики страны как единого, целостного организма; видовой объект – собственность как комплексный экономико-правовой феномен, проявляющаяся в праве владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим собственнику (законному владельцу) в результате присвоения вещества природы. Вместе с тем речь идет о собственности как об одном из важнейших благ и общественных отношений. При совершении

преступления против собственности нарушаются отношения, возникшие по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим собственникам (или законным владельцам) в результате правомерного присвоения материальных благ. На уровне видового объекта форма собственности не конкретизируется. Непосредственным объектом преступлений против собственности выступает собственность, с учетом экономико-правовой трактовки, в ее конкретной форме (частной, государственной, муниципальной, интеллектуальной и иной). В зависимости от субъекта права собственности изменяется форма собственности, следовательно, и непосредственный объект приобретает определенную специфику.

К вопросу взаимосвязи объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления в советский и постсоветский периоды эволюции российской уголовно-правовой науки наблюдается один и тот же методологический подход. Предпринимавшиеся попытки размежевать данные категории не принесли весомых результатов. Наиболее предпочтительны в данном ключе воззрения В.Д. Филимонова, В.В. Мальцева и других, суть которых заключается в том, что объект уголовно-правовой охраны и объект преступления – понятия идентичные. Так, В.В. Мальцев в защиту данной методологии приводит следующие аргументы: объект преступления (охраны) есть общественные отношения по своему содержанию, и «этот факт подтверждается российским законотворческим опытом, научными уголовно-правовыми исследованиями прошлого и настоящего, динамикой социальных реалий современной жизни» [20, с. 128].

Вышеозначенный методологический подход представляется наиболее правильным, т.е. объект уголовно-правовой охраны и объект преступления – совпадающие понятия по своей сущности. Отличаются они лишь временным аспектом: взятый под уголовно-правовую охрану объект становится потенциальным объектом преступления; последний трансформируется в реальный объект преступления при его совершении. Таким образом, различие между ними лежит исключительно в темпоральной плоскости.

Собственность выполняет функцию не только объекта преступления, но и объекта уголовно-правовой охраны. Данный вывод, помимо всего прочего, опирается на положения ст. 2 УК РФ, в которой собственность фигурирует в качестве объекта уголовно-правовой охраны, и главы 21 УК РФ, в которой она выполняет двойственную функцию, ибо пока нормы уголовного закона не нарушены, собственность – объект уголовно-правовой охраны, в противном случае, при совершении преступления, она – объект преступления. Важно отметить и то, что собственность была и продолжает оставаться одним из приоритетных объектов уголовно-правовой охраны. Особенно ярко данный аспект проявляется в период экономических кризисов.

В завершение исследования поставленной проблемы можно сформулировать ряд выводов:

1. Учение (система знаний, накопленных поколениями ученых и являющихся научным наследием) о собственности как объекте уголовно-правовой охраны и объекте преступления своими корнями уходит в уголовно-правовые идеи XIX–XX столетий.

2. На начальном этапе формирования российской научной уголовно-правовой мысли собственность с позиции состава преступления наделялась функциями и предмета, и объекта преступления, которые признавались понятиями взаимозаменяемыми. На объекте уголовно-правовой охраны внимание не акцентировалось. Феномен собственности рассматривался через призму принадлежности лицу, страдающему от преступления.

3. Концепция Н.С. Таганцева отличалась принципиально новым методологическим подходом, сущность которого заключалась в обособлении таких важнейших категорий, как объект уголовно-правовой охраны, объект и предмет преступления, и вместе с тем в установлении между ними тесных корреляционных связей.

4. В последующем теория уголовно-правовой охраны собственности и объекта преступлений против собственности развивалась под влиянием научных воззре-

ний Н.С. Таганцева на объект преступления как правоохраненный интерес жизни.

5. В этот период наблюдался и некий плюрализм во взглядах ученых. Так, И.Я. Фойницкий считал объектом имущественных посягательств имущество как конкретный предмет юридического господства человека, как одну из частей его правовой сферы. С.В. Познышев исходил из узкого понимания объекта хищения, отождествляя его с предметом – чужим движимым имуществом.

6. В начале XX столетия был сформирован новый методологический подход к взаимодействию объекта и предмета преступлений против собственности: предмет признавался структурным звеном объекта преступления (И.Я. Фойницкий).

7. В советский период собственность как объект преступления и объект уголовно-правовой охраны признавались тождественными понятиями.

8. Методологические проблемы объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления имеют определенную обусловленность политическими и идеологическими реалиями.

9. В современной российской уголовно-правовой доктрине система воззрений на объект преступлений против собственности развивается в условиях плюрализма концепций в рамках общего учения об объекте преступления.

10. Наиболее правильным представляется методологический подход к объекту уголовно-правовой охраны и объекту преступления, суть которого заключается в том, что объект уголовно-правовой охраны и объект преступления – совпадающие по своему содержанию понятия. Отличаются они лишь временным аспектом: взятый под уголовно-правовую охрану объект становится потенциальным объектом преступления; последний трансформируется в реальный объект преступления при его совершении.

11. Собственность как одно из важнейших благ и общественных отношений выполняет функцию и объекта уголовно-правовой охраны, и объекта преступления.

Список литературы

1. Ошерович Б.С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII века – первая четверть XIX века). М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. 312 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права / ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц; пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990. 524 с. (Сер.: Философское наследие. Т. 113).
3. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М.: Норма, 2007. 272 с.
4. Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым (Казань, 1820) / под ред. и с вступ. ст. о Г.И. Солнцева Г.С. Фельдштейна. Ярославль: [Б.и.], 1907. 218 с.
5. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб.: В тип. Иосафата Огризко, 1863. Т. 1. Вып. 1, 2. 432 с.
6. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. 2-е изд., испр. и значит. доп. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1882. 930 с.
7. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права, изданный А. Любавским. Часть Общая. Часть Особенная. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1866. XVI, 535 с.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции. 2-е изд., пересм. и доп. СПб.: Гос. тип., 1902. Т. 1. 823 с.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб.: Просвещение, 1907. 441 с.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Посмертн., 7-е изд. Юрид. общ-ва при Петроградском ун-те, доп. и пересм. А.А. Жижиленко. Петроград: Тип. М. Меркушева, 1916. 439 с.
11. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: А.А. Карцев, 1912. 653 с.
12. Круглевский А.Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. СПб.: Типо-лит. С.-Петерб. одиночной тюрьмы, 1913. 549 с.
13. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. 229 с.
14. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л.: ЛГУ, 1979. 127 с.
15. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 248 с.
16. Пионтковский А.А. Система Особенной части уголовного права // Советское право. 1926. N 2. С. 43-63.
17. Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск: ОА МВД России, 2001. 256 с.
18. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества. М.: Юрлитинформ, 2007. 376 с.
19. Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск: Омская акад. МВД России, 2008. 248 с.
20. Мальцев В.В. Учение об объекте преступления: в 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград, 2010.

References

1. Osherovich B.S. Ocherki po istorii russkoy ugolovno-pravovoy mysli (vtoraya polovina XVIII veka – pervaya chetvert' XIX veka) [Essays on the history of Russian criminal-legal thought (the second half of the XVIII century – the first quarter of the XIX century)]. Moscow, the Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1946. 312 p.
2. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava [Philosophy of law. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p. (Series: Philosophical Heritage, vol. 113)].
3. Luneyev V.V. Epokha globalizatsii i prestupnost' [The era of globalization and crime]. Moscow, Norma, 2007. 272 p.
4. Rossiyskoye ugolovnoye pravo, izlozhennoye Gavriilom Solntsevym (Kazan', 1820) [Russian criminal law, set out by Gabriel Solntsev (Kazan, 1820)]. Yaroslavl, 1907. 218 p.
5. Spasovich V.D. Uchebnik ugolovnogo prava [A textbook of criminal law]. St. Petersburg, 1863. Volume 1. Issue 1, 2. 432 p.
6. Kistyakovskiy A.F. Elementarnyy uchebnik obshchego ugolovnogo prava s podrobnym izlozheniyem Nachal Russkogo Ugolovnogo Zakonodatel'stva. Chast' Obshchaya [An elementary textbook of general criminal law detailing the beginnings of Russian criminal law. Part of the General]. Kiev, Printing house I. and A. Davidenko, 1882. 930 p.
7. Kalmykov P.D. Uchebnik ugolovnogo prava, izdanniy A. Lyubavskim. Chast' Obshchaya. Chast' Osobennaya [A textbook of criminal law, published by A. Lubavsky. Part of the General. Part Special]. St. Petersburg, The printing house of the Association "Public Benefit", 1866. XVI, 535 p.

8. Tagantsev N.S. Russkoye ugolovnoye pravo. Chast' Obshchaya [Russian criminal law. Part of the General]. St. Petersburg, 1902. Volume 1. 823 p.
9. Foyntskiy I.Ya. Kurs ugolovnogo prava. Chast' Osobennaya. Posyagatel'stva lichnyye i imushchestvennyye [The course of criminal law. Part Special. Personal and property encroachments]. St. Petersburg, Education, 1907. 441 p.
10. Foyntskiy I.Ya. Kurs ugolovnogo prava. Chast' Osobennaya. Posyagatel'stva lichnyye i imushchestvennyye [The course of criminal law. Part Special. Personal and property encroachments]. Petrograd, Printing House M. Merkushev, 1916. 439 p.
11. Poznyshchev S.V. Osnovnyye nachala nauki ugolovnogo prava. Obshchaya chast' ugolovnogo prava [The basic principles of the science of criminal law. The general part of criminal law]. Moscow, 1912. 653 p.
12. Kruglevskiy A.N. Imushchestvennyye prestupleniya. Issledovaniye osnovnykh tipov imushchestvennykh prestupleniy [Property crimes. The study of the main types of property crimes]. St. Petersburg: Typo-lithography of St. Petersburg. single prison, 1913. 549 p.
13. Nikiforov B.S. Ob'yekt prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu [Object of the crime of Soviet criminal law]. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1960. 229 p.
14. Glistin V.K. Problema ugolovno-pravovoy okhrany obshchestvennykh otnosheniy (ob'yekt i kvalifikatsiya prestupleniy) [The problem of criminal legal protection of public relations (object and qualification of crimes)]. Leningrad, Leningrad State University, 1979. 127 p.
15. Korzhanskiy N.I. Ob'yekt i predmet ugolovno-pravovoy okhrany [The object and the subject of criminal-legal protection. Moscow, Academy of the Ministry of the Interior of the USSR, 1980. 248 p.
16. Piontkovskiy A.A. Sistema Osobennoy chasti ugolovnogo prava [System of the Special Part of the Criminal Law]. Sovetskoye pravo – Soviet Law, 1926no. 2, pp. 43-63.
17. Veklenko V.V. Kvalifikatsiya khishcheniy [Qualification of theft]. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 256 p.
18. Shul'ga A.V. Ob'yekt i predmet prestupleniy protiv sobstvennosti v usloviyakh rynochnykh otnosheniy i informatsionnogo obshchestva [The object and subject of crimes against property in the context of market relations and the information society]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 376 p.
19. Vishnyakova N.V. Ob'yekt i predmet prestupleniy protiv sobstvennosti [Object and subject of crimes against property]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 248 p.
20. Mal'tsev V.V. Ucheniye ob ob'yekte prestupleniya. V 2 t. T. 1. Ob'yekt prestupleniya: kontseptual'nyye problemy [The doctrine of the object of the crime. In 2 volumes. Volume 1. The object of the crime: conceptual problems]. Volgograd, 2010.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

<p>ГОЛОВКО И.И., кандидат юридических наук, доцент, irinaivanovna2009@yandex.ru Кафедра прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 191104, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, 44</p>	<p>GOLOVKO I.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, irinaivanovna2009@yandex.ru Chair of prosecutors supervision and participation of prosecutor in criminal, civil and arbitration proceedings; Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Liteiny Ave. 44, Saint Petersburg, 191104, Russian Federation</p>
---	---

ОБЪЕМ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА РЕАБИЛИТИРОВАННЫМ ЛИЦАМ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой основы возмещения вреда реабилитированным лицам. Анализируются нормы законодательства, научные работы, судебная практика с целью установления содержания понятия «полный объем» возмещения вреда. Выявлены неопределенность регулирования указанного вопроса нормами главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, отсутствие соответствующих разъяснений высших судов Российской Федерации. Противоречивая судебная практика осложняет реализацию прав реабилитированных лиц. Проанализированы нормативные положения и судебная практика по вопросу возможности возмещения вреда, причиненного в ходе уголовного преследования, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Под объемом возмещения вреда предлагается понимать формы возмещения имущественного и неимущественного вреда и включать в него возмещение имущественного вреда, компенсацию морального вреда, восстановление всех прав лица, имевшихся до причинения вреда, совершение всех действий, предусмотренных статьями 135, 136, 138, 139 уголовно-процессуального закона. Автор статьи приходит к выводу о необходимости упрощения механизма возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда, обосновывая точку зрения, согласно которой наилучшим решением в этом случае будет рассмотрение всех вопросов в рамках одного дела.

Ключевые слова: реабилитация; имущественный вред; моральный вред; судебная практика; гражданское судопроизводство.

THE AMOUNT OF COMPENSATION FOR HARM TO REHABILITATED PERSONS: THE CONCEPT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Annotation. The article is devoted to the study of the legal basis of compensation for harm to rehabilitated persons. The legislative rules, scientific works and judicial practice are analyzed by the author to establish the content of the concept "full amount" of compensation for harm. The uncertainty of the regulation of the specified issue by the norms of Chapter 18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the lack of the relevant explanations of the highest courts of the Russian Federation are revealed. Contradictory judicial practice complicates the realization of the rights of rehabilitated persons. The regulations and judicial practice concerning the possibility of compensation for harm caused in the course of criminal prosecution to legal entities and individual entrepreneurs have been analyzed. It is proposed to understand the forms of compensation for property and non-property damage under the amount of compensation for harm. This amount should include compensation for pecuniary damage, compensation for non-pecuniary damage, restoration of all rights the person had before the injury, carrying out all the actions provided by articles 135, 136, 138, 139 of the criminal procedure legislation. The author of the article comes to the conclusion that it is necessary to simplify the mechanism of compensation for pecuniary and non-pecuniary damage. He also substantiates the point of view, according to which the best solution in this case will be to consider all issues within the framework of one case.

Keywords: rehabilitation; property damage; moral injury; judicial practice; civil proceedings.

Лица, подвергшиеся незаконному уголовному преследованию, имеющие право на реабилитацию, в настоящее время активно обращаются в суды Российской Федерации с ходатайствами о возмещении вреда. За последние пять лет статистика такова: в 2013 г. в порядке уголовного судопроизводства было рассмотрено 2761 ходатайство, удовлетворено 1496; в 2014 г. – 2703, удовлетворено 1392; в 2015 г. – 2511, удовлетворено 1309; в 2016 г. – 2448, удовлетворено 1223; в 2017 г. – 2179, удовлетворено 1247 ходатайств*. Реабилитированные лица обращаются в том числе в Европейский Суд по правам человека**.

Нормативное регулирование оснований и порядка возмещения вреда реабилитированным лицам осуществляется Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.), Международным пактом о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк), Конвенцией против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.), статьями 52, 53 Конституции Российской Федерации, главами 18, 47 УПК РФ, статьями 15, 151, 1064, 1070, 1099-1101 ГК РФ, ГПК РФ. Порядок возмещения вреда установлен также Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. N 4892-X «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также

* Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

** Например, по заявлению лица, которое было оправдано по обвинению в убийстве, ЕСПЧ взыскал компенсацию морального вреда и возмещение судебных расходов. См.: Дело «Шкарупа (Shkarupa) против Российской Федерации», жалоба N 36461/05: постановление ЕСПЧ от 15 янв. 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»***.

Высшие суды Российской Федерации неоднократно разъясняли возникающие вопросы, нацеливая суды и участвующих в делах лиц на единообразное применение законодательства. Важные указания даны по вопросам применения судами норм главы 18 УПК РФ, возмещения морального вреда, основаниям возмещения вреда, по проблемам частичной реабилитации, срока предъявления требований и вида судопроизводства, возможности реабилитации юридических лиц и пр.****

Проблемы реализации права участников уголовного судопроизводства на реабилитацию интересовали ученых ранее и не теряют актуальность в настоящее время. В диссертациях сформулированы определения понятий «незаконные действия» [1, с. 6], «акт противоправного причинения

*** Утвержден Законом СССР от 24 июня 1981 г. N 5156-X (вместе с Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда), который применяется лишь во взаимосвязи с положениями главы 18 УПК РФ, положениями статьи 1070 и § 4 главы 59 ГК РФ (определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. N 242-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуриновича Александра Александровича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2011 г. N 17; Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 дек. 1994 г. N 10. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

морального вреда» [2, с. 10], «реабилитация» [3, с. 5; 4, с. 8; 5, с. 9], «частичная реабилитация» [5, с. 9], «неимущественный вред» [2, с. 10], «компенсационно-восстановительные меры» [6, с. 11], «концепция реабилитации» [6, с. 10].

В развитие научных взглядов о принципах уголовного процесса [7, с. 38-39] Л.В. Бойцова сформулировала принципы реабилитации – ответственность государства перед гражданами для специального права на компенсацию ущерба, причиненного необоснованным осуждением, привлечением к уголовной ответственности, полное возмещение ущерба [8, с. 7-9].

Ряд ученых исследовали основания реабилитации [9; 10, с. 4]. Например, А.Н. Глыбина называет основаниями фактические данные, свидетельствующие о невиновности гражданина [3, с. 7], однако верной представляется точка зрения Н.Э. Шалумовой о том, что основанием права на реабилитацию является осуществление в отношении лица незаконного уголовного преследования [4, с. 10]. Д.В. Татьяна при обосновании концепции частичной реабилитации высказал мнение об основаниях последней [5, с. 11]. С учетом правоприменительной практики в качестве основания отказа в реабилитации В.М. Савицким и Л.В. Бойцовой анализировалась проблема самоговора лица в совершении преступления [9; 8, с. 18].

Понимание условий реабилитации является дискуссионным вопросом, А.Н. Глыбина полагает, что это наличие вреда [3, с. 7]; по мнению Н.Э. Шалумовой, в качестве условий надлежит рассматривать процессуальные формы прекращения уголовного преследования в связи с отсутствием события, состава преступления и других обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу [4, с. 10].

Определенный интерес представляет механизм осуществления реабилитации. В научных работах рассматривается механизм реализации института возмещения вреда [11], механизм реабилитации по делам частного обвинения [5, с. 11]. Анализируется механизм защиты трудовых прав реабилитированных лиц [8, с. 6].

Учитывая специфичность правоотношений по реабилитации, в которых сторонами выступают гражданин и государ-

ство, не являющиеся равными субъектами, А.Н. Глыбиной высказана точка зрения, согласно которой судопроизводство о возмещении материального вреда и компенсации морального вреда должно осуществляться по инициативе уполномоченного лица правоохранительного органа [3, с. 8].

Всесторонне исследуя проблемы реабилитации в Российской Федерации, авторы уделяют внимание особенностям деятельности правоохранительных органов в ходе осуществления реабилитации граждан и возмещения им причиненного вреда. Н.Э. Шалумова выделила два аспекта реабилитации – правовой и организационный [4, с. 9].

Высказано представление о том, кто может являться субъектом права на реабилитацию [3, с. 8]. Хотя круг лиц, имеющих право на реабилитацию, установлен частями 2, 2.1 ст. 133 УПК РФ, Д.В. Татьяна обращается к вопросам реабилитации несовершеннолетних, а также обосновывает выводы о том, при каких условиях лица не могут иметь право на реабилитацию [5, с. 13-14].

В числе составляющих возмещение вреда рассматриваются восстановление доброго имени реабилитированного [8, с. 18], особенности принесения официальных извинений реабилитированному лицу от имени государства [5, с. 13], проблемы компенсации морального вреда и ее соотношение с характером причиненного вреда [2, с. 7-10].

Таким образом, благодаря усилиям научного сообщества и высших судов Российской Федерации многие пробелы УПК РФ восполнены, однако в настоящее время осуществление прав реабилитированных на возмещение вреда в порядке главы 18 УПК РФ все еще осложнено неточностью и недостаточностью нормативных предписаний.

В числе проблемных вопросов – отсутствие нормативных положений о возмещении вреда при применении меры пресечения в виде подписки о невыезде, сложности в компенсации расходов родственников реабилитированных, возмещении неполученных доходов [8, с. 17]. Предлагается установить право реабилитированных лиц на проведение полного медицинского обследования, по результатам

которого решать вопрос о необходимых мерах лечения и медицинской реабилитации для восстановления утраченного здоровья гражданина [5, с. 12]. В качестве недостатка правовой регламентации указывается неопределенность вопроса компенсации морального вреда близким родственникам реабилитированных, если они претерпели моральные страдания [5, с. 13-14]

Как показали примеры практики рассмотрения требований о возмещении вреда, имеет место оценка их как завышенных. В связи с этим предпринята попытка определения возможных пределов компенсации вреда [8, с. 16].

В связи с изложенным необходимо отметить, что все указанные и исследованные учеными аспекты реабилитации имеют важное значение для надлежащего возмещения причиненного вреда. Еще одна возможность обеспечения достижения задач реабилитации, которая привлекала внимание исследователей, но исследована недостаточно, — это определение объема возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием.

В соответствии с ч. 1 ст. 133 УПК РФ реабилитированное лицо вправе требовать возмещения имущественного вреда, компенсации морального вреда, восстановления в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах, принимаются меры для устранения последствий морального вреда. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Обоснованность подхода законодателя в части полного возмещения вреда была подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 4 декабря 2003 г. N 440-О «По жалобе гражданки Аликиной Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации»*.

Однако понятие объема возмещения в УПК РФ не раскрывается. Аналогично в ГК РФ не содержится определение используемого понятия «полный объем».

По мнению Л.К. Остриковой, полноту возмещения в обязательствах из причинения вреда следует понимать как полное возмещение убытков (состоящих из ущерба и упущенной выгоды; состоящих только из реального ущерба); как возмещение не только понесенных расходов, компенсацию утраты или повреждения имущества, возмещение неполученных доходов; возмещение имущественного вреда, а в установленных законом случаях и морального вреда [12, с. 111].

Кроме того, ученый предлагает перенести подход законодателя, реализованный в абз. 2 п. 2 ст. 393 ГК РФ, в соответствии с которым возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом, на деликтные обязательства [12, с. 108]. Это представляется не вполне обоснованным, поскольку в этом случае не учитываются особенности правоотношений в рамках уголовного судопроизводства.

Некоторые ученые под объемом возмещения понимают его размер [13; 14, с. 11; 15, с. 590; 2, с. 7], с чем нельзя согласиться. С точки зрения Л.К. Остриковой, объемом возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовного преследования, является возмещение имущественного вреда (фактический вред, неполученные доходы), т.е. восстановление имущественного положения лица до того состояния, которое оно имело до уголовного преследования, за счет казны Российской Федерации; а размер возмещения — это денежная сумма, равная возмещению причиненного имущественного вреда, определяемая расчетным путем [12, с. 109]. Таким образом, автор исключает из объема возмещения компенсацию морального вреда, что спорно.

Размер возмещения не может являться его объемом по следующим основаниям. В отсутствие нормативных предписаний невозможно точно рассчитать размер возмещения, например, для компенсации морального вреда, и суды руководствуются пунктами 2, 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. N 10 «Некоторые

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». В то же время в ситуации принесения извинений, восстановления трудовых прав, возвращения наград исключается возможность выплаты какой-либо денежной суммы.

Кроме того, полагаем, что незаконный отказ в решении вопроса о возвращении государственной награды влечет неполноту объема, но не размера возмещения вреда.

Объемом возмещения вреда, на наш взгляд, являются обобщенные в нем признаки, а именно формы возмещения имущественного и неимущественного вреда; в объем возмещения вреда надлежит включить возмещение имущественного вреда и компенсацию морального вреда, восстановление всех прав лица, имевшихся до причинения вреда, совершение всех действий, предусмотренных статьями 135, 136, 138, 139 главы 18 УПК РФ.

При установлении объема возмещения причиненного вреда необходимо руководствоваться в первую очередь нормами главы 18 УПК РФ. На основании ч. 1 ст. 135 УПК РФ возмещение реабилитированному лицу имущественного вреда включает в себя возмещение: заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых лицо лишилось в результате уголовного преследования; конфискованного или обращенного в доход государства имущества; штрафов и процессуальных издержек; сумм, выплаченных за оказание юридической помощи*; иных расходов.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. N 17 отсутствует акцент на особенности взыскания средств, которых лицо лишилось в результате уголовного преследования. В 2004 году Верховным Судом Российской Федерации в кассаци-

онном определении отмечено, что невозможность взыскания упущенной выгоды противоречит п. 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070 ГК РФ и ч. 1 ст. 133 УПК РФ, согласно которым возмещение вреда должно производиться в указанном случае в полном объеме, т.е. с возмещением убытков в виде упущенной выгоды**.

По этому же вопросу в 2010 году по одному из дел Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о невозможности возмещения упущенной выгоды в уголовном судопроизводстве, так как она прямо не названа в ст. 135 УПК РФ. По мнению Верховного Суда Российской Федерации, на основании ст. 2 ГК РФ эти требования подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства***.

Вследствие правовой неопределенности реабилитированные лица оказываются в худшей ситуации, чем лица, которым причинен вред незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, но которые не имеют право на реабилитацию и взыскивают возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства. На основании статей 15, 16, 1069, п. 2 ст. 1070 ГК РФ и в соответствии с пп. 13-15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» им возмещаются убытки, т.е. расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполу-

* Расходы на оказание юридической помощи возмещаются и в случае, если близкие родственники задержанного или помещенного под стражу лица заключили соответствующее соглашение, сами оплатили услуги для этого лица либо услуги в дальнейшем оплатил реабилитированный (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 мая 2015 г. N 290-О, Постановление Президиума суда Ненецкого автономного округа от 8 апр. 2016 г. N 44У-3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

** Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 05.04.2004 N ГКПИ03-1383, которым были признаны частично недействующими пункты 7 и 10 Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Минюстом СССР, прокуратурой СССР, Минфином СССР 02.03.1982: определение Верховного Суда РФ от 1 июня 2004 г. N КАС04-203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Определение Верховного Суда РФ от 18 авг. 2010 г. N 67-О10-57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ценные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)*. Таким образом, как верно отмечает Л.К. Острикова [12, с. 111], состав имущественного вреда, предусмотренного ст. 135 УПК РФ, сужен по сравнению с таковым, определенным статьями 15, 1064 ГК РФ.

В принятии заявления о взыскании возмещения имущественного вреда в порядке гражданского судопроизводства суды отказывали**, прекращали производство по делу***. Имеются случаи принятия к производству заявления о взыскании неполученной заработной платы в порядке уголовного судопроизводства****.

В данном случае с целью достижения единства судебной практики целесообразно включить соответствующие разъяснения в текст постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. N 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве».

При возмещении затрат на юридическую помощь существует проблема определения размера оплаты услуг адвоката в рамках уголовного преследования по одному деянию, если преступлений совершено несколько. В качестве примера можно привести дело, по которому суд отказал в иске о возмещении расходов на оплату услуг адвоката; так как лицо

обвинялось в совершении нескольких преступлений, суды посчитали невозможным определить размер услуг, оказанных адвокатом в связи с обвинением в совершении преступления, за которое лицо оправдано. Верховный Суд Российской Федерации отменил постановления нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение*****. Кроме того, проблемным является вопрос об основаниях уменьшения судом требуемой суммы*****.

Заслуживает внимания и заключительная из перечисленных в ч. 1 ст. 135 УПК РФ форма возмещения имущественного вреда – возмещение иных расходов. Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. N 17 под иными расходами следует понимать расходы, понесенные реабилитированным лицом непосредственно в ходе уголовного преследования, и расходы, понесенные в целях устранения последствий незаконного уголовного преследования, включая затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации, восстановления здоровья и др. Важно указание Конституционного Суда РФ о том, что фактически понесенные расходы, связанные с рассмотрением вопросов реабилитации, должны находиться в причинно-следственной связи с оказанием юридической помощи*****.

Полагаем, что в такой ситуации у реабилитированных лиц и у судов нет точных нормативно определенных критериев отнесения тех или иных расходов к подлежащим возмещению, это порождает

* О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Определение Приморского краевого суда от 6 июня 2016 г. по делу N 33-5492/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 18 сент. 2017 г. по делу N 33-3593/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** Апелляционное определение Приморского краевого суда от 18 апр. 2016 г. по делу N 33-3700/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***** Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 окт. 2013 г. N 184-П13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***** Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 28 авг. 2017 г. по делу N 33-12768/2017; Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 13 апр. 2018 г. по делу N 33-3228/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***** По запросу Сюмсинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 2 апр. 2015 г. N 708-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разнообразную судебную практику, ограничивает реализацию прав. Восполнение пробела разъяснениями высших судов Российской Федерации не устраняет проблему, однако приведенные формулировки могли бы послужить основой положений, введенных в ч. 1 ст. 135 УПК РФ.

Кроме этого, в силу ст. 138 УПК РФ восстанавливаются иные права реабилитированного: трудовые, пенсионные, жилищные и другие в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ; лишенным на основании судебного решения специальных, воинских и почетных званий, классных чинов, а также государственных наград восстанавливаются соответствующие звания, классные чины, возвращаются государственные награды.

Помимо имущественного вреда реабилитированному лицу компенсируется моральный вред, в соответствии со ст. 136 УПК РФ прокурор от имени государства приносит официальное извинение; лицо вправе в порядке гражданского судопроизводства предъявить иск о компенсации морального вреда; если сведения о задержании реабилитированного, заключении его под стражу, временном отстранении его от должности, применении к нему принудительных мер медицинского характера, об осуждении реабилитированного и иных примененных к нему незаконных действиях были опубликованы в печати, распространены по радио, телевидению или в иных СМИ, то по требованию реабилитированного, а в случае его смерти — его близких родственников или родственников либо по письменному указанию суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя соответствующие средства массовой информации обязаны в течение 30 суток сделать сообщение о реабилитации.

В силу ч. 2 ст. 136 УПК РФ, ст.ст. 1100, 1101 ГК РФ незаконное уголовное преследование является основанием взыскания судом компенсации морального вреда, которая осуществляется в денежной форме*.

* Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2011 г. N 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представляются интересными особенности определения объема возмещения вреда по делам частного обвинения. Например, если суд апелляционной инстанции отменил приговор мирового судьи по делу частного обвинения, то за лицом признается право на реабилитацию**. В этом случае вред при осуществлении правосудия возмещается, если вина судьи установлена приговором, вступившим в законную силу (п. 2 ст. 1070 ГК РФ) и иным решением суда***. В силу п. 2 ст. 1099 ГК РФ моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом, т.е. в данном случае. Как указывают авторы комментария к главе 59 ГК РФ, право на реабилитацию имеет осужденный по делу частного обвинения только при отмене обвинительного приговора [16, с. 28].

Вынесение мировым судьей оправдательного приговора в отношении подсудимого по такому делу не порождает обязанность государства возместить причиненный ему вред (если он не был причинен иными незаконными действиями или решениями судьи), поскольку причинителем вреда в данном случае является частный обвинитель; суд вправе взыскать процессуальные издержки с лица, по жалобе которого было начато производство по данному делу. Возмещение же иного вреда за счет средств частного обвинителя главой 18 УПК РФ не предусматривается****. Таким образом, выс-

** Определение Верховного Суда РФ от 16 окт. 2012 г. N 48-КГ12-5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Постановление Конституционного Суда РФ от 25 янв. 2001 г. N 1-П; Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2010 г. N 1347-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2016 г. N 1022-О, Определение Конституционного Суда РФ от 28 февр. 2017 г. N 399-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко: постановление Конституционного Суда РФ от 17 окт. 2011 г. N 22-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шие суды Российской Федерации* и нижестоящие суды** не допускают расширительного толкования УПК РФ.

В настоящее время в некоторых субъектах Российской Федерации судами в порядке, предусмотренном ст. 1064 ГК РФ, при постановлении оправдательного приговора мирового судьи взыскивается возмещение вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием***.

Одним из актуальных вопросов, связанных с реабилитацией в уголовном судопроизводстве, является вопрос объема возмещения вреда индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам. В силу ст. 139 УПК РФ вред, причиненный юридическому лицу незаконным уголовным преследованием, возмещается государством в полном объеме в порядке и сроки, которые установлены главой 18 УПК РФ. Необходимо учитывать, что перечень лиц, имеющих право на реабилитацию, закрытый, и не включает юридических лиц. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что юридические лица, которым незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания в ходе производства по уголовному делу причинен вред (например, вследствие незаконного наложения ареста на имущество юридического лица), не отнесены уголовно-процессуальным законом к кругу лиц, имеющих право на ре-

билитацию, а в случае причинения вреда они имеют право на его возмещение в порядке, установленном главой 18 УПК РФ****.

Указание в ст. 139 УПК РФ о праве на возмещение не приравнивается к реабилитации, но соответствует ст. 53 Конституции РФ [17]. В силу п. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных п. 1 ст. 1070 ГК РФ, возмещается в порядке, установленном ст. 1069 ГК РФ. Вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Например, суд отказал в принятии заявления от ООО «Восток» о возмещении в порядке реабилитации имущественного вреда в виде неполученных доходов, которые, по мнению заявителя, общество получило бы в качестве платы за сдаваемое в аренду помещение, если бы право собственности не было нарушено в результате незаконного применения следователем меры процессуального принуждения в виде наложения ареста. Как указал суд, заявитель вправе обратиться за возмещением вреда в порядке гражданского судопроизводства. Судебная коллегия согласилась с выводом и отметила, что возмещение вреда в виде упущенной выгоды главой 18 УПК РФ не предусмотрено, в уголовном процессе возмещаются расходы в виде реального ущерба; лица, не имеющие права на реабилитацию, могут обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства*****.

* По жалобе гражданина Масленикова Владимира Родионовича на нарушение его конституционных прав статьей 131, частью девятой статьи 132 и частью первой статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 2 нояб. 2011 г. N 1477-О-О; определение Верховного Суда РФ от 10 марта 2015 г. N 16-КГ14-37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Определение Нижегородского областного суда от 20 авг. 2017 г. по делу N 33-9509/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Постановление Президиума Новгородского областного суда от 16 апр. 2018 г. N 44У-7/2018, постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 4 окт. 2017 г. N 44Г-167/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** См.: Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. N 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве».

***** О прекращении производства по делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 133, части первой статьи 135 и статьи 139 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Восток» и «Спецдорстрой»: определение Конституционного Суда РФ от 1 дек. 2015 г. N 2698-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Возмещение вреда гражданам, являющимся индивидуальными предпринимателями, как показывают результаты изучения законодательства и судебной практики, недостаточно эффективно.

В соответствии с п. 3 ст. 23 ГК РФ к предпринимательской деятельности гражданина, осуществляемой без образования юридического лица, применяются положения ГК РФ, регулирующие деятельность юридического лица, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношений.

Однако, как указала М.Д. Шапсгова, в законодательстве не учитывается самостоятельность правосубъектности индивидуального предпринимателя по отношению к его правосубъектности как физического лица в гражданском праве, что приводит к их смешению, правоспособность и дееспособность физического лица трактуются как право- и дееспособность индивидуального предпринимателя [18, с. 4].

Особенностей возмещения вреда индивидуальным предпринимателям УПК РФ не устанавливает. Следовательно, на этих участников уголовного судопроизводства возможно распространить положения главы 18 УПК РФ в части оснований, форм и порядка возмещения вреда физическим лицам.

В силу п. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину, осуществляющему предпринимательскую деятельность, в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных п. 1 ст. 1070 ГК РФ, возмещается в порядке, предусмотренном ст. 1069 ГК РФ. Вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

Судебная практика в части взыскания неполученного дохода от предпринимательской деятельности незначительна и не едина. Предприниматели как физические лица признаются имеющими право на реабилитацию, судами в определенной мере смешиваются статусы гражданина и индивидуального предпринимателя, хотя они наделены различной право- и дееспособностью. Например, по делу по ходатай-

ству реабилитированного гражданина К., который осуществлял предпринимательскую деятельность, взыскан неполученный доход как для работника по одному месту выполнения договорных обязательств. При определении неполученных доходов другие гражданско-правовые договоры, которые были заключены на момент совершения незаконных действий в рамках уголовного преследования, суд не учитывал; отказал в возмещении затрат на оказание юридических услуг. Суд надзорной инстанции решение отменил. Суд применил нормы УПК РФ*.

Кроме того, имеется практика рассмотрения исков предпринимателей, за которыми признано право на реабилитацию, арбитражными судами. В частности, арбитражный суд отказал в иске индивидуальному предпринимателю К. в порядке реабилитации о возмещении упущенной выгоды, расходов на оплату госпошлины, экспертиз, имущественного вреда. Суд апелляционной инстанции отменил решение, частично удовлетворил требования. При этом первоначально суд общей юрисдикции отказал в принятии иска и, как указал арбитражный суд, отказ в принятии заявления в арбитражном процессе означал бы невозможность реализовать право на судебную защиту. Суд применил нормы АПК РФ**.

Дела о возмещении имущественного вреда индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам, на наш взгляд, в силу указания ч. 5 ст. 135 УПК РФ подлежат рассмотрению в порядке, установленном главой 47 УПК РФ, но не в арбитражном процессе.

Глава 18 УПК РФ не предусматривает, что иски предпринимателей о возмещении имущественного вреда подлежат рассмотрению не в порядке уголовного судопроизводства. В то же время, руководствуясь статьями 15, 16, 1069 ГК РФ о порядке воз-

* Постановление Президиума Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 13 сент. 2012 г. по делу N 44У-40/12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14 марта 2014 г. по делу N А75-4847/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мещения убытков публично-правовым образованием, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 15 постановления от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» определяет, что такое требование подлежит рассмотрению в порядке искового производства.

Имеется решение арбитражного суда, который частично удовлетворил требования предпринимателя о взыскании неполученного дохода, компенсации морального вреда, обязанности опровергнуть порочащие репутацию сведения путем публикации извинения в газете. Индивидуальный предприниматель (аудитор) Ш., за которой признано право на реабилитацию, обратилась в арбитражный суд с иском к Управлению Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации и Управлению Федерального казначейства Минфина России о взыскании материального ущерба в виде неполученного дохода, компенсации морального вреда и просила обязать ответчика опровергнуть порочащие честь, достоинство и деловую репутацию сведения путем публикации извинения в газете. Суд требования удовлетворил частично, взыскал убытки и компенсацию морального вреда. Производство по делу в части требований к Управлению налоговой полиции прекращено (на день рассмотрения спора в суде такой орган был упразднен).

Постановлением апелляционной инстанции решение отменено, производство по делу прекращено, так как спор не подлежит рассмотрению в арбитражном суде как не связанный с предпринимательской деятельностью. Суд округа не согласился с таким решением по следующим основаниям. Определяющей является природа не отношений, в связи с которыми осуществлялось незаконное уголовное преследование, а отношений, из которых непосредственно возникло рассматриваемое дело. В данном случае это несение истцом убыт-

ков в виде упущенной выгоды вследствие умаления деловой репутации; уголовное преследование осуществлялось по факту неуплаты налогов с предпринимательской деятельности; требование о возмещении ущерба, то есть по экономическому спору, заявлено истцом как индивидуальным предпринимателем; ответчиками по делу выступают юридические лица. Значит, в силу ст. 27 АПК РФ спор подведомствен арбитражному суду*.

Моральный вред, причиненный гражданину распространением порочащих его деловую репутацию сведений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности либо функций органа юридического лица, компенсируется на основании п. 9 ст. 152 ГК РФ [19, с. 6].

Подводя итог, отметим следующее.

1. Разнонаправленность и неполнота нормативных установлений по вопросам определения судопроизводства, в котором осуществляется возмещение реабилитированным лицам всех видов вреда, вынуждает их инициировать два судебных разбирательства, возлагает на них бремя доказывания в гражданском процессе, порождает противоречия на практике.

2. Сложность механизма реализации права обоснованно критиковали и предлагали установить порядок возмещения всех видов вреда по правилам УПК РФ [6, с. 12; 20].

3. Формирующаяся актуальная судебная практика рассмотрения заявлений индивидуальных предпринимателей, которые вынуждены после отказа в принятии иска суда общей юрисдикции инициировать рассмотрение иска в арбитражном процессе, допускает три судебных разбирательства. Это подкрепляет вывод о необходимости изменений нормативной базы.

* Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 19 янв. 2004 г. N Ф08-5331/2003. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Супрун С.В. Возмещение материального ущерба, причиненного гражданам при раскрытии и расследовании преступлений (уголовно-процессуальный и оперативно-розыскной аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. 205 с.
2. Чорновол О.Е. Обязательства по компенсации морального вреда в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 26 с.
3. Глыбина А.Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 192 с.
4. Шалумова Н.Э. Проблемы организации работы правоохранительных и судебных органов по реабилитации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 219 с.
5. Татьянин Д.В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания). 2-е изд., доп. М., 2010. 174 с. Сер.: Библиотека криминалиста.
6. Орлова А.А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 416 с.
7. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М.: Юрид. лит., 1971. 200 с.
8. Бойцова Л.В. Реабилитация необоснованно осужденных граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990. 156 с.
9. Савицкий В.М. Имущественные последствия реабилитации // Правоведение. 1982. N 6. С. 53-57.
10. Медведева Т.М. Возмещение вреда, причиненного правоохранительными органами: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1984. 191 с.
11. Юнусов А.А., Гаврилюк Р.В. Процессуальный порядок и практика компенсации морального вреда в порядке института реабилитации // Политика, государство и право. 2014. N 5. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/05/1670> (дата обращения: 8 июня 2018 г.).
12. Острикова Л.К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Lex Russica. 2017. N 5. С. 105-114.
13. Елагина А.А. Практика реабилитации // Мировой судья. 2013. N 7. С. 2-6.
14. Новоженев В.М. Объем, характер и размер возмещения вреда по советскому гражданскому праву (статья 457 ГК РСФСР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975. 23 с.
15. Загорский М.Г. Реабилитация // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Девятко А.Ю. [и др.]; под науч. ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2016. 1214 с.
16. Комментарий к главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» ГК РФ (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (постатейный) / М.В. Зуева [и др.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2016.
17. Валежникова Я. Порядок возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием // ЭЖ-Юрист. 2006. N 14.
18. Шапсугова М.Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.
19. Слесарев С.А. Деловая репутация. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2018.
20. Иванов В.В. Реабилитация по делам частного обвинения (в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2011) // Мировой судья. 2012. N 4. С. 24-27.

References

1. Suprun S.V. Vozmeshchenie material'nogo ushcherba, prichinennogo grazhdanam pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy (ugolovno-protsessual'nyy i operativno-rozysknoy aspekty). Kand. Diss. [Compensation of material damage caused to citizens in the detection and investigation of crimes (criminal procedural and operational-search aspects). Cand. Diss.]. Omsk, 2001. 205 p.
2. Chornovol O.E. Obyazatel'stva po kompensatsii moral'nogo vreda v rossiyskom grazhdanskom prave. Avtoref. Kand. Diss. [Commitments for compensation of moral harm in Russian civil law. Autoabstract Cand. Diss.]. Ekaterinburg, 2011. 26 p.
3. Glybina A.N. Reabilitatsiya i vozmeshchenie vreda v poryadke reabilitatsii v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii. Kand. Diss. [Rehabilitation and compensation of harm in the order of rehabilitation in the criminal process of the Russian Federation. Cand. Diss.]. Tomsk, 2006. 192 p.
4. Shalumova N.E. Problemy organizatsii raboty pravoohranitel'nyh i sudebnyh organov po reabilitatsii. Kand. Diss. [Problems of organization of work of law enforcement and judicial bodies for rehabilitation. Cand. Diss.]. Ekaterinburg, 2007. 219 p.
5. Tat'yantin D.V. Reabilitatsiya v ugovnom protsesse Rossii (ponyatie, vidy, osnovaniya) [Rehabilitation in the criminal process of Russia (concept, types, grounds)]. Moscow, 2010. 174 s.
6. Orlova A.A. Kontseptsiya reabilitatsii i organizatsionno-pravovye mehanizmy ee realizatsii v rossiyskom ugovnom protsesse. Dokt. Diss. [The concept of rehabilitation and organizational and legal mechanisms for its implementation in the Russian criminal trial. Doct. Diss.]. Moscow, 2013. 416 p.

7. Dobrovol'skaya T.N. Printsipy sovetskogo ugolovnogo protsessa (voprosy teorii i praktiki) [Principles of the Soviet criminal process (questions of theory and practice)]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 200 p.
8. Boytsova L.B. Reabilitatsiya neobosnovanno osuzhdennykh grazhdan. Kand. Diss. [Rehabilitation unreasonably convicted citizens. Cand. Diss.]. Leningrad, 1990. 156 p.
9. Savitskiy V.M. Imushchestvennye posledstviya reabilitatsii [Property consequences of rehabilitation]. Jurisprudence – Pravovedenie, 1982, no. 6, pp. 53-57.
10. Medvedeva T.M. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo pravoohranitel'nymi organami. Kand. Diss. [Compensation for harm caused by law enforcement agencies. Cand. Diss.]. Saratov, 1984. 191 p.
11. Yunusov A.A., Gavrilyuk R.V. Protsessual'niy poryadok i praktika kompensatsii moral'nogo vreda v poryadke instituta reabilitatsii [Procedural order and practice of compensation for moral harm in the order of the institution of rehabilitation]. Politika, gosudarstvo i pravo – Politics, state and law, 2014, no. 5. Available at: <http://politika.snauka.ru/2014/05/1670> (Accessed June 8, 2018).
12. Ostrikova L.K. Ob'em, razmer i poryadok vozmeshcheniya vreda, prichinennogo pri osushchestvlenii ugolovno-protsessual'noy deyatel'nosti [Volume, size and procedure for compensation for harm caused during the implementation of criminal procedure]. Lex Russica – Lex Russica, 2017, no. 5, pp. 105-114.
13. Elagina A.A. Praktika reabilitatsii [Practice of rehabilitation]. Mirovoy sud'ya – The world judge, 2013, no. 7, pp. 2-6.
14. Novozhenov V.M. Ob'em, harakter i razmer vozmeshcheniya vreda po sovetskomu grazhdanskomu pravu (stat'ya 457 GK RSFSR). Avtoref. Kand. Diss. [The scope, nature and amount of compensation for damage under Soviet civil law (Article 457 of the Civil Code of the RSFSR). Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 1975. 23 p.
15. Zagorskiy M.G. Reabilitatsiya [Rehabilitation] Kommentariy k ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 1214 p.
16. Zueva M.V. [i dr.] Kommentariy k glave 59 "Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda" GK RF (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (postateyniy) [Commentary to chapter 59 "Obligations due to damage" of the Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (itemized)]. Available at: Reference and legal system "ConsultantPlus". 2016.
17. Valezhnikova Ya. Poryadok vozmeshcheniya vreda, prichinennogo nezakonnym ugolovnym presledovaniem [Procedure for compensation of damage caused by unlawful criminal prosecution]. EZh-Yurist – Electronic Journal "Lawyer", 2006, no. 14.
18. Shapsugova M.D. Pravovoe polozhenie individual'nykh predprinimateley po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii. Avtoref. Kand. Diss. [The legal status of individual entrepreneurs under the legislation of the Russian Federation. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2012. 34 p.
19. Slesarev S.A. Delovaya reputatsiya [Business reputation]. Available at: Reference and legal system "ConsultantPlus". 2018.
20. Ivanov V.V. Reabilitatsiya po delam chastnogo obvineniya (v svete Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 17.10.2011) [Rehabilitation of private prosecution cases (in the light of the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 17, 2011)]. Mirovoy sud'ya – The Justice of the Peace, 2012, no. 4, pp. 24-27.

Раздел 3. Административная деликтология

СЕРГЕЕВ М.В.,
schokscha1@mail.ru
Кафедра деятельности
органов внутренних дел
в особых условиях;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск, просп. Комарова, 7

SERGEEV M.V.,
schokscha1@mail.ru
Chair of the activities
of the internal affairs bodies
under special conditions;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

ДИЗЕР О.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
dizer77@mail.ru
Научно-исследовательский отдел;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск, просп. Комарова, 7

DISER O.A.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
dizer77@mail.ru
Research Department;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОСМОТРОВЫХ И ОСМОТРОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ В ОТНОШЕНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. Сотрудники полиции применяют различные меры обеспечения личной и общественной безопасности, проведения режимных мероприятий, производства по делам об административных правонарушениях и преступлениях. Особого внимания и четкой правовой регламентации требуют меры, связанные с непосредственным ограничением прав и свобод граждан, такие как личный осмотр, досмотр пассажиров, наружный досмотр, личный досмотр. В статье дается краткая характеристика правовых норм, регламентирующих проведение сотрудниками полиции личного осмотра, досмотра пассажиров, наружного досмотра, досмотра в рамках контртеррористической операции, личного досмотра, личного обыска. Результаты проведенного анализа дали авторам основание подвергнуть критике действующее законодательство в связи с отсутствием какой-либо систематизации правовых норм, предусматривающих проведение сотрудниками полиции досмотровых и осмотровых мероприятий в отношении физических лиц, а также законодательно установленной процедуры их осуществления. Рассматриваются различные варианты решения выявленной проблемы, в том числе с помощью использования зарубежного опыта. Сформулированы авторские определения понятий «личный осмотр», «личный досмотр», «личный обыск», которые предлагается ввести в действующее законодательство.

Ключевые слова: полиция; личный осмотр; наружный досмотр; личный досмотр; личный обыск.

THE REGULATION OF INSPECTION AND EXAMINATION ACTIVITIES CARRIED OUT BY POLICE OFFICERS AGAINST INDIVIDUALS

Annotation. Police officers use various measures to ensure personal and public safety, conduct security activities, as well as administrative and criminal proceedings. The measures connected with the direct restriction of the rights and freedoms of citizens, such as personal inspection, passenger screening, external examination, personal search, require special attention and clear legal regulation. The article gives a brief description of the legal norms regulating the process of carrying out the personal inspection, passenger screening, external examination, examination within the framework of counter-terrorist operation, personal examination and personal search by police officers. The results of the conducted analysis allowed the authors to criticize the current legislation due to the absence of

any systematization of the legal rules providing for the inspection and examination activities carried out by police officers against individuals, as well as legally established procedure for their implementation. Various ways of the solution of the revealed problem are considered, including those that involve the use of foreign experience. The author's definitions of the concepts of "personal inspection", "personal examination", "personal search" are formulated and they are proposed to be introduced into the current legislation.

Keywords: police; personal inspection; external examination; personal examination; personal search.

Действующее законодательство разделяет сотрудников полиции полномочиями по применению различных мер обеспечения личной и общественной безопасности, проведения режимных мероприятий, производства по делам об административных правонарушениях и преступлениях (проверка документов, задержание и доставление граждан, личный и наружный досмотр, личный осмотр, изъятие вещей и документов, остановка, осмотр, досмотр и задержание транспортных средств, вхождение в жилище и др.).

Особое значение среди этих мер имеют осмотры и досмотры, проводимые в отношении физических лиц, поскольку они связаны с непосредственным ограничением прав и свобод граждан. Указанные меры затрагивают честь и достоинство человека, оказывают сильное психическое воздействие на личность, что обуславливает необходимость четкого правового регулирования оснований и порядка их применения.

В литературе отмечается необходимость четкой регламентации оснований и механизма применения подобных мер. Например, А.В. Мягков считает: «...правового акта, который устанавливал бы общеправовые принципы, возможные основания, порядок, правила проведения досмотра, к сожалению, не существует» [1].

В действующем законодательстве какая-либо систематизация правовых норм, предусматривающих проведение досмотровых и осмотровых мероприятий сотрудниками полиции, отсутствует. Проблемой является и отсутствие установленной процедуры их проведения, поскольку в ряде случаев закрепляется лишь право должностных лиц органов внутренних дел (полиции) на их осуществление.

Кроме того, в Российской Федерации отсутствуют развернутые официально закрепленные определения понятий «личный досмотр», «личный осмотр», «наруж-

ный досмотр», «личный обыск», что, несомненно, является пробелом.

В связи с изложенным представляется актуальным рассмотрение административно-правовых мер, применяемых сотрудниками полиции и связанных с проведением осмотровых, досмотровых мероприятий в отношении физических лиц.

В настоящее время законодатель разделяет сотрудников полиции правом проведения следующих видов осмотра, досмотра и обыска в отношении граждан:

1) личный досмотр как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях;

2) личный осмотр граждан как мера обеспечения безопасности граждан и общественного порядка при проведении массовых мероприятий;

3) досмотр пассажиров как мера обеспечения безопасности при осуществлении перевозок;

4) досмотр физических лиц как мера обеспечения общественной безопасности при введении режима контртеррористической операции;

5) наружный досмотр как мера обеспечения личной безопасности сотрудника полиции;

6) личный обыск как мера обеспечения режима содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел; мера обеспечения обнаружения и изъятия предметов и документов, могущих иметь значение для уголовного дела.

Кратко охарактеризуем каждую из перечисленных мер.

Личный досмотр как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях проводится на основании норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, отдельные положения содержит Федеральный закон от 7 февраля

2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»* (далее – ФЗ «О полиции»).

В соответствии со ст. 27.7 КоАП РФ личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, определяется как обследование вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности, осуществляемое в случае необходимости в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения.

А.А. Богомолова понимает личный досмотр как принудительную меру, применяемую к гражданину (лицу без гражданства) должностным лицом органа внутренних дел (иного правомочного органа) одного пола с досматриваемым и в присутствии понятых того же пола, в отдельном помещении, в отсутствие посторонних лиц, которая заключается в обследовании одежды, находящейся на досматриваемом лице, тела досматриваемого лица, а также в обследовании его одежды отдельно без нарушения ее конструктивной целостности в целях обнаружения орудий совершения или предметов административного правонарушения [2, с. 78].

Необходимо отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. N 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста»** личный досмотр также может проводиться в отношении лиц, подвергнутых административному аресту, как мера обеспечения режима содержания. В Правилах внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста***, регламентирующих процедурные вопросы проведения такого досмотра, определено лишь требование о том, что его участники должны быть одного пола.

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 7 марта 2018 г. // Рос. газ. 2011. 10 февр.; 2018. 12 марта.

** О порядке отбывания административного ареста: федер. закон от 26 апр. 2013 г. N 67-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Рос. газ. 2013. 30 апр.; 2016. 8 июля.

*** Об утверждении Правил внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста: приказ МВД России от 10 февр. 2014 г. N 83: ред. от 30 авг. 2017 г. // Рос. газ. 2014. 4 июля; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Б.В. Россинский отмечает, что наряду с мерами обеспечения производства по делу об административном правонарушении различаются и меры предупреждения как разновидность мер административного принуждения. При этом меры предупреждения применяются вне зависимости от совершения лицом административного правонарушения, в целях обеспечения безопасности [3].

Среди мер предупреждения выделяется личный осмотр граждан как мера обеспечения безопасности граждан и общественного порядка при проведении массовых мероприятий. На основании п. 18 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» сотрудникам полиции предоставлено право осуществлять в целях обеспечения безопасности граждан и общественного порядка совместно с организаторами публичных и массовых мероприятий личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся такие мероприятия, с применением в случае необходимости технических средств, а при отказе гражданина подвергнуться личному осмотру – не допускать его на такие территории, участки местности и в такие общественные места. В отличие от личного досмотра, проводимого принудительно, указанная мера добровольна, т.е. гражданин может не подвергать себя этой процедуре, тем самым лишая себя права на участие в массовом мероприятии. Порядок производства личного осмотра граждан в нормах права не определен. На практике он включает в себя визуальный осмотр и бесконтактное обследование с помощью специальных приборов (металлоискатели, рамки-металлодетекторы, рентгено-досмотровые приборы, газоанализаторы и т.д.).

В целях обеспечения безопасности при осуществлении перевозок осуществляется досмотр пассажиров.

На основании ст. 85 Воздушного кодекса Российской Федерации в целях обеспечения безопасности пассажиров и членов экипажа воздушного судна предполетному досмотру, а также послеполетному досмотру подлежат воздушное судно, его бортовые запасы, члены экипажа, пассажиры, багаж, в том числе вещи, на-

ходящиеся при пассажирах, а также груз и почта. Данные досмотры проводятся уполномоченными лицами служб авиационной безопасности с участием сотрудников органов внутренних дел.

Положения Воздушного кодекса Российской Федерации дополняет п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», закрепляющий полномочия полиции принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене либо осуществлять такой досмотр самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами.

Предполетный досмотр пассажиров является добровольным, при отказе пассажира от досмотра договор перевозки считается расторгнутым в одностороннем порядке. Процедура производства досмотра пассажиров определена Правилами проведения предполетного и послеполетного досмотров*.

Порядок проведения схож с личным осмотром граждан при проведении массовых мероприятий, однако к визуальному осмотру и бесконтактному обследованию с помощью специальных приборов добавляется контактное обследование одежды и ручной клади.

Отдельного внимания требуют положения п. 12 ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»**, который определил, что при проходе (проезде) на территорию, в пределах которой введен правовой режим контртеррористической операции, и при выходе (выезде) с указанной территории может проводиться досмотр физических лиц и находящихся при них вещей, а также досмотр транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств.

* Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров: приказ Минтранса России от 25 июля 2007 г. N 104: ред. от 30 марта 2018 г. // Рос. газ. 2007. 17 авг.; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ: ред. от 18 апр. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 11. Ст. 1146; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

В данном случае законодателем до настоящего времени также не уделено достаточное внимание процедурным вопросам. Однако из целей контртеррористической операции и опыта ее проведения можно сделать вывод о том, что данная мера проводится принудительно, отказаться от ее проведения гражданин не может. На практике порядок проведения включает в себя визуальный осмотр одежды и тела, обследование с помощью специальных приборов, контактное обследование одежды и ручной клади.

От перечисленных выше видов досмотра и осмотра следует отграничивать наружный досмотр, являющийся мерой, обеспечивающей личную безопасность сотрудников полиции, и осуществляющийся путем прощупывания одежды задержанного лица с наружной стороны в местах наиболее вероятного сокрытия оружия и предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия [4, с. 411]. Он проводится на основании п. 266 Устава патрульно-постовой службы полиции***.

Целью наружного досмотра является обнаружение оружия и других предметов, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения или побега. Наружный досмотр проводят сотрудники полиции в отношении лиц, задержанных за совершение преступления.

Процедура проведения наружного досмотра отчасти отражена в Наставлении по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденном приказом МВД России от 1 июля 2017 г. N 450****. Базовые тактические особенности проведения наружного досмотра включают в себя досмотр задержанных в положении стоя у стены, под воздействием загиба руки за спину, с использованием наручников, под угрозой применения оружия (специального сред-

*** Устав патрульно-постовой службы полиции: утв. приказом МВД России от 29 янв. 2008 г. N 80: ред. от 12 февр. 2015 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. N 27; 2015. N 30.

**** Наставление по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: утв. приказом МВД России от 1 июля 2017 г. N 450. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ства) в различных положениях, а также в составе группы [5].

Однако возникает вопрос о возможности применения к перечисленным выше досмотрам и осмотрам, как к разновидности административного принуждения, по аналогии закона, а именно положения ст. 27.7 КоАП РФ и, соответственно, о необходимости наличия понятий. В случае их отсутствия закономерен вопрос о значении результатов досмотра или осмотра для привлечения виновных лиц к юридической ответственности.

Достаточно дискуссионным, на наш взгляд, является вывод отдельных исследователей о том, что при проведении наружного досмотра присутствие понятий не требуется [5].

Отчасти ответ на данный вопрос содержится в решении Конституционного Суда Российской Федерации, который, комментируя положения п. 2 ст. 11 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 118-ФЗ «О судебных приставах», устанавливающие право судебного пристава осуществлять досмотр вещей лиц, находящихся в зданиях (помещениях) судов, указал, что данные меры носят предупредительный характер и не связаны с привлечением к публичной ответственности лиц, в отношении которых они применяются*, и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права.

Кроме того, очевидно, что схожие по содержанию и назначению действия в одном случае законодатель определяет как личный осмотр, в другом — досмотр, допуская явное смешение понятий.

Согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова досмотр определяется как проверочный осмотр; личный — касающийся непосредственно какого-нибудь лица; а обыск — официальный осмотр ко-

го-чего-нибудь с целью найти укрываемое незаконное [6, с. 152, 281, 377].

М.Ю. Тихомиров понимает досмотр как проверку ручной клади, личный досмотр — как исключительную форму таможенного контроля [7, с. 152, 296, 229, 283]. Осмотр, как и обыск, рассматриваются им исключительно как следственные действия, проводимые в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства.

На наш взгляд, спорным является решение рассматриваемой понятийной осмотрово-досмотровой дилеммы, предложенное в Наставлении по организации деятельности строевых подразделений вневедомственной охраны, утвержденном приказом МВД России от 21 сентября 2015 г. N 900**, в котором в качестве полномочия сотрудника строевого подразделения вневедомственной охраны указано, что при несении службы необходимо требовать от граждан соблюдения пропускного режима на охраняемых объектах, осуществлять досмотр и (или) осмотр граждан, осмотр находящихся при них вещей, досмотр и (или) осмотр транспортных средств при въезде на охраняемые объекты и выезде с охраняемых объектов.

Заслуживающими внимания и рассмотрения являются положения Таможенного кодекса Евразийского экономического союза*** (далее — ТК ЕАЭС), в которых данная понятийная дилемма решена посредством включения в текст закона официальных дефиниций таможенного осмотра, таможенного досмотра, личного таможенного досмотра.

В соответствии со ст. 327 ТК ЕАЭС таможенный осмотр — форма таможенного контроля, заключающаяся в проведении визуального осмотра товаров, в том числе

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Благодатских Ирины Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частями 1 и 3 статьи 27.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и положениями пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О судебных приставах»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 г. N 780-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Наставление по организации деятельности строевых подразделений вневедомственной охраны: утв. приказом МВД России от 21 сент. 2015 г. N 900. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»,

*** Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апр. 2017 г.) // Евразийский экономический союз: официальный сайт: URL: <http://www.eaeunion.org/12.04.2017>; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

транспортных средств и багажа физических лиц, грузовых емкостей, таможенных пломб, печатей и иных средств идентификации без вскрытия грузовых помещений (отсеков) транспортных средств и упаковки товаров, разборки, демонтажа, нарушения целостности обследуемых объектов (включая багаж физических лиц) и их частей иными способами, за исключением такого осмотра, проводимого в ходе таможенного контроля в форме таможенного осмотра помещений и территорий.

Таможенный досмотр (ст. 328 ТК ЕАЭС) – форма таможенного контроля, заключающаяся в проведении осмотра и совершении иных действий в отношении товаров, в том числе транспортных средств и багажа физических лиц, со вскрытием упаковки товаров, грузовых помещений (отсеков) транспортных средств, емкостей, контейнеров или иных мест, в которых находятся или могут находиться товары, и (или) с удалением примененных к ним таможенных пломб, печатей или иных средств идентификации, разборкой, демонтажем или нарушением целостности обследуемых объектов и их частей иными способами.

Личный таможенный досмотр (ст. 329 ТК ЕАЭС) – форма таможенного контроля, заключающаяся в проведении досмотра физических лиц. Личный таможенный досмотр может проводиться только в отношении физических лиц, следующих через таможенную границу Союза и находящихся в зоне таможенного контроля или транзитной зоне международного аэропорта, при наличии достаточных оснований полагать, что такие лица скрывают при себе и добровольно не выдают товары, перемещаемые через таможенную границу Союза в нарушение международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования, законодательства государств-членов.

Схожей по направлению (поиск запрещенных предметов), но отличной по назначению является процедура личного обыска. Данная процедура проводится в целях:

а) обеспечения режима содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел на основании Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых

и обвиняемых органов внутренних дел, утвержденных приказом МВД России от 22 ноября 2005 г. N 950*, и в следственных изоляторах на основании Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. N 189**;

б) обнаружения и изъятия предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела, на основании ст. 184 УПК РФ.

Необходимо отметить, что в случае личного обыска в изоляторе временного содержания органов внутренних дел и следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы процедура представлена достаточно подробно: тщательно осматривается тело обыскиваемого, его одежда, обувь, а также протезы. Подозреваемым и обвиняемым предлагается полностью раздеться, обнажить соответствующие участки тела. Пластырные наклейки, гипсовые и другие повязки проверяются совместно с медицинским работником. При обнаружении предметов, зашитых в одежду, ткань распарывается. Из обуви извлекаются супинаторы, металлические набойки.

Личный обыск подозреваемых или обвиняемых производится работниками одного с ними пола. При полном обыске не должны присутствовать лица противоположного пола, за исключением медицинских работников в необходимых случаях.

На основании изложенного можно предположить, что рассмотренные личный осмотр, личный досмотр, личный обыск следует отличать прежде всего по способу поисковых действий сотрудника правоохранительного органа:

* Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: приказ МВД России от 22 нояб. 2005 г. N 950 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. N 5.

** Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 14 окт. 2005 г. N 189 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. N 46.

– при осмотре – внешний, визуальный, бесконтактный, с помощью специальных приборов;

– при досмотре – к осмотровым способам добавляются активные контактные действия путем прощупывания, открывания, извлечения и т.д.;

– при обыске – активный, контактный, с участием специалиста и применением специальных приборов, в необходимых случаях с нарушением конструктивной целостности.

В зарубежном законодательстве следует выделить положения Закона об охране общественной безопасности и порядка Земли Гамбург Федеративной Республики Германия*, регламентирующие проведение рассматриваемых мероприятий. Так, в § 15 «Обыск и обследование лиц» указанного закона определено, что лицо может подвергаться обыску, если: 1. Оно может быть задержано в соответствии с настоящим Законом или иными правовыми актами; 2. Есть достаточные основания полагать, что лицо имеет вещи, которые могут быть изъяты; 3. Лицо находится в состоянии, заведомо исключающем свободное волеизъявление, или в ином беспомощном положении.

В соответствии с ч. 2 § 15 «Обыск и обследование лиц» лицо, личность которого должна быть установлена в соответствии с Законом об охране общественной безопасности и порядка Земли Гамбург ФРГ или иными правовыми актами ФРГ, либо которое необходимо остановить в общественном месте, может быть досмотрено на наличие оружия, других опасных предметов и взрывчатых веществ, если в данных обстоятельствах требуется защита сотрудников или третьих лиц от угрозы жизни или здоровью.

Нормы распространяются и на ситуации, когда к лицу в соответствии с иными нормативными актами должна быть применена мера доставления в другое место. Данное положение имеет некоторое сходство с наружным досмотром в российском законодательстве.

* Закон об охране общественной безопасности и порядка Земли Гамбург ФРГ // Юридический портал земли Гамбург, юстиция, право земли. URL: <http://www.landesrecht-hamburg.de/jportal/portal/page/>

Согласно этой же статье лица должны обыскиваться только лицами одного пола с ними или врачами; это не применяется, если требуется немедленный обыск для предотвращения угрозы жизни или здоровью.

Таким образом, законодательство Земли Гамбург ФРГ объединяет основания проведения личного осмотра, наружного досмотра, личного досмотра и унифицирует порядок осуществления данных мер. Физическое обследование лица в Законе об охране общественной безопасности и порядка Земли Гамбург ФРГ рассматривается исключительно как мера медицинского характера, направленная на предотвращение угрозы жизни или здоровью.

На основании изложенного следует сделать выводы:

1. Действующее российское законодательство содержит нормы, наделяющие сотрудников полиции правом на применение различных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, мер обеспечения личной и общественной безопасности, мер обеспечения режима содержания в изоляторах временного содержания, мер получения доказательств по уголовному делу: личный осмотр, досмотр пассажиров, досмотр граждан, наружный досмотр, личный досмотр и личный обыск. При этом единая понятийная система отсутствует, процедура проведения определена только в отношении личного досмотра, досмотра пассажиров и личного обыска как меры обеспечения режима содержания.

2. Личный осмотр – это добровольный, осуществляемый уполномоченными лицами внешний, визуальный или с помощью специальных приборов поиск предметов, которые могут угрожать общественной безопасности (объединяет действующие понятия «личный осмотр», «досмотр пассажиров»).

3. Личный досмотр – это принудительный, осуществляемый уполномоченными лицами внешний, активный, контактный или с помощью специальных приборов поиск предметов, которые могут угрожать личной или общественной безопасности, могут быть предметом или орудием преступления, административного правонарушения, производимый без

нарушения конструктивной целостности (объединяет действующие понятия «наружный досмотр», «досмотр граждан» и «личный досмотр»).

4. Личный обыск – это принудительный, осуществляемый уполномоченными лицами активный, контактный, в необходимых случаях с нарушением конструктивной целостности, с помощью специальных приборов поиск: запрещенных предметов, обеспечивающий режим содержания в изоляторах временного содержания или следственных изоляторах; предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела.

На наш взгляд, законодательное закрепление предлагаемого понятийного аппарата позволит избежать проблем в применении положений нормативных правовых актов сотрудниками полиции, осуществляющими осмотровые, досмотровые, обысковые мероприятия, а также в понимании соответствующих правовых норм гражданами, в отношении которых эти меры применяются, что будет способствовать укреплению единой правоприменительной практики в области охраны общественного порядка и безопасности, повышению авторитета сотрудников правоохранительных органов.

Список литературы

1. Мягков А.В. Досмотр как мера административного принуждения, применяемая милицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. 23 с.
2. Богомолова А.А. Таможенное право: конспект лекций. М., 2010. 169 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Главы 24-32. Постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. Б.В. Россинского. («Редакция "Российской газеты", 2015). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20 янв. 2018 г.).
4. Белов С.В., Водяная М.Ю. Наружный досмотр как мера личной безопасности сотрудника полиции // Актуальные проблемы административной деятельности полиции: сб. материалов по итогам всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015. С. 410-416.
5. Безгачев Ф.В., Крупин В.А. Актуальные проблемы проведения личного и наружного досмотра сотрудниками органов внутренних дел // *Novaum*. 2017. N 10. URL: <http://novaum.ru/public/p390> (дата обращения: 25 янв. 2018 г.).
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.
7. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Юриформцентр, 1997. 525 с.

References

1. Myagkov A.V. Dosmotr kak mera administrativnogo prinuzhdeniya, primenyayemaya militsiyey. Avtoref. Kand. Diss. [Inspection as a measure of administrative coercion, applied by the police. Autoabstract Cand. Diss.]. Omsk, 2004. 23 p.
2. Bogomolova A.A. Tamozhennoe pravo [Customs Law: a summary of lectures]. Moscow, 2010. 169 p.
3. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Glavy 24-32. Postateynny nauchno-prakticheskiy kommentariy [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Chapters 24-32. Scientific and practical commentary]. Available at: <http://www.consultant.ru/> (Accessed January 20, 2018).
4. Belov S.V., Vodyanaya M.Yu. Naruzhnyy dosmotr kak mera lichnoy bezopasnosti sotrudnika politzii [External inspection as a measure of the personal safety of a police officer]. Aktual'nye problemy administrativnoy deyatel'nosti politzii [Actual problems of administrative police]. Krasnodar, 2015. Pp. 410-416.
5. Bezgachev F.V., Krupin V.A. Aktual'nye problemy provedeniya lichnogo i naruzhnogo dosmotra sotrudnikami organov vnutrennikh del [Actual problems of conducting personal and external searches by employees of law enforcement agencies]. *Novaum – Novaum*, 2017, no. 10. Available at: <http://novaum.ru/public/p390> (Accessed January 25, 2018).
6. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: ok. 57 000 slov [Dictionary of the Russian language: about 57 000 words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985. 797 p.
7. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. Yuridicheskaya entsiklopediya [The legal encyclopedia]. Moscow, Yurinformtsentr Publ., 1997. 525 p.

БАРИНОВ А.С., кандидат юридических наук, as.b8888@mail.ru Кафедра тактико-специальной подготовки; Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, г. Белгород, ул. Горького, 71	BARINOV A.S., Candidate of Legal Sciences, as.b8888@mail.ru Chair of tactical and special training; Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Gorkogo St. 71, Belgorod, 308024, Russian Federation
ЧИРКОВ Е.Н., chirkov.1970@mail.ru Кафедра тактико-специальной подготовки; Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, г. Белгород, ул. Горького, 71	CHIRKOV E.N., chirkov.1970@mail.ru Chair of tactical and special training; Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Gorkogo St. 71, Belgorod, 308024, Russian Federation

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются административно-правовые проблемы обеспечения контроля качества и безопасности потребительских товаров в условиях современной экономики. Особое внимание уделяется надлежащему исполнению субъектами своих договорных обязательств по предоставлению в срок, в ассортименте и надлежащего качества сырья. Исследуется комплекс проблем, разрешение которых в условиях рыночных отношений строго обязательно, поскольку только при выполнении этого условия можно достичь производства высококачественной продукции. Важная роль отводится гражданско-правовым отношениям в процессе заключения договоров и исполнения субъектами договорных обязательств, направленных на разрешение споров, возникающих при реализации товаров низкого качества. Раскрывается особенность нормативного закрепления правил торговли в условиях рыночной экономики. Анализируются причины и последствия попадания низкокачественных товаров на рынок.

Ключевые слова: качество товаров; защита прав человека; защита потребителей; ответственность; стандартизация.

CONCEPTUAL BASES OF MANAGEMENT IN THE SPHERE OF ENSURING PRODUCT QUALITY

Annotation. The article deals with administrative law problems of ensuring quality control and safety of consumer goods in today's economy. Special attention is paid to the proper fulfillment of contractual obligations to provide raw materials of high quality on time and in assortment by subjects of contractual relations. The complex of problems, the solution of which is strictly obligatory in the conditions of market relations, is investigated. It is possible to achieve the production of high quality products only by eliminating these problems. An important role is given to civil law relations during the process of concluding contracts and fulfillment of contractual obligations, aimed at resolving disputes when providing low-quality goods, by the subjects. The peculiarities of fixing the rules of trade in a market economy in the legislation are revealed. The causes and consequences of low-quality goods entering the market are analyzed.

Keywords: quality of goods; protection of human rights; consumer protection; responsibility; standardization.

Система стандартов является обязательной минимальной комплексной совокупностью, включающей конкретные показатели, необходимые для производства и эксплуатации продукции на основе технологического единства на разных производственных этапах. Каждый из стандартов имеет свою цель. В общем массиве стандартов, которые связаны единством обеспечения достижения производственной цели, необходима интеграция таких стандартов, которые в совокупности обеспечивают достижение поставленной задачи.

Система стандартизации представляет комплекс организационно-хозяйственных мероприятий, обеспечивающих надлежащую постановку работы по подготовке, изданию, утверждению и поддержанию на соответствующем уровне действующей нормативно-технической документации [1, с. 149].

В зависимости от порядка регламентации, построения и использования следует различать три типа систем стандартизации:

— системы, в состав которых входят стандарты одной категории (преимущественно ГОСТы). Такую систему следует считать элементарной. Сферой ее применения являются простейшие этапы технологии на предприятии. Нередко на практике отсылки к иным стандартам не вызваны особой необходимостью, поэтому вполне уместно их совмещение;

— системы, носящие сложный характер. Они включают нормативно-технические документы различных категорий. Следует иметь в виду, что такие системы существовали всегда, представляя собой обязательный элемент общегосударственной системы стандартизации. Идеальным представляется отношение, когда программа комплексной стандартизации адекватно отражается в хозяйственных связях;

— системы, носящие комплексный характер. Это системы конструкторской, технологической, нормативно-технической, транспортной и эксплуатационной документации, которые, по существу, дополняют, уточняют, конкретизируют и обеспечивают реализацию первых на последующих стадиях производства промышленной продукции.

Целесообразно обратить внимание на новый подход управления качеством

продукции — технологический. Для этого необходима строго определенная организация хозяйственных связей в промышленности: на основе единства технологии по всей цепочке изготовления конечного продукта, когда сырье, полуфабрикаты, комплектующие изделия стабильно производятся одними и теми же изготовителями. Постоянная смена поставщиков даже в течение такого продолжительного срока, как год, отрицательно сказывается на качестве изготавливаемой продукции [2, с. 140].

В связи с этим возникает вопрос о возможности обеспечения высокого качества, если изготовитель не знает ближайшую перспективу своих хозяйственных отношений. Качество конечной продукции в значительной мере предопределяется качеством материально-технического обеспечения. Даже если допустить, что снабжение осуществляется в полном объеме (что далеко не всегда имеет место), покупатель всегда имеет массу поставщиков практически одной и той же продукции. Общеизвестно, как сложно приспособить производственный процесс к изменяющемуся ассортименту продукции, поступающей от поставщиков. Таким образом, эффективная экономика возможна только при четких и отлаженных межотраслевых связях, которые в подавляющем большинстве случаев (по значительной части поставляемой продукции) должны быть стабильными (постоянными). Именно на такой фундаментальной организационной основе в пределах определенных экономических зон и следует формировать межотраслевые хозяйственные связи, приближенные к модели комплексной стандартизации.

В связи с этим возникает другой вопрос — о судьбе отраслевого управления через министерства. Известно, что реализация функции управления качеством продукции в одной отрасли должна быть тесно связана с реализацией аналогичных функций смежных отраслей. К сожалению, данное положение является скорее исключением, чем правилом. Отрасли оказались в неестественно обособленном положении, что породило их монополизм как искажение сущности экономической политики и положения государства. При перепроизводстве топлива, металла, других видов сырья и

материалов существует недостаток потребительских товаров, а в случае их производства обнаруживается невысокое качество. Такая ситуация прежде всего объясняется неспособностью аппарата управления добиваться удовлетворения растущих потребностей людей, достижения тех целей, которые государством декларируются как стратегические. Кроме того, существуют специфические причины экономического, организационного плана, но выражающиеся в неспособности организовать производство на основе сбалансированности, на базе организации межотраслевого сотрудничества путем тесной координации производственной деятельности между предприятиями и объединениями при организации кооперированных связей как объективной необходимости [3, с. 79].

Для этого необходим отказ от принципа отраслевого управления и переход к формированию в пределах региональных структур, нацеленных на производство конечной продукции для удовлетворения потребительского спроса и насыщения рынка товарами. Естественно, что производители промежуточной продукции в этих условиях смогут самостоятельно, своевременно и беспрепятственно вступать в межотраслевые контакты. Особенно важна такая оперативность в плане изменения качества и ассортимента продукции с учетом запросов потребителя. Вопросы межотраслевого сотрудничества в действующих нормативных актах отражены крайне недостаточно. В настоящее время наиболее приемлемой представляется организация таких отношений в виде различных производственных объединений. На наш взгляд, это организационные структуры, которые в наибольшей мере соответствуют современным потребностям экономики [4, с. 626].

Таким образом, основу обеспечения качества продукции должно составлять единство технологии на протяжении всего жизненного цикла промышленной продукции: «научные исследования и разработки — инвестиции — производство — сбыт — обслуживание».

Следует выделить основные направления формирования региональной системы обеспечения управления качеством.

Во-первых, законодательно обеспечивается формирование коллективных

разновидностей собственности — акционерных, хозяйственных обществ и др. В конечном счете от непосредственной деятельности органов исполнительной власти регионов зависит практическое решение обозначенных проблем.

Во-вторых, необходимы дальнейшие шаги по интеграции в создании наиболее благоприятных условий предприятиям, изготавливающим промежуточную продукцию для конечного (сборочного) предприятия. Иными словами, речь идет не о возврате к системе администрирования, строгой централизации в этом процессе, а о формировании экономического механизма, который, с одной стороны, обеспечивал бы стремление промежуточных предприятий работать на конечного изготовителя, а с другой — гарантировал бы последнему стабильность хозяйственных связей по кооперированию. Только на такой экономической основе можно достичь результата в виде массового производства товаров для рынка, именно в этом и заключается сущность регулируемого рынка.

В-третьих, естественно, что развитие рыночных отношений в первую очередь должно вестись в Российской Федерации. Насыщение рынка товарами для местного населения поставит на повестку дня организацию межрегионального обмена. Такая задача может успешно решаться на основе формирования межрегионального предпринимательства.

В-четвертых, в этих условиях чрезвычайно важным является нормативно-техническое обеспечение деятельности межотраслевых объединений. Самостоятельно (либо на основе согласования) разрабатывают и утверждают программы комплексной стандартизации под определенную конечную продукцию, а следовательно, и для конкретных конечных изготовителей.

В-пятых, в условиях, когда делается попытка прорыва на международный рынок, немаловажным является переход на одинаковую оценку качества продукции на основе сертификации по международным стандартам.

По существу, сертификация есть форма аттестации, однако это ее высшая форма (в литературе и на практике до настоящего времени отношение к сертификации было отрицательным). Несмотря на

то, что сейчас ситуация меняется, процесс освоения сертификации занимает значительное время.

В системе стандартов не регламентированы многие показатели качества продукции по технологической цепочке, не предусмотрена возможность одновременного внесения изменений во все связанные технологической линией процессы производства при уточнении одного из звеньев в системе стандартов. Повышению уровня качества препятствовало также отсутствие четких и стабильных межотраслевых связей [5, с. 82].

Имеется объективная потребность во взаимоотношениях между смежными предприятиями, обеспечивающими производственный процесс по технологической цепочке обработки сырья, полуфабрикатов, изделий. Ранее все они направлялись планово-регулирующими органами с целью достижения определенного конечного результата. Как правило, указанные связи закладывались с момента возведения конкретных предприятий. Не всегда эти связи сохранялись долго, поскольку обычно география поставок продукции данного изготовителя расширяется. В целом это следует считать отрицательным явлением, поскольку искусство управления заключается и в адекватном наращивании производственных мощностей смежников. На практике ничего подобного не происходит. В условиях оптовой торговли сложившиеся хозяйственные связи еще некоторое время будут функционировать. Однако требования к изготовителям в пределах их ассортиментных возможностей значительно ужесточаются. Изменения здесь возможны и целесообразны только в плане производства совершенно новой продукции, в оптимизации связей в зависимости от расстояния между смежниками (имеется в виду снижение транспортных расходов).

Формой закрепления этих отношений является гражданско-правовой договор. В условиях, когда предприятие-изготовитель обязано осуществлять фирменное обслуживание своей продукции, договор связывает контрагентов практически на весь жизненный цикл данной промышленной продукции. Анализ современной практики позволяет говорить о трех

разнообразиях хозяйственных связей в зависимости от их соответствия форме договорных отношений. Наиболее оптимальными являются такие правоотношения, которые соответствуют потребностям покупателя. Весь набор промежуточной продукции должен отвечать технологическим целям изготовителя конечной продукции. Это оптимальная структура, и на практике она постепенно налаживается, в результате чего сможет составить основу организации оптовой торговли. Основой таких взаимоотношений является стабильность целой группы предприятий-смежников, участвующих в комплектации конечной продукции.

Сбалансированность производственных мощностей и потребностей (их материальная обеспеченность), совпадение уровней качества комплектующих частей — неременное условие анализируемой структуры. Стабильность хозяйственных связей — это гарантия высокого качества. Достижение такого уровня функционирования подобных связей возможно на базе жесткого закрепления производителей промежуточной продукции за предприятиями — изготовителями конечной продукции. Оптимальная структура представляет собой систему имущественных связей на эквивалентно-возмездной основе. Отметим, что в современных условиях имущественные комплексы объединений и предприятий являются в высшей степени сложным образованием, сочетанием применения компьютерной техники с элементами гибких производственных процессов.

Данный вид структуры является результатом длительного поиска наиболее приемлемых вариантов взаимосвязей предприятий. Наряду с объективной потребностью в таких связях немаловажная роль отводится и субъективному фактору. Необходимы предварительные расчеты, моделирование оптимальной структуры применительно к отдельному предприятию — изготовителю конечной продукции.

Порядок организации работы, направленной на обеспечение качества на предприятиях, имел существенный порок: они были ориентированы на выдерживание качества применительно к аналогичным товарам. Более эффективным, на наш взгляд, является направление по предьяв-

ляемым требованиям — изготовителю конечной продукции, которому следует предоставить широкие полномочия по увязке технологического цикла на базе межотраслевых формирований [6, с. 167].

Формой такого объединения может выступать комплексный договор на основе присоединения. Такой договор может стать фактором вывода экономики в режим оптимального функционирования. Хозяйственные связи при этом формируются на основе постоянных отношений. В основу будет положено долгосрочное задание, которое конкретизируется исходя из заказов потребителя и в зависимости от объемов выпуска конечной продукции.

Межотраслевые объединения, по нашему мнению, должны стать ведущей структурной формой организации при изготовлении конечной продукции.

Отношения по интеграции в основном являются имущественными. Их основу составляет единство технологической линии. Чем более прочным и постоянным является такое единство, тем больше гарантии изготовления продукции высокого качества. Технологические связи, как правило, строятся на основе экономических расчетов по производству определенного вида продукции [7, с. 206].

Данная методика организации предполагает ряд перспективных решений.

Во-первых, осуществляется анализ рыночной экономики по комплексным целевым программам и договорам, направленным на изготовление конечной продукции. (Речь идет, например, о машинах, тракторах, комбайнах, самолетах, технологических линиях, станках и др.). Естественно, что их производство должно быть обеспечено материальными ресурсами на основе балансового метода. В случае выявления фактов несбалансированности принимаются решения по их устранению.

Во-вторых, что касается сырья, материалов, полуфабрикатов, то есть промежуточной продукции, предприятия, ее изготавливающие и присоединившиеся к договору, по существу, работают на конечную продукцию для своего сборочного предприятия и поэтому должны быть поставлены в обычные условия хозяйственного договора. Сущность этих отношений может быть многогранной. Это бессроч-

ные договоры, аренда предприятия конечным изготовителем, возможна покупка данного предприятия-смежника и др. Таким образом, сводится воедино идея размещения производительных сил в стране и их реального использования. Такое присоединение основывается на добровольности с использованием льгот и скидок для смежников, работающих на конечного изготовителя.

В-третьих, в таком договоре должно быть реализовано еще одно очень важное обстоятельство, которому в условиях развивающейся экономики никогда не придавалось решающего значения. Речь идет о территориальном расположении основных кооперирующихся предприятий. Предшествующая практика складывалась таким образом, что фактору географии поставок в подавляющем большинстве случаев не придавалось существенного значения, что является серьезным заблуждением. Близость смежников обеспечивает, кроме минимальных расходов на перевозку, согласование единства технологии производства, однотипности подхода к производственным процессам и в конечном счете обеспечивает высокое качество продукции.

Естественно, не исключается возможность закупок сырья, комплектующих от любых изготовителей за территорией страны (импорт), но это должно осуществляться в порядке исключения. Основными же изготовителями должны быть предприятия своего экономического района. Здесь необходим объективный фактор территориальной ограниченности. На подавляющей части капиталистических предприятий отсутствуют складские помещения, работа ведется по принципу «с колес».

В современных условиях наличие складского хозяйства — непременный атрибут хозяйственной деятельности. Нередко именно в этом звене накапливаются различного рода непроизводительные потери (порча при перевалках, естественная убыль, ненадлежащее хранение и др.). Все эти негативные явления активизируют развитие теневой экономики. Возникает вопрос о возможности устранения этих потерь. Указанные обстоятельства всегда характеризуются как бесхозяйственность, но не вскрываются первопричины, их породившие. Они кроются в основном в отсут-

ствии сбалансированности на уровне непосредственных изготовителей [8, с. 206].

В-четвертых, насыщение рынка товарами народного потребления и продукцией производственно-технического назначения может произойти уже в скором времени. Во всяком случае процесс сбалансирования экономики на основе таких договоров совершенно точно обозначит «узкие» места с материальными ресурсами. Естественно, должно произойти определенное перераспределение сфер использования сырья и конечной продукции, часть сырьевых ресурсов пойдет на внутреннюю переработку.

По существу, речь идет о тесных и прочных производственных связях, так как они позволяют преодолеть иной, не менее значимый барьер — непринятие самими производителями требования качественной работы и активизировать их творческие способности и потенциал на основе формирования групп качества.

В условиях развития рыночных отношений данный организационный фактор будет иметь решающее значение.

В хозяйственной практике принято утверждать, что в ходе развития рыночных отношений необходима прежде всего полная ясность и открытость в части состояния проблем качества. Товаропроизводители должны акцентировать внимание на появлении брака, убедить, что только на основе совместных усилий можно добиться высокого качества [7, с. 208]. Это по-

рождает стремление к самоорганизации, объединению на добровольных началах усилий персонала предприятия, который причастен к выпуску продукции.

Кроме этого, есть и другие, не менее значимые участки, требующие контроля качества продукции: совершенствование технологии производства; рост производительности труда; организация оптимальных вариантов технологических процессов (устранение утомляемости, однообразия, монотонности выполнения операций и др.); совершенствование техники безопасности и производственной санитарии; технический самоконтроль; решение внутренних организационных вопросов; социальные проблемы в плане межличностных отношений в процессе труда и другие.

Таким образом, компетенция групп качества не ограничена в решении производственно-технологических и социальных проблем данного предприятия или его подразделения. Любые решения, обеспечивающие хотя бы минимальный прогресс в области повышения качества, принимаются и внедряются в практику.

Естественно, что еще будет происходить подгонка с целью достижения эффективности и максимальной пользы. Наряду с этим есть настоятельная потребность приступить к формированию групп таких разных отраслей экономики, как строительство, транспорт, сельское хозяйство, и др.

Список литературы

1. Надежин Н.Н., Халин Р.В. Потребитель как непосредственный участник реализации гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный недостатками товаров, работ и услуг по законодательству России // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. Т. 1. № 3 (60). С. 147-152.
2. Зинковский М.А. Преднамеренное банкротство в условиях национального кризиса // Современное право. 2015. № 6. С. 137-141.
3. Зинковский М.А. Правовые отношения по поводу сокрытых вещей // Современное право. 2013. № 7. С. 78-80.
4. Никулина Е.В., Чистникова И.В., Орлова А.В. Экономико-статистическое исследование бюджетно-налоговой безопасности регионов // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-3. С. 624-628.
5. Надежин Н.Н. Концептуальные подходы к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности // Общество и право. 2008. № 1. С. 80-86.
6. Безуглый Э.А. Динамика и структура иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2011. № 1. С. 164-168.
7. Основные проблемы, возникающие при рассмотрении споров из договоров в сфере закупок, товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд / В.А. Хрисанов, В.Л. Михайликов, И.В. Тищенко, Л.Н. Меняйло // Бизнес в законе. 2015. № 5. С. 205-208.
8. Никулина Е.В. Факторный анализ функционирования системы региональных финансов // Финансы и кредит. 2013. № 19 (547). С. 205-208.

References

1. Nadezhin N.N., Khalin R.V. Potrebitel' kak neposredstvenniy uchastnik realizatsii grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za vred, prichinenniy nedostatkami tovarov, rabot i uslug po zakonodatel'stvu Rossii [Costumer as the direct participant of realizing civil-law responsibility for the harm done by lacks of the goods, works and services under the legislation of Russia]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta – News of the Southwest State University, 2015, volume 1, no. 3 (60), pp. 147-152.
2. Zinkovsky M.A. Prednamerennoe bankrotstvo v usloviyah natsional'nogo krizisa [Deliberate bankruptcy in the conditions of national crisis]. Sovremennoe pravo – Modern Law, 2015, no. 6, pp. 137-141.
3. Zinkovsky M.A. Pravovye otnosheniya po povodu sokrytyh veshchey [Legal relations concerning the hidden things]. Sovremennoe pravo – Modern Law, 2013, no. 7, pp. 78-80.
4. Nikulina E.V., Chistnikova I.V., Orlova A.V. Ekonomiko-statisticheskoe issledovanie byudzhethno-nalogovoy bezopasnosti regionov [Economic and statistic research of budgetary-tax safety of regions]. Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Investigations, 2015, no. 12-3, pp. 624-628.
5. Nadezhin N.N. Kontseptual'nye podhody k ponimaniyu predprinimatel'stva i predprinimatel'skoy deyatel'nosti [Conceptual approaches to understanding of business and an entrepreneurial activity]. Obshchestvo i pravo – Society and Law, 2008, no. 1, pp. 80-86.
6. Bezugliy E.A. Dynamics and structure of foreign investment in the economy of the Russian Federation [Dynamics and structure of foreign investments into the RF economy]. Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law – Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economy and Law, 2011, no. 1, pp. 164-168.
7. Hrisanov V.A., Mihaylikov V.L., Tishchenko I.V., Menyaylo L.N. Osnovnye problemy, vznikayushchie pri rassmotrenii sporov iz dogovorov v sfere zakupok, tovarov, rabot i uslug dlya gosudarstvennyh i munitsipal'nyh nuzhd [The Basic problems of the origin by consideration of disputes from contracts in the sphere of the purchases, goods, works and services for the state and municipal needs]. Biznes v zakone – Business in the law, 2015, no. 5, pp. 205-208.
8. Nikulina E.V. Faktorniy analiz funktsionirovaniya sistemy regional'nyh finansov [Factorial analysis of functioning the system of the regional finance]. Finansy i kredit – Finance and Credit, 2013, no. 19 (547), pp. 205-208.

Раздел 4. Уголовный закон

ТКАЧЕВ И.О., кандидат юридических наук, tkachyov@mail.ru Кафедра уголовного права; Уральский государственный юридический университет, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21	TKACHEV I.O., Candidate of Legal Sciences, tkachyov@mail.ru Chair of criminal law; Ural State Law University, Komsomolskaya St. 21, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation
---	--

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье дается критический анализ изменений, внесенных в уголовное законодательство Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ. Рассматриваются спорные вопросы применения норм об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (части 5-7 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации). Автор выделяет формальные и содержательные критерии разграничения мошенничества и предпринимательского риска. Определяется сфера, в которой действия виновного в зависимости от конкретных обстоятельств могут расцениваться либо как предпринимательский риск, либо как мошенничество. В статье уточняется содержание признаков потерпевшего от соответствующего преступления. Обращается внимание на недостатки законодательного определения круга специальных субъектов. Исследуется вопрос об основаниях возникновения обязательств, неисполнение которых влечет применение соответствующих уголовно-правовых норм. Делается вывод о том, что разграничение предпринимательского риска и мошенничества производится, исходя из того, когда возник умысел на неисполнение договорного обязательства. Умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, должен сформироваться у лица до получения данного имущества или права на него.

Ключевые слова: уголовная ответственность; предпринимательская деятельность; мошенничество; преднамеренное неисполнение обязательства; момент возникновения умысла.

CONTROVERSIAL ISSUES OF THE CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

Annotation. A critical analysis of the changes made to the criminal legislation by the Federal Law of July 3, 2016 No. 323-FL is presented in the article. The controversial issues connected with the application of the rules on liability for fraud in the sphere of entrepreneurial activities are considered (parts 5-7 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author distinguishes the formal and substantive criteria for delineation of fraud and entrepreneurial risk. The sphere in which the actions of the perpetrator can be regarded as either entrepreneurial risk or fraud, depending on the specific circumstances, is defined. The article specifies the content of the characteristics of the victim of the relevant crime. Attention is drawn to the shortcomings of the legislative definition of the range of special subjects. The author examines the issue concerning the grounds for the emergence of obligations, the failure to fulfill which gives grounds for the application of the relevant criminal law rules. It is concluded that the distinction between entrepreneurial risk and fraud should be made basing on the moment when the intent to fail to meet the obligations under the contract arose. The intention aimed at stealing someone else's property or acquiring the right to someone else's property must be formed by the person before obtaining this property or the right to it.

Keywords: criminal liability; entrepreneurial activity; fraud; intentional default; moment of intent.

Характерной чертой современного уголовного законодательства является дифференциация уголовной ответственности за мошенничество. Одним из специальных составов анализируемой формы хищения яв-

ляется мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Самостоятельная норма об ответственности за указанный вид мошенничества (ст. 159.4 УК РФ) была впервые введена Федеральным законом

от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ*. Впрочем, она просуществовала весьма недолго. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. N 32-П указанная норма была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации**. При этом пунктом 3 резолютивной части настоящего постановления законодателю было предписано внести соответствующие изменения в УК РФ в срок не позднее шести месяцев со дня его провозглашения. Поскольку законодателем этого сделано не было, по истечении указанного шестимесячного срока, то есть с 12 июня 2015 г., ст. 159.4 УК РФ утратила силу. Соответственно, исключение названной нормы из УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 325-ФЗ*** носило технический характер.

Согласно ч. 2 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта****. Несмотря на это, норма об ответственности

за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности фактически была возвращена в УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ*****, который дополнил ст. 159 УК РФ частями 5-7, содержащими описание рассматриваемого вида мошенничества. При этом анализ действующей редакции норм ст. 159 УК РФ позволяет прийти к выводу о том, что положения об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, как и раньше, носят характер привилегированного состава. Соответственно, они имеют обратную силу и применяются к преступлениям, совершенным в период с 12 июня 2015 г.

Следует обратить внимание на то, что первоначальная редакция законопроекта, внесенного в Государственную Думу Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации 14 декабря 2015 г., не предусматривала изменения норм об ответственности за мошенничество. Соответствующие поправки в текст законопроекта были внесены уже на стадии рассмотрения законопроекта во втором чтении в июне 2016 г. В связи с этим цель внесения изменений в ст. 159 УК РФ в пояснительной записке к законопроекту не разъясняется. Указанная цель также не была озвучена в ходе обсуждения законопроекта с внесенными в него поправками, о чем свидетельствуют соответствующие стенограммы, размещенные в Системе обеспечения законодательной деятельности*****.

Как представляется, нормы частей 5-7 ст. 159 УК РФ направлены прежде всего на защиту субъектов предпринимательской деятельности от необоснованного привлечения к уголовной ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих обязательств. В связи с этим необходимо однозначно

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2012 г. N 207-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 49. Ст. 6752; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: постановление Конституционного Суда РФ от 11 дек. 2014 г. N 32-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 52 (ч. I). Ст. 7784.

*** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. N 325-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. II). Ст. 4258.

**** О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конст. закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ: ред. от 28 дек. 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 13. Ст. 1447.

***** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. II). Ст. 4256.

***** Законопроект N 953369-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/953369-6>

установить признаки состава анализируемого преступления, чтобы отличить рассматриваемое преступление от допустимого предпринимательского риска, с одной стороны, и от общего состава мошенничества – с другой.

Большинство объективных и субъективных признаков анализируемого состава преступления совпадают по своему содержанию с признаками основного состава мошенничества. При установлении содержания указанных признаков необходимо учитывать правовые позиции, нашедшие отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»* и от 15 ноября 2016 г. N 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»**. Кроме того, важно иметь в виду разъяснения, содержащиеся в ответах на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ-326-ФЗ, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2016 г.***

Следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что анализируемое преступление характеризуется наличием дополнительного объекта в виде установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности [1, с. 28]. Именно в связи с осуществлением такой деятельности и причиняется вред охраняемым общественным отношениям. Следовательно, не могут быть отнесены

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 2. С. 7-13.

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. N 1. С. 9-14.

*** Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 12. С. 32-33.

к мошенничеству в сфере предпринимательской деятельности те случаи, когда лицо зарегистрировано в качестве субъекта предпринимательской деятельности только формально, без намерения ее осуществлять [2, с. 20]. Несмотря на наличие в литературе противоположной точки зрения [3, с. 10], в подобных случаях содеянное должно квалифицироваться по общей норме о мошенничестве.

Предпринимательская деятельность заключается в принятии и последующем исполнении гражданско-правовых обязательств. Взаимосвязь мошенничества с осуществляемой предпринимательской деятельностью в данном случае проявляется в том, что предмет мошенничества одновременно является предметом гражданско-правового обязательства. При этом именно характеристика соответствующего обязательства позволяет определить ту сферу, в которой деятельность виновного может расцениваться как анализируемый вид мошенничества. Такая сфера определена законодателем, исходя из следующих критериев:

– круг участников охраняемого уголовным законом обязательственного правоотношения;

– основания возникновения неисполненного надлежащим образом обязательства.

На сегодняшний день законодательно определен субъектный состав участников обязательства, которые в зависимости от их роли в механизме преступления могут выступать в качестве специального субъекта или потерпевшего. Согласно примечанию 4 к ст. 159 УК РФ содеянное образует состав мошенничества в сфере предпринимательской деятельности только в том случае, если сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации.

Такая формальная определенность, безусловно, позволяет стабилизировать правоприменительную практику. Тем не менее указанный подход представляется небезупречным. Определяя в п. 1 ст. 2 ГК РФ сущность предпринимательской деятельности, законодатель не указывает на организационно-правовую форму ее участников. Предпринимательской правоспособностью им наделены также те не-

коммерческие организации, учредительными документами которых предусмотрено право на осуществление приносящей доход деятельности (п. 4 ст. 50 ГК РФ). Полагаем, что если субъекты обладают одинаковой предпринимательской правоспособностью, то было бы логично наделить их также и одинаковым производным уголовно-правовым статусом.

Кроме того, исходя из буквального толкования п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»*, действие соответствующих уголовно-правовых норм распространяется только на те случаи, когда индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации являются всеми сторонами заключенного договора. Вместе с тем действующее гражданское законодательство предусматривает возможность заключения многосторонних договоров (ст. 420 ГК РФ), в которых наряду с субъектами предпринимательской деятельности могут участвовать и иные лица. Кроме того, в силу п. 1 ст. 308 ГК РФ допускается множественность лиц в обязательстве, когда на одной стороне в обязательстве часть лиц являются субъектами предпринимательской деятельности, а часть — нет. При этом участие в гражданско-правовом обязательстве в том или ином качестве лиц, не наделенных предпринимательской правоспособностью, не исключает возможности применения норм об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности.

Следует подчеркнуть, что лица, наделенные предпринимательской правоспособностью, могут выступать участниками обязательства, направленного на удовлетворение личных, бытовых, семейных и иных подобных нужд. Неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязательств не дает оснований для применения норм об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности.

Таким же образом в силу вышеизложенного не могут быть квалифицированы по чч. 5-7 ст. 159 УК РФ случаи хищения

денежных средств, полученных в виде бюджетных субсидий на развитие предпринимательской деятельности (например, создание новых рабочих мест) при отсутствии у виновного намерения такую детальность осуществлять или иным образом исполнять условия договора о предоставлении бюджетной субсидии. В описанной выше ситуации между виновным и потерпевшим отсутствует гражданско-правовое обязательство, поэтому подлежит вменению общий состав мошенничества.

Существенное значение для квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности имеет признак субъекта преступления. Современное уголовное право основывается на принципе личной виновной ответственности, признавая субъектом только физических лиц. Еще до принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. N 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» признаки субъекта анализируемого преступления применительно к ст. 159.4 УК РФ были описаны в ч. 3 ст. 20 УПК РФ. В настоящее время названные законоположения воспроизведены в п. 7 отмеченного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В связи с этим к числу специальных субъектов мошенничества в сфере предпринимательской деятельности относятся индивидуальные предприниматели и члены органов управления (коллегиальных или единоличных) коммерческой организации.

Пробелы в законодательном регулировании очевидны. Во-первых, обращает на себя внимание то, что к числу субъектов не отнесены лица, осуществляющие представительство (в том числе коммерческое). Кроме того, в силу прямого указания п. 2 ст. 53 ГК РФ коммерческая организация (полное товарищество или товарищество на вере) может принимать на себя обязанности не только через свои органы, но и через своих участников. Наконец, хозяйственные общества на основании договора вправе передать осуществление полномочий своего единоличного

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 2. С. 9.

исполнительного органа управляющей организации или управляющему (ст. 42 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»*, ст. 69 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ «Об акционерных обществах»**). В описанных случаях, исходя из положения ч. 3 ст. 20 УПК РФ и п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. N 48*** ответственность должна наступать по общей норме о мошенничестве, что нельзя признать логичным. На наш взгляд, указанные выше лица также должны нести ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности.

Спорным в науке уголовного права является и вопрос об отнесении к числу субъектов рассматриваемого преступления лиц, которые фактически осуществляют предпринимательскую деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или фактически осуществляют полномочия по управлению коммерческой организацией без внесения соответствующих сведений в Единый государственный реестр юридических лиц. Как отмечено в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. N 34-П****, отсутствие государственной регистрации само по себе не означает, что деятельность гражданина не может быть квалифицирована в качестве предпринимательской, если по сво-

* Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 8 февр. 1998 г. N 14-ФЗ: ред. от 23 апр. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 7. Ст. 785.

** Об акционерных обществах: федер. закон от 26 дек. 1995 г. N 208-ФЗ: ред. от 23 апр. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 1. Ст. 1.

*** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. N 1. С. 12.

**** По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 27 дек. 2012 г. N 34-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 1. Ст. 78.

ей сути она фактически является таковой. Следует также напомнить, что указанные лица с учетом пунктов 6 и 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. N 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления»***** признаются субъектами налоговых преступлений. В связи с этим некоторые авторы относят лиц, осуществляющих деятельность, фактически отвечающую признакам предпринимательства, к числу субъектов анализируемого специального вида мошенничества [4, с. 43; 5, с. 97].

Однако представляется недопустимым, чтобы указанные лица получали преференции и подлежали ответственности по привилегированной уголовно-правовой норме. Как уже отмечалось, предпринимательская деятельность лица, с которой связано общественно опасное деяние, должна быть законной, что означает, в частности, соблюдение требований и к государственной регистрации. Как справедливо отмечает В.И. Тюнин, такими лицами осознается запрет осуществлять предпринимательскую деятельность без регистрации, должны осознаваться и неблагоприятные последствия (риски) такой деятельности в уголовно-правовом поле [6, с. 123].

Взаимосвязь с предпринимательской деятельностью проявляется не только в субъектном составе обязательства, но и в основании его возникновения между виновным и потерпевшим. Примечательно, что законодатель в анализируемой норме существенно ограничил круг оснований возникновения обязательств между субъектами предпринимательской деятельности по сравнению с указанными в п. 2 ст. 307 ГК РФ. Такое ограничение обусловлено специфическим механизмом причинения вреда потерпевшему, который отличает мошенничество от иных форм хищений. Как отмечено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»*****, мошенничество совершается путем обмана

***** Рос. газ. 2006. N 297.

***** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 2. С. 7.

или злоупотребления доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другим лицам либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом. Иначе говоря, при мошенничестве происходит воздействие на волю потерпевшего. В связи с этим законодатель при описании признаков общественно опасного деяния в ч. 5 ст. 159 УК РФ справедливо исключил из числа оснований возникновения обязательств в сфере предпринимательской деятельности те из них, в которых не выражена воля потерпевшего на возникновение и исполнение обязательства.

Воздействие на волю потерпевшего при мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности может заключаться как в сообщении заведомо ложных сведений о намерении исполнить договорное обязательство, так и в умолчании об отсутствии возможности его исполнить. При этом обман как способ совершения названного преступления может применяться по отношению как к самому потерпевшему, так и к иному лицу, которое уполномочено потерпевшим на заключение договора (например, при заключении договора на торгах в соответствии со ст. 447 ГК РФ или во исполнение договора поручения в соответствии с положениями главы 49 ГК РФ) или его исполнение (если действия такого лица считаются исполнением обязательств стороной договора).

Именно под воздействием обмана или злоупотребления доверием у соответствующего лица должна сформироваться воля на заключение договора или на его исполнение, то есть передачу виновному имущества либо прав на имущество. Соответственно, гражданско-правовое обязательство должно быть возмездным. Неисполнение или ненадлежащее исполнение безвозмездных сделок не дает оснований для применения норм о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности. Например, если лицо для целей получения имущества в дар сообщает заведомо ложную информацию о намерении использовать полученное от потерпевшего имущество в целях благотворительности, то содеянное образует общий состав мошенничества.

С учетом указанного в законе основания возникновения обязательства спорным является вопрос о том, образует ли состав анализируемого преступления преднамеренное неисполнение обязательств по договору, который имеет признаки недействительности или незаключенности. На этот счет применительно к составу ст. 159.4 УК РФ высказывались различные мнения. Некоторые авторы полагают, что обязательным признаком состава мошенничества в сфере предпринимательской деятельности является наличие заключенного договора, который должен отвечать всем требованиям, установленным гражданским законодательством [6, с. 123]. Однако такая позиция имеет существенный изъян. Дело в том, что с позиции гражданского законодательства сделка, совершенная под влиянием обмана, является недействительной (п. 2 ст. 179 ГК РФ), поскольку совершена с пороком воли. При этом согласно абз. 2 п. 2 ст. 179 ГК РФ обманом считается, в частности, намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота. Очевидно, что сообщение виновным заведомо ложных сведений о намерении предоставить встречное исполнение по договору, а равно умолчание об отсутствии у него возможности исполнить свои обязательства имеет существенное значение для принятия потерпевшим решения о совершении сделки и ее последующем исполнении и находится с таким решением в причинной связи (п. 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. N 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации»^{*}). Как справедливо указано Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 11 декабря 2014 г. N 32-П^{**}, гражданско-правовая сделка в данном случае служит только прикрытием хищения, являясь договором только с точки зрения формы.

^{*} Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. N 2. С. 121.

^{**} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 52 (ч. I). Ст. 7784.

Впрочем, обязательства из неосновательного обогащения также могут быть следствием воздействия на волю потерпевшего с использованием обмана. Так, виновный для целей получения чужого имущества или права на него может сообщить заведомо ложные сведения о наличии (заключении) договора как основания возникновения обязательства у потерпевшего, наличии у него полномочий на заключение договора или о наличии у него статуса кредитора по обязательству (обман в личности кредитора). На наш взгляд, в описанных случаях основания для квалификации содеянного по частям 5-7 ст. 159 УК РФ отсутствуют, и подлежат применению общие нормы об ответственности за мошенничество. Как справедливо отмечается в юридической литературе, заключение мошенником поддельных договоров не дает оснований для квалификации по рассматриваемой уголовно-правовой норме [4, с. 44].

Отмеченные выше признаки позволяют конкретизировать ту область, в которой действия лица в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть расценены либо как предпринимательский риск, либо как мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. При этом их ключевое отличие заключается в самом характере осуществляемого виновным лицом деяния. Нормы частей 5-7 ст. 159 УК РФ устанавливают ответственность за преднамеренное неисполнение договорных обязательств. Механизм преступного поведения заключается именно в том, что виновный получает от потерпевшего денежные средства, иное имущество или права на него, заведомо не намереваясь в свою очередь предоставлять равноценное встречное исполнение.

Преднамеренный характер неисполнения договорных обязательств характеризует субъективную сторону преступления и определяется моментом возникновения умысла на непредставление виновным встречного исполнения по договорному обязательству. Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. N 48*, умысел, направленный на хище-

ние чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, должен сформироваться у лица до получения чужого имущества или права на него. Именно указанное обстоятельство отличает мошенничество от предпринимательского риска, при котором обстоятельства, вследствие которых договорное обязательство не было исполнено, возникают после заключения договора и получения причитающегося лицу исполнения либо до заключения договора или получения исполнения при условии, что такие обстоятельства не известны лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность.

В свою очередь, при мошенничестве обстоятельства, в силу которых договорное обязательство не может быть исполнено, существуют уже на момент получения виновным исполнения от потерпевшего, и виновный осведомлен об их наличии. В таком случае нельзя вести речь о предпринимательском риске.

Следует отметить, что договором может быть предусмотрено исполнение обязательства по частям (ст. 311 ГК РФ). При этом у виновного уже после заключения и даже частичного исполнения договора может возникнуть умысел на хищение соответствующей части предоставленного другой стороной имущества. Не случайно в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. N 48** отмечается, что неисполнение договорных обязательств может быть как полным, так и частичным.

Изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что нормы об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности подлежат применению в том случае, если:

1) обязательство возникло в связи с реальным осуществлением виновным законной по своему содержанию предпринимательской деятельности и не направлено для удовлетворения личных, бытовых, семейных и иных подобных нужд;

2) указанное обязательство возникло из возмездного договора как двусторонней сделки, воля на совершение или исполнение (полное или частичное) которой

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 2. С. 9.

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. N 1. С. 12.

сформировалась у одной из ее сторон (потерпевшего от преступления) вследствие обмана или злоупотребления доверием со стороны виновного;

3) участниками (сторонами) договора выступают лица, наделенные в установленном законом порядке предпринимательской правоспособностью;

4) на основании указанного договора и в счет его исполнения потерпевший вследствие сообщения ему заведомо

ложных сведений о намерении виновного осуществить встречное исполнение либо умолчания об отсутствии возможности произвести такое встречное исполнение передает виновному имущество или право на имущество;

5) обстоятельства, в силу которых договорное обязательство не может быть исполнено виновным, заведомо для него существовали на момент получения от потерпевшего встречного исполнения.

Список литературы

1. Егорова Н.А. Новое в уголовном законодательстве о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 2016. N 12. С. 27-30.
2. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. N 6. С. 19-23.
3. Безверхов А.Г. Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. 2015. N 5. С. 8-14.
4. Есаков Г. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. N 3. С. 40-44.
5. Смирнов Г. Конституционный Суд прекратил действие нормы о «предпринимательском мошенничестве» // Уголовное право. 2015. N 5. С. 95-99.
6. Тюнин В.И. Некоторые вопросы толкования и применения норм о специальных видах мошенничества // Уголовное право. 2015. N 5. С. 116-126.

References

1. Egorova N.A. Novoe v ugovnom zakonodatel'stve o moshennichestve v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti [New criminal law on fraud in the sphere of entrepreneurial activities]. Rossiyskaya yustitsiya – Russian justice, 2016, no. 12, pp. 27-30.
2. Yani P.S. Spetsial'nye vidy moshennichestva [Special types of fraud]. Zakonnost' – Legality, 2015, no. 6, pp. 19-23.
3. Bezverhov A.G. Moshennichestvo i ego vidy: voprosy zakonodatel'noy reglamentatsii i kvalifikatsii [Fraud and Its Types: Issues of Legislative Regulation and Classification]. Uголовное право – Criminal law, 2015, no. 5, pp. 8-14.
4. Esakov G. Moshennichestvo v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti (st. 159.4 UK RF): problemy primeneniya normy [Fraud in the Sphere of Entrepreneurship (Article 1594 of the Criminal Code of the Russian Federation): Problems of Application of a Legal Provision]. Uголовное право – Criminal law, 2014, no. 3, pp. 40-44.
5. Smirnov G. Konstitutsionniy Sud prekratil deystvie normy o "predprinimatel'skom moshennichestve" [The Constitutional Court Terminated a Legal Provision on "Entrepreneurial Fraud"]. Uголовное право – Criminal law, 2015, no. 5, pp. 95-99.
6. Tyunin V.I. Nekotorye voprosy tolkovaniya i primeneniya norm o spetsial'nykh vidakh moshennichestva [Certain Issues of Interpretation and Application of Legal Rules on Special Types of Fraud]. Uголовное право – Criminal law, 2015, no. 5, pp. 116-126.

БАЙСАЛУЕВА Э.Ф.,
кандидат юридических наук,
baisalueva17@mail.ru
Кафедра административной деятельности
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

BAISALUEVA E.F.,
Candidate of Legal Sciences,
baisalueva17@mail.ru
Chair of administrative activities
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются некоторые проблемы квалификации фальсификации доказательств, рассмотрены признаки объективной стороны и предмет данного преступного деяния. В отечественном уголовном законодательстве отсутствует указание на способы фальсификации доказательств, это порождает определенные сложности при квалификации данных деяний. Деяние, предусмотренное статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, состоит в умышленном искажении фактических данных, имеющих доказательственное значение по конкретному делу и влияющих на законность и обоснованность при рассмотрении дела. Учитывая тот факт, что уничтожение и изъятие доказательств могут привести к тем же общественно опасным последствиям, что и подделка, подмена, искажение, а также отказ в приобщении к материалам уголовного дела, предлагается включить в диспозицию анализируемой статьи способы совершения деяния, которые не охватываются термином «фальсификация». В юридической литературе вопрос о предмете рассматриваемой нормы обычно остается без внимания, в то время как предмет преступления — доказательства — обязательный признак данного состава преступления. Признание впоследствии доказательства по делу недопустимым не влияет на квалификацию содеянного как оконченного преступления.

Ключевые слова: фальсификация доказательств; преступления против правосудия; уголовная ответственность; подозреваемый; обвиняемый; прокурор; следователь; дознаватель; административное правонарушение.

TOPICAL ISSUES OF THE QUALIFICATION OF FALSIFYING EVIDENCE AND RESULTS OF CRIME DETECTION ACTIVITIES

Annotation. Some problems of the qualification of falsifying evidence are analyzed in the article. The characteristics of the objective side and the subject of this criminal act are considered. There is no reference to the ways of falsifying evidence in domestic criminal legislation and this creates certain difficulties concerning the qualification of these acts. The act provided by article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, consists in the deliberate misrepresentation of factual data having evidentiary value in a particular case and affecting the legality and validity of the proceedings. Considering the fact that the destruction and seizure of evidence can lead to such socially dangerous consequences as forgery, substitution, distortion, as well as the refusal to attach it to the materials of the criminal case, it is proposed to include the ways of committing an act that are not covered by the term "falsification" in the legal rules of the analyzed article. The issues concerning the subject of the considered rule usually remain without attention in the legal literature, while the evidence, being the subject of crime, is an indispensable element of this crime. Recognizing the evidence as inadmissible afterwards does not affect the qualification of the offense as a completed crime.

Keywords: falsification of evidence; crimes against justice; criminal liability; suspect; accused; prosecutor; investigator; inquirer; administrative offense.

В главе 31 УК РФ объединены нормы, которые устанавливают уголовную ответственность за посягательства на интересы правосудия. В общей системе пре-

ступлений против правосудия преступление, предусмотренное 303 УК РФ, является одним из наиболее опасных. В основе каждого судебного решения лежат дока-

зательства, однако при фальсификации доказательств создаются предпосылки для вынесения неправоудного приговора, незаконного решения суда.

Необходимо отметить, что до 2017 г. административное судопроизводство под действие ст. 303 УК РФ не подпадало, что свидетельствовало о недостатке в правовом регулировании. Соответственно, фальсификация доказательств по делам, рассматриваемым в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, не находилась в сфере действия ст. 303 УК РФ. Аналогично ст. 303 УК РФ не предусматривала ответственность за фальсификацию доказательств при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Изложенное выше подтверждает пример из судебной практики. Арбитражный суд Московской области 20 января 2015 г. по делу N А41-64973/2014 рассмотрел заявление индивидуального предпринимателя У. о фальсификации доказательств – уведомления о вручении почтового отправления. При визуальном сопоставлении подписей в доверенности, в уведомлении о вручении почтового отправления судом установлено, что подпись существенно отличается от подписи на уведомлении о вручении почтового отправления. С учетом указанных обстоятельств арбитражный суд признал постановление административного органа, вынесенное в отношении предпринимателя У., незаконным и отменил его полностью*.

С целью устранения отмеченных пробелов в ч. 1 ст. 303 УК РФ внесены изменения, устанавливающие уголовную ответственность за фальсификацию доказательств по административному делу. Результатом фальсификации доказательств по делу об административном правонарушении является принятие решений, основанных на недопустимых доказательствах, незаконность которых ставит под сомнение законность и обоснованность такого решения, реализацию соответствующих

принципов производства по делу об административном правонарушении.

Для квалификации деяния по ст. 303 УК РФ достаточно факта подмены, при которой ложная информация выдается за подлинную. В то же время получение доказательства по делу с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства без подмены не образует состав анализируемого преступления. Рассматривая вопрос о фальсификации доказательств, необходимо учитывать основания, поводы, момент и стадии возбуждения дела.

Стадия возбуждения административного дела является началом привлечения виновного к административной ответственности и назначения ему административного наказания. Основанием всегда служит наличие события административного правонарушения (ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ).

Момент возбуждения дела об административном правонарушении в отличие от возбуждения уголовного дела не связан с вынесением конкретного процессуального документа, поскольку к их перечню в ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ отнесены все процессуальные документы, составляемые на первой стадии административного производства – возбуждении дела. Тем не менее непосредственное отношение к возбуждению дела имеют такие процессуальные документы, как постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, выносимое прокурором, и определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, которое выносится должностным лицом, имеющим право составить протокол об административном правонарушении. Круг должностных лиц, наделенных полномочиями составлять остальные процессуальные документы, возбуждать дело об административном производстве, определен КоАП РФ и иными нормативными правовыми актами, регламентирующими административно-юрисдикционные полномочия органов, перечисленных в ст. 28.3 КоАП РФ.

Из этого следует, что с данного момента возможна фальсификация и приобщение указанных доказательств к материалам административного дела.

* Судебная практика за 2015 г. // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/about/software/cons/sud_praktika/

Преступление необходимо считать оконченным с момента приобщения к материалам административного дела соответствующих доказательств, начиная со стадии возбуждения административного производства и до момента принятия решения по делу. Признание впоследствии доказательства по делу недопустимым не влияет на квалификацию содеянного как оконченного преступления. Целью преступного деяния может быть ограждение виновного от административной ответственности либо, наоборот, привлечение невинного к ответственности. Мотив — ложно понятые интересы службы, мнимая справедливость, корысть и т.д.

Объектом фальсификации выступают общественные отношения, обеспечивающие законное осуществление правосудия.

С объективной стороны преступление выражается в форме активных действий, которые заключаются в заранее обдуманном намерении фальсифицировать доказательства.

Уголовное законодательство Российской Федерации не указывает на способы фальсификации доказательств, и это порождает определенные сложности в вопросах квалификации данных деяний.

Полагаем, что действия могут выражаться во внесении ложных (искаженных) сведений в уже имеющиеся протоколы процессуальных действий, в документы, имеющие доказательственное значение по делу, а равно в изготовлении протоколов процессуальных действий, по которым они фактически не осуществлялись, и т.п.

Деяние, предусмотренное ст. 303 УК РФ, в целом состоит в умышленном искажении фактических данных, имеющих доказательственное значение по конкретному делу и влияющих на законность и обоснованность при рассмотрении. Иными словами, речь идет о противоправных манипуляциях с материальными носителями доказательственной информации по делу. К ним следует относить вещественные доказательства, например акты ревизий, накладную, доверенность, заключение эксперта, справку о наличии или отсутствии судимости, медицинскую справку, расписки и т.д.

Детальный анализ данной нормы показал, что диспозиция ст. 303 УК РФ не

включает в себя такие способы фальсификации, как уничтожение или изъятие доказательств, отказ должностного лица в приобщении к материалам дела имеющих доказательственное значение данных. Термином «фальсификация» охватывается только подделка и подмена доказательств.

По справедливому замечанию А. Чучаева и И. Дворянкова, уничтожение или изъятие доказательства ликвидируют его, а при фальсификации они остаются в деле, но только в искаженном виде. По мнению указанных авторов, такие деяния ввиду отсутствия специальной нормы следует квалифицировать по общей норме — ст. 285 УК РФ — как злоупотребление должностными полномочиями [1, с. 47].

Однако необходимо отметить, что в случае умышленного уничтожения или изъятия доказательств, при отказе должностного лица от приобщения к материалам дела доказательств, как и при фальсификации, прежде всего страдают интересы правосудия. Указанные действия одинаково образуют состав преступления против правосудия.

Учитывая тот факт, что уничтожение и изъятие доказательств могут привести к тем же общественно опасным последствиям, что и подделка, подмена, искажение, а также отказ в приобщении к материалам уголовного дела, представляется необходимым включить в диспозицию ст. 303 УК РФ способы, которые не охватываются термином «фальсификация».

Обязательным признаком деяний, квалифицируемых по чч. 2 или 3 ст. 303 УК РФ, является время их совершения — расследование уголовного дела [2, с. 12]. Если фальсификация произошла на стадии доследственной проверки, то подделка документов или иных материальных объектов, являющихся поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, не образует составов указанных преступлений. Кроме того, не влекут уголовной ответственности по рассматриваемой норме действия по фальсификации материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, а также документов, используемых при принятии решения об освобождении лица от уголовной ответственности на основании ст.ст. 75-78 УК РФ. Указание законодателя на рамки производства по

уголовному делу следует понимать буквально, без расширительного толкования. Ответственность применительно к указанным случаям, думается, должна наступать по ст.ст. 285, 292 УК РФ [3, с. 248].

Необходимо отметить, что в юридической литературе вопрос о предмете рассматриваемой нормы нередко остается без внимания. Между тем предмет преступления – доказательства, как представляется, – обязательный признак анализируемого состава.

Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). В качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Глава 26 КоАП РФ наряду с такими видами доказательств, как объяснения, экспертиза, вещественные доказательства, документы, показания специальных технических средств, выделяет источники доказательств, к которым относит все протоколы, составляемые при производстве (ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ).

Предметом ст. 303 УК РФ являются не все вышеперечисленные доказательства, а лишь те, носителями которых являются неодушевленные предметы [4, с. 477-478].

Возникает вопрос о возможности рассмотрения в качестве предмета преступления показаний участников производства. В соответствии с УПК РФ показания участников уголовного производства – это сведения, полученные во время допроса, проведенного в ходе предварительного следствия по уголовному делу. Согласно ст.ст. 166, 190 УПК РФ допрос представляет собой следственное действие, оформляемое протоколом.

Объяснения участников административного производства по делу об административном правонарушении представляют собой сведения, имеющие отношение к

делу. Объяснения отражаются в протоколе и приобщаются к материалам дела. Отсюда следует вывод о том, что протокол допроса и протокол объяснения – документы, имеющие доказательственное значение и являющиеся предметом рассматриваемого преступления.

В то же время информация, ставшая известной должностному лицу до возбуждения уголовного дела или административного производства, не является предметом преступления и не подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ.

На практике возможны случаи подделки документов, которые не являются доказательствами по делу. Данные действия должностного лица не подпадают под признаки преступления, предусматривающего уголовную ответственность за фальсификацию доказательств. К таким документам можно отнести протокол о принятии залога от залогодателя, постановление о приводе и т.п. Полагаем, что эти действия можно квалифицировать по ст. 292 или ст. 327 УК РФ.

Таким образом, установление предмета преступления необходимо для привлечения лица к ответственности по ст. 303 УК РФ, так как предмет является обязательным признаком состава преступления и входит в основание уголовной ответственности. При этом, если фальсифицированные доказательства по делу не приняты судом или не исследованы по тем или иным причинам, они неизменно образуют состав преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ.

Состав преступления является формальным. Преступление считается оконченным с момента приобщения к гражданскому, административному или уголовному делу в качестве вещественных доказательств либо внесения изменения в уже приобщенные к делу доказательства вне зависимости от того, удалось ли субъекту преступления с помощью сфальсифицированных (ложных) доказательств добиться желаемого результата, принятия незаконного решения, вынесения неправоудного приговора. Исключение составляет норма, закрепленная в ч. 3 ст. 303 УК РФ, предусматривающая фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие послед-

ствия, которая является материальным составом. В юридической литературе отмечается, что «состав квалифицированного вида налицо лишь тогда, когда имеется причинная связь между фальсификацией доказательств и наступившими тяжкими последствиями» [1, с. 40]. Наступление таких последствий возможно как по уголовному, гражданскому, так и по административному делу.

Форма вины по отношению к этим последствиям может быть выражена как умыслом, так и неосторожностью. Понятие тяжких последствий является оценочным признаком, так как законодателем не определено. Данный признак устанавливается индивидуально по каждому делу. К таким последствиям можно отнести осуждение лица к лишению свободы, исключительной мере наказания, суицид незаконно осужденного, его близких и т.п.

А.С. Горелик и Л.В. Лобанова к тяжким последствиям относят также результаты фальсификации, которые свидетельствуют о невыполнении задач правосудия: осуждение невиновного, назначение чрезмерно сурового наказания, уход от ответственности лица, виновного в совершении преступления, и др. [5, с. 226].

Объективная сторона деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, не определена временными рамками и не требует наличия возбужденного уголовного дела. Предметом являются результаты оперативно-розыскных мероприятий, выступающих поводом для возбуждения уголовного дела. Согласно Федеральному закону от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»* (далее — ФЗ «Об ОРД») они могут повлечь уголовное преследование и выступать в последующем доказательствами по уголовным делам, использоваться для причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации. Законодатель не связывает момент окончания преступления с легализацией самих результатов оперативно-розыскных мероприятий. Можно говорить о том, что законодатель сформулировал самостоя-

тельный состав преступления — фальсификацию результатов оперативно-розыскных мероприятий, существенно отличающийся от фальсификации доказательств.

Например, в законе отсутствует определение понятия «результаты оперативно-розыскных мероприятий». В ФЗ «Об ОРД» определен лишь порядок их использования (ст. 11). Возникает вопрос об определении «заведомой непричастности» к совершению преступления; момента окончания такого вида фальсификации, особенно в части преследования цели причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации. Наступление же тяжких последствий, предусмотренных ч. 3 ст. 303 УК РФ, на данный вид фальсификации не распространяется, хотя он также может привести к незаконному осуждению лица и другим указанным выше последствиям. Такие последствия находятся за рамками анализируемого состава и могут быть квалифицированы по совокупности, если содержатся признаки другого преступления.

Решая вопрос о возможности вменения ч. 4 ст. 303 УК РФ, правоприменитель должен исходить из понятия оперативно-розыскной деятельности как вида деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то ФЗ «Об ОРД», в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Как представляется, к результатам оперативно-розыскной деятельности следует относить документы, предметы, справки, различного рода информацию и т.п., полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в ст. 6 ФЗ «Об ОРД», которые могут производиться только по основаниям, перечисленным в ч. 1 ст. 7 указанного закона. Соответственно, фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности, которая проводилась по иным основаниям, должна квалифицироваться как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Субъект фальсификации всегда специальный — должностное лицо, наделен-

* Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349.

ное соответствующими полномочиями, либо иное лицо, обладающее конкретным процессуальным статусом (лицо, участвующее в деле, его представитель и др.). Норма в данной части носит бланкетный характер, для уяснения процессуального статуса субъекта преступления необходимо обращаться к соответствующему процессуальному законодательству. При этом процессуальный статус должен подтверждаться процессуальными либо иными документами, предоставленными в установленном порядке.

Фальсификация доказательств лицом, не относящимся к числу указанных в норме, при определенных обстоятельствах и условиях может быть квалифицирована как соучастие в фальсификации доказательств. Согласно ч. 4 ст. 303 УК РФ субъектом преступления являются лица, уполномоченные на проведение оперативно-розыскных мероприятий. В качестве таковых могут выступать должностные лица оперативных подразделений органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, должностные лица федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны, таможенных органов Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний. В то же время иные лица, участвующие в оперативно-розыскных мероприятиях, субъектами анализируемого преступления являться не могут. К иным лицам следует отнести негласных сотрудников. Они могут нести ответствен-

ность лишь за соучастие в преступлении. Кроме того, не могут являться субъектами данного преступления также частные детективы и частные охранники, хотя их профессиональная деятельность по внешним признакам часто имеет сходство с оперативно-розыскной деятельностью.

Например, 17 декабря 2007 г. Судебная коллегия по уголовным делам Тюменского областного суда рассмотрела уголовное дело, возбужденное в отношении дознавателя К. по ч. 3 ст. 303 УК РФ. В ходе расследования установлено, что К. умышленно, осознавая, что фальсифицирует доказательства, собственноручно составила протокол следственного действия – предъявление для опознания вещей, в который внесла заведомо ложные сведения, не соответствующие действительности. Кроме того, осознавая, что она фальсифицирует доказательства, собственноручно составила расписку от имени потерпевшей Д. о получении вещей от дознавателя К.

Вина К. была полностью доказана материалами уголовного дела. К. приговорили к 3 годам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью в правоохранительных органах, связанной с оперативно-следственной работой, сроком на 2 года*.

Следует отметить высокую латентность рассматриваемого деяния. В то же время на примере Тюменской области (см. таблицу) показана положительная динамика по количеству зарегистрированных уголовных дел, возбужденных по ст. 303 УК РФ в течение пяти лет.

Таблица

Статистическая информация о количестве зарегистрированных в Тюменской области уголовных дел по ст. 303 УК РФ (2013–2017 гг.)**

Год	Количество зарегистрированных уголовных дел	Из них направлено в суд с обвинительным заключением	Выявлено лиц, совершивших преступления
2013	4	1	1
2014	6	3	5
2015	13	9	11
2016	7	6	5
2017	13	4	10

* Уголовное дело N 112007 // Архив суда Калининского АО г. Тюмени.

** Статистическая информация по Тюменской области (без автономных округов): предоставлена УМВД России по Тюменской области на основании запроса от 14 марта 2018 г.

В результате анализа ст. 303 УК РФ выявлена необходимость скорректировать ее наименование. По нашему мнению, она может быть названа «Подделка, уничтожение или изъятие доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, диспозицию ч. 2 ст. 303 УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Подделка или уничтожение доказательств по уголовному делу дознавателем, следователем, прокурором либо их

изъятие из уголовного дела, а равно отказ дознавателя, следователя или прокурора в приобщении к уголовному делу документов или иных предметов, имеющих доказательственное значение, —».

Действия защитника представляется необходимым квалифицировать по ст. 325 или ст. 327 УК РФ, поскольку он не является ни должностным лицом, ни лицом, осуществляющим предварительное расследование.

Список литературы

1. Чучаев А., Дворянсков И. Фальсификация доказательств // Уголовное право. 2001. N 2. С. 45-49.
2. ЩигOLEV Ю.В. Ответственность за фальсификацию доказательств // Правоведение. 1998. N 1. С. 11-14.
3. Байсалуева Э.Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование: квалификация, ответственность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08: защищена 05.10.2005. Тюмень, 2005. 221 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. М., 1996. 592 с.
5. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с.

References

1. Chuchayev A., Dvoryanskov I. Fal'sifikatsiya dokazatel'stv [Falsification of evidence]. Uголовное право – Criminal law, 2001, no. 2, pp. 45-49.
2. Shchigolev Yu.V. Otvetstvennost' za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv [Responsibility for the falsification of evidence]. Pravovedenie – Jurisprudence, 1998, no. 1, pp. 11-14.
3. Baysalueva E.F. Prestupleniya protiv pravosudiya, sovershaemye litsami, osushchestvlyayushchimi predvaritel'noe rassledovanie: kvalifikatsiya, otvetstvennost'. Kand. Diss. [Crimes against justice committed by persons conducting preliminary investigation: qualification, responsibility. Cand. Diss.]. Tyumen, 2005. 221 p.
4. Kommentariy k Uголовnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Osobennaya chast' [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. The special part]. Moscow, 1996. 592 p.
5. Gorelik A.S., Lobanova L.V. Prestupleniya protiv pravosudiya [Crimes against justice]. St. Petersburg, Yurid. centr Press Publ., 2005. 491 p.

ТЫДЫКОВА Н.В., TYDYKOVA N.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
academnauka@rambler.ru, associate professor,
academnauka@rambler.ru
Кафедра уголовного права и криминологии; Chair of criminal law and criminology;
Алтайский государственный университет, Altai State University,
656049, г. Барнаул, Sotsialisticheskyy Ave. 68, Barnaul, 656049,
просп. Социалистический, 68 Russian Federation

О ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ 16-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

Аннотация. Статья посвящена проблеме дифференциации уголовной ответственности за ненасильственные действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших 16 лет. Ее целью является исследование обоснованности закрепления признаков таких преступлений в разных составах. Продемонстрированы проблемы толкования терминов, используемых в статьях 134 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации. Выдвигаемые теоретические положения подкрепляются примерами из судебной практики. Практическое значение исследования состоит в том, что предложен новый подход к дифференциации уголовной ответственности за ненасильственные действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших 16 лет, в зависимости от их общественной опасности. Автор доказывает, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации, должна содержать все действия сексуального характера, связанные с проникновением в тело. К объективной стороне развратных действий предлагается относить действия сексуального характера, не связанные с проникновением в тело. Критикуются иные подходы, предлагаемые в литературе по уголовному праву. Обоснована необходимость отказа от некоторых терминов, используемых для определения признаков половых преступлений, в пользу других.

Ключевые слова: развратные действия; половая неприкосновенность; ненасильственные действия сексуального характера; дифференциация уголовной ответственности; объективная сторона преступления; квалификация преступлений.

ON THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR NON-VIOLENT CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOLABILITY OF PERSONS UNDER THE AGE OF 16

Annotation. The article is devoted to the problem of differentiation of criminal liability for non-violent sexual offences against persons under the age of 16. The purpose of the article is to investigate the validity of fixing the elements of such crimes in different corpora delicti. The problems connected with interpretation of the terms used in Articles 134 and 135 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The proposed theoretical provisions are supported by the examples from judicial practice. The practical significance of the study is that a new approach to the differentiation of criminal liability for non-violent sexual offences against persons under the age of 16 is suggested, depending on their public danger. The author proves that the objective side of the crime provided by Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation must contain all acts of a sexual nature involving penetration. It is proposed to refer the contacts of a sexual nature not involving penetration to the objective side of the indecent assault. The other approaches contained in the scientific literature devoted to criminal law are criticized. The author substantiates the need to abandon some of the terms used to define the elements of sex crimes in favour of others.

Keywords: indecent assault; sexual inviolability; non-violent sexual offences; differentiation of criminal liability; objective side of the crime; qualification of crimes.

Уголовный кодекс Российской Федерации в главе 18 предусматривает пять составов преступлений, посягающих на половую свободу и неприкосновенность личности, два из которых закрепляют составы ненасильственных посягательств на половую неприкосновенность лиц, не достигших 16-летнего возраста: половое сно-

шение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134); развратные действия (ст. 135).

От составов, предусмотренных ст.ст. 131, 132, 133 УК РФ, составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 134 и 135 УК РФ, отличаются прежде всего (помимо других признаков) отсутствием насилия, угрозы его применения, использования беспомощного состояния и понуждающих действий.

Разграничение ненасильственных составов между собой представляет сложность, прежде всего по причине неудачного закрепления признаков действий сексуального характера, совершаемых в рамках этих составов. Для разграничения указанных составов преступлений необходимо определить действия сексуального характера, которые используются в диспозициях статей. Это также позволит предложить более логичный и удобный для правоприменения способ их закрепления в законе.

В целях отграничения состава развратных действий от состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, необходимо определить круг действий, которые являются развратными и подлежат квалификации по ст. 135 УК РФ.

Статья 134 УК РФ в чч. 1 и 2 предусматривает ответственность за половое сношение, лесбиянство и мужеложство. Статья 135 УК РФ устанавливает ответственность за развратные действия, не конкретизируя их содержание. В пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» отмечается, что к развратным действиям относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Развратными могут признаваться и такие

действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей*.

Данное разъяснение весьма логично, так как половое сношение, мужеложство и лесбиянство являются признаками объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, однако дает слабое представление о содержании развратных действий. Настоящее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации не содержит понятия полового сношения, лесбиянства и мужеложства. Разъяснения, данные Верховным Судом Российской Федерации в действовавшем ранее постановлении Пленума от 15 июня 2004 г. N 11, также не вносили ясность в данный вопрос. Так, под половым сношением понималось совершение полового акта мужчиной и женщиной, под мужеложством — сексуальные контакты между мужчинами, под лесбиянством — сексуальные контакты между женщинами, под иными действиями сексуального характера — удовлетворение половой потребности другими способами, включая понуждение женщиной мужчины к совершению полового акта путем применения насилия или угрозы его применения**.

Таким образом, ни в предыдущем, ни в действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации нет четких определений понятий данных составов.

Понятие «половое сношение» в теории уголовного права и правоприменительной практике устоялось как акт, совершаемый исключительно в естественной форме. В медицине используется сходное

* О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 дек. 2014 г. N 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. N 2.

** О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. N 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 8.

с ним понятие «нормативный гетеросексуальный коитус» [1, с. 196], под которым понимаются движения полового члена во влагалище [2]. При квалификации преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности половое сношение понимается так же [3, с. 48-49].

Понятия «мужеложство» и «лесбиянство» до сих пор вызывают споры как в юридической, так и в медицинской литературе. Кроме того, понятиями полового сношения, мужеложства и лесбиянства не охватываются все возможные формы половой активности людей и, соответственно, формы посягательств на половую неприкосновенность, нормальное нравственное и половое развитие лиц, не достигших 16 лет.

В статье 132 УК РФ эту проблему разрешает использование термина «иные действия сексуального характера», к которым, исходя из толкования диспозиции данной статьи и ст. 131 УК РФ, относятся все формы половой активности, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства. Примечательно, что этот термин фигурирует в наименовании ст. 134 УК РФ, однако в диспозиции статьи он не используется, в связи с этим наименование статьи охватывает более широкий круг действий, чем ее диспозиция. Из приведенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации определений также остается не ясным, какие конкретно сексуальные контакты между мужчинами и между женщинами относятся к лесбиянству и мужеложству, а какие относятся к категории иных действий сексуального характера. Необходимость этого связана с тем, что все действия, относящиеся к мужеложству и лесбиянству, подпадают под действие ст. 134 УК РФ, а иные, по остаточному принципу, — ст. 135 УК РФ.

В медицинской и юридической литературе отсутствует единообразие в определении данных понятий. При определении мужеложства чаще всего подчеркивается неперемное наличие анального коитуса, то есть полового сношения мужчины с женщиной с введением полового члена в анальное отверстие партнера [4, с. 19; 5, с. 76; 6, с. 12]. Именно по такому пути идет правопримени-

тельная практика*. В литературе выделяются различные виды гомосексуальных контактов между мужчинами: аногенитальные контакты — совершаются путем проникновения полового члена в прямую кишку; анально-пальцевые контакты — совершаются путем проникновения в прямую кишку пальцев рук, кисти руки; фаллоимитирующие — путем проникновения в аноректальную область предметов, имитирующих половой член, или иных твердых предметов (бутылка, палка); орогенитальные (фелляция) — введение полового члена в полость рта потерпевшего или помещение полового члена потерпевшего в рот [7, с. 10].

Это свидетельствует о том, что мужеложство — лишь одно из проявлений мужского гомосексуализма. К сожалению, в настоящее время отсутствует официальный источник, разъясняющий, подпадают ли под понятие мужеложства акты между мужчинами, связанные с проникновением в прямую кишку предметов или частей тела, не являющихся половым членом, связанные с введением полового члена в ротовую полость, и манипуляции с половым членом, совершаемые руками или другими частями тела.

Однако этот вопрос является важным при квалификации преступлений, совершенных мужчиной, достигшим 18 лет, в отношении ребенка мужского пола, не достигшего 16 лет: в соответствии со статьей 134 или 135 УК РФ. Хотя такую практику нельзя назвать распространенной, однако имеются примеры, когда суды при решении данного вопроса исходят из вышеизложенной медико-теоретической концепции узкого понимания мужеложства. В частности, С. совершал мастурбацию при не достигшем 16 лет В., заставлял мастурбировать В., на что тот соглашался. Суд квалифицировал содеянное С. как развратные действия**. Кроме вопроса квали-

* См., например: Приговор Прилузского районного суда Республики Коми от 8 окт. 2010 г.; Приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 3 июня 2011 г.; Постановление Промышленного районного суда г. Оренбурга от 3 июня 2013 г. URL: <https://rospravosudie.com/>

** Приговор Починковского районного суда Нижегородской области от 14 июля 2010 г. URL: <https://rospravosudie.com/>

фикации преступлений, это имеет значение и для назначения наказания, которое по санкции ст. 134 УК РФ является более строгим. Кроме того, в ряде случаев необходимо решать вопрос о наличии или отсутствии совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 134 и 135 УК РФ, что также имеет существенное значение для назначения наказания.

Аналогично не решена проблема с определением термина «лесбиянство». Под ним в литературе понимается такой способ удовлетворения полового влечения между лицами женского пола, когда участвует половой орган хотя бы одной из партнерш [8, с. 22]. В медицинской литературе выделяются следующие виды женских гомосексуальных контактов: ороегнитальные — манипуляции губами и языком на гениталиях; мануальные контакты — манипуляции руками на гениталиях; фаллозамещающие манипуляции — имитация полового акта при помощи различных приспособлений (искусственный половой член, резиновая игрушка, иной твердый предмет) [9, с. 41-43].

Из вышеприведенных медицинских определений следует, что понимание лесбиянства включает в себя практически все возможные формы сексуальной активности между женщинами, а не ограничивается только теми, которые имитируют естественный половой акт с проникновением в естественные полости женского тела. При таком подходе практически все действия женщины, достигшей 18 лет, совершенные с ребенком женского пола, не достигшим 16 лет, следует квалифицировать по ст. 134, а не по ст. 135 УК РФ. В качестве деяния, не подпадающего под признаки лесбиянства, можно назвать, пожалуй, только обнажение половых органов потерпевшей или демонстрацию половых органов виновной. Однако официально определение данного понятия также отсутствует, поэтому такой вывод является предположительным. Вместе с тем вызывает вопрос подход, согласно которому все действия сексуального характера между женщинами (указанного в законе возраста) подпадают под действие ст. 134 УК РФ с более строгой санкцией, а аналогичные действия между мужчинами (также указанного в законе возраста) — под действие ст. 135 УК РФ с более мягкой санкцией.

Что касается гетеросексуальных контактов, то все варианты, кроме естественного полового сношения, относятся к объективной стороне развратных действий. Это означает, что в качестве развратных действий должны квалифицироваться все сексуальные проникновения в анальное отверстие, ротовую полость, манипуляции в области половых органов руками или другими частями тела и т.п. Такая позиция вызывает ряд вопросов. В первую очередь, насколько вышеперечисленные гетеросексуальные действия несут меньший заряд общественной опасности в случае их совершения с лицами, не достигшими 16-летнего возраста, чем, например, аналогичные гомосексуальные действия между женщинами или не связанные с анальным коитусом действия между мужчинами?

Представляется, что более обоснованным вариантом был бы отказ от использования терминов «мужеложство» и «лесбиянство» в пользу термина «гомосексуальные действия», который подразумевает как сексуальные действия между мужчинами, так и сексуальные действия между женщинами.

Однако его использование в диспозициях ст.ст. 134 и 135 УК РФ не имеет особой целесообразности, так как позволяет решить вопрос об их разграничении в действующей редакции статей. В то же время необходимо решение вопроса о закреплении их признаков и дифференциации ответственности с учетом общественной опасности действий, совершаемых в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста. В литературе соответствующей тематики на данное обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание и были предложены различные варианты.

Например, предлагается в рамках ст. 134 УК РФ закрепить «контактные» действия сексуального характера и дифференцировать ответственность в зависимости от того, имело ли место проникновение в тело или нет, а в рамках ст. 135 УК РФ предусмотреть ответственность за «бесконтактные» посягательства в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, направленные на удовлетворение сексуальной потребности (виновного, потерпевшего или третьего лица) или

на возбуждение у потерпевшего интереса к сексуальным действиям [10, с. 10-12].

Думается, что такое предложение не в полной мере соответствует требованиям дифференциации уголовной ответственности в зависимости от общественной опасности содеянного, а кроме того, влечет иные терминологические проблемы для правоприменения в случае его реализации. Например, виновный подстрекает к действиям сексуального характера лиц, не достигших 16-летнего возраста, между собой или предлагает какое-либо приспособление (например, фаллоимитатор, вибратор, манекен и т.п.) для того, чтобы с его использованием лицо, не достигшее 16-летнего возраста, совершило действия сексуального характера, а далее наблюдает за процессом для собственного сексуального удовлетворения или возбуждения. В данном случае сексуальный контакт между виновным и потерпевшим отсутствует, тем не менее потерпевший становится участником «контактного» действия сексуального характера, что по общественной опасности не будет отличаться от состава, предусмотренного ст. 134 УК РФ. Кроме того, такое предложение влечет ряд терминологических вопросов. Например, содержание понятий «контактный» и «бесконтактный» способы. Следует предположить, что это означает отсутствие или наличие контакта тела виновного с телом потерпевшего. Однако в этом случае возникает вопрос о визуальном, вербальном и аудиальном контактах. Если и их отнести к контактными действиями, тогда возникают сложности с приведением бесконтактных способов. В случае отнесения их к контактными способам термин «контактный» должен быть конкретизирован дополнительными признаками. Также остается неясным, должна ли в данном случае идти речь только о контакте или его отсутствии с виновным, или он возможен с третьим лицом. Допускается ли отнесение к бесконтактным развратным действиям действий, влекущих совершение действия сексуального характера с проникновением в тело потерпевшего?

Представляется целесообразным в рамках ст. 134 УК РФ закрепить всех действий сексуального характера, совершаемых с проникновением в полости тела

человека. К объективной стороне развратных действий следует отнести все действия сексуального характера, совершаемые без проникновения в полость тела человека. При этом не следует конкретизировать, чем именно (половым членом, иным органом человека, предметом и т.п.), как не имеющим значения для квалификации. Не должно иметь значение, в полость тела виновного или тела потерпевшего имеет место проникновение. Такой подход был бы обоснован с позиции закрепления в составах с разной санкцией действий, обладающих неодинаковой общественной опасностью. Действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших 16 лет, не связанные с проникновением в полость тела, несут меньшую общественную опасность, чем действия, сопряженные с проникновением, так как потенциально не могут повлечь таких последствий, как беременность, разрыв сфинктера, влагалища, девственной плевы, существует меньшая вероятность заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией, отсутствует сексуальное проникновение, которое может стать дополнительным болевым или психотравмирующим фактором для потерпевшего.

Использование термина «действия сексуального характера» позволит отказаться от терминов с неясным содержанием «мужеложство», «лесбиянство» и «развратные действия». Кроме того, учитывая, что предлагаемый термин включает в себя все возможные действия сексуального характера, отсутствует необходимость их перечисления или выделения в группы, что ввиду их многообразия сделать крайне сложно. Кроме того, это избавит и Верховный Суд Российской Федерации от необходимости толкования медицинских терминов в постановлении Пленума.

В научной литературе имеются подобные предложения. Например, М. Изотова и Ю. Островецкая под развратными действиями предлагают понимать ненасиленные действия сексуального характера, направленные на возбуждение или удовлетворение половой потребности виновного или других лиц либо способные вызвать у потерпевшего (потерпевшей) сексуальное любопытство или сексуальное возбуждение, не связанное с непосредственным сексуальным контактом

(проникновением) с потерпевшим (потерпевшей). К развратным действиям, следовательно, не относятся половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, связанные с непосредственным сексуальным контактом с потерпевшим (потерпевшей), в том числе сопряженным с проникновением в его естественные полости [11, с. 15-21].

В зависимости от того, имело ли место сексуальное проникновение или нет, в литературе предлагается дифференцировать ответственность и за насильственные половые преступления, предусмотренные ст.ст. 131 и 132 УК РФ [3, с. 63-65]. Применение предлагаемого подхода к закреплению признаков насильственных и ненасильственных преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности дает возможность выстроить логичную и непротиворечивую систему преступлений, посягающих на указанные общественные отношения.

Обращение к законодательству зарубежных стран показывает, что такой подход практикуется. Например, в Уголовном кодексе Испании дифференцируется уголовная ответственность за целый ряд преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности в зависи-

мости от того, имело ли место проникновение в тело или введение в него какого-либо предмета.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Действующие редакции составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 134 и 135 УК РФ, включают признаки, содержание которых не имеет ни официального, ни устойчивого доктринального определения, ввиду этого квалификация по ним представляется затруднительной.

2. При закреплении признаков данных составов не учитывается принцип одинаковой общественной опасности закрепляемых деяний в рамках одного состава преступления.

3. Данные обстоятельства позволяют предложить иной подход к закреплению признаков исследованных составов и, соответственно, к их разграничению, нежели использует действующий УК РФ.

4. В рамках ст. 134 УК РФ было бы целесообразно закрепить все действия сексуального характера, совершаемые с проникновением в полости тела человека. К объективной стороне развратных действий следовало бы отнести все действия сексуального характера, совершаемые без проникновения в полость тела человека.

Список литературы

1. Общая сексопатология: руководство для врачей / под ред. Г.С. Васильченко. М., 2005. 576 с.
2. Словарь медицинских терминов. URL: <http://lib.ru> (дата обращения: 2 нояб. 2017 г.).
3. Тыдыкова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений. М., 2013. 192 с.
4. Изотов Н.Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 26 с.
5. Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. 468 с.
6. Цэнгэл С.Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 21 с.
7. Конева М.А. Особенности квалификации насильственных действий сексуального характера, совершаемых гомосексуальными девиантами // Следователь. 2002. N 5. С. 10-14.
8. Андреева Л.А. Квалификация изнасилований. СПб., 1999. 56 с.
9. Конева М.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика насильственных действий сексуального характера при гетеросексуальных и гомосексуальных контактах: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 1999. 188 с.
10. Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 227 с.
11. Изотова М., Островская Ю. Проблемы применения законодательства об ответственности за насильственные сексуальные посягательства на несовершеннолетних // Уголовное право. 2013. N 4. С. 15-21.

References

1. Obshchaya seksopatologiya: rukovodstvo dlya vrachey [General sexopathology: a guide for doctors]. Moscow, 2005. 576 p.

2. Slovar' meditsinskih terminov [Dictionary of medical terms]. Available at: <http://lib.ru> (Accessed November 2, 2017).
3. Tydykova N.V. Ugolovno-pravovaya karakteristika i voprosy kvalifikatsii nasil'stvennykh polovyykh prestupleniy [Criminally-legal characteristic and questions of qualification of violent sexual crimes]. Moscow, 2013. 192 p.
4. Izotov N.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za nasil'stvennye deystviya seksual'nogo haraktera. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal liability for violent acts of a sexual nature. Autoabstract Cand. Diss.]. Stavropol, 2000. 26 p.
5. Kurs ugolovnogo prava. T. 3. Osobennaya chast' [The course of criminal law. Volume 3. The special part]. Moscow, 2002. 468 p.
6. Tsengel S.D. Kvalifikatsiya nasil'stvennykh deystviy seksual'nogo haraktera (st. 132 UK RF). Avtoref. Kand. Diss. [Qualification of violent acts of a sexual nature (Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation). Autoabstract Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2004. 21 p.
7. Koneva M.A. Osobennosti kvalifikatsii nasil'stvennykh deystviy seksual'nogo haraktera, sovershaemykh gomoseksual'nymi deviantami [Features of the qualification of violent acts of a sexual nature committed by homosexual deviants]. Sledovatel' – Investigator, 2002, no. 5, pp. 10-14.
8. Andreeva L.A. Kvalifikatsiya iznasilovaniy [Qualification of rape]. St. Petersburg, 1999. 56 p.
9. Koneva M.A. Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya karakteristika nasil'stvennykh deystviy seksual'nogo haraktera pri geteroseksual'nykh i gomoseksual'nykh kontaktakh. Kand. Diss. [Criminally-legal and kriminologicheskaja the characteristic of violent actions of sexual character at heterosexual and homosexual contacts. Cand. Diss.]. Stavropol, 1999. 188 p.
10. Bimbinov A.A. Nenasil'stvennye polovye prestupleniya. Kand. Diss. [Nonviolent sexual crimes. Cand. Diss.]. Moscow, 2015. 227 p.
11. Izotova M., Ostrovetskaya Yu. Problemy primeneniya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nenasil'stvennye seksual'nye posyagatel'stva na nesovershennoletnih [Problems of application of legislation on liability for non-violent sexual assault on minors]. Ugolovnoe pravo – Criminal Law, 2013, no. 4, pp. 15-21.

Раздел 5. Криминологическая наука

БРАЖНИКОВ Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
dbrazh@mail.ru
Всероссийский научно-исследовательский
институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
123995, г. Москва, ул. Поварская, 25

BRAZHNIKOV D.A.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
dbrazh@mail.ru
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Povarskaya St. 25, Moscow,
123995, Russian Federation

КОБЕЦ П.Н.,
доктор юридических наук, профессор;
pkobets37@rambler.ru
Центр организационного обеспечения
научной деятельности;
Всероссийский научно-исследовательский
институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
123995, г. Москва, ул. Поварская, 25

KOBETS P.N.,
Doctor of Legal Sciences,
professor,
pkobets37@rambler.ru
Center for organizational support
of scientific activities;
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Povarskaya St. 25, Moscow,
123995, Russian Federation

ЖЕНСКАЯ РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. Женская рецидивная преступность конца второго десятилетия XXI века характеризуется как сложный, изменчивый феномен, оказывающий негативное воздействие на общество в целом и на отдельные его институты, и прежде всего семью. Женской рецидивной преступности присущи черты, обусловленные профессиональными особенностями деятельности, ролью женщины в современных общественных отношениях. Авторы статьи приходят к выводу о том, что проблематика предупреждения женской рецидивной преступности не теряет своей актуальности. Ежегодно в Российской Федерации из исправительных учреждений освобождаются тысячи женщин, и профилактика правонарушений, прежде всего системное устранение причин и условий, способствующих рецидиву женской преступности, является одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел. Обосновывается значимость совершенствования взаимодействия территориальных органов ФСИН России и МВД России, в частности, в форме совместных контрольных мероприятий; посещения осужденных без изоляции от общества женщин по месту жительства, работы, обучения; обмена информацией о выявленных фактах совершения ими правонарушений, неисполнения возложенных судом обязанностей или ограничений, а также совместных рейдов по выявлению лиц, скрывшихся от контроля инспекций.

Ключевые слова: женская преступность; рецидивная преступность; предупреждение преступности; меры профилактики; органы внутренних дел.

WOMEN'S RECIDIVISM: SOME ISSUES OF ITS PREVENTION BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. Women's recidivism at the end of the second decade of the twenty-first century is characterized as a complex, variable phenomenon that has a negative impact on society as a whole and its individual institutions, especially the family. Female recidivism has the features determined by the peculiarities of professional activities and women's role in modern social relations. The authors of the article come to the conclusion that the problem of preventing women's recidivism does not lose its relevance. Every year, thousands of women are released from correctional institutions in the Russian Federation, and the prevention of offences, especially systematic elimination of the causes and

conditions that contribute to female recidivism, is one of the priorities in the activities of law enforcement agencies. The authors substantiate the importance of improving the interaction of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia, in particular, in the form of joint control activities; visiting women who were convicted without isolation from the society at the place of their residence, work, training; exchange of information about the revealed facts of committing offences by these women, failure to perform the duties or restrictions imposed on them by the court, as well as joint raids to identify those who escaped the inspection control.

Keywords: female crime; recidivism; crime prevention; preventive measures; internal affairs bodies.

Поступательное развитие Российской Федерации характеризуется сложными социально-экономическими и политическими процессами, проблемными ситуациями, которые тесно связаны с различными общественными явлениями, в том числе с таким негативным феноменом, как преступность. С 2013 по 2017 г. количество лиц, совершивших преступления, уменьшилось с 1 012 563 до 967 103 человек (-4,5 %). Вместе с тем, несмотря на общую положительную динамику сокращения преступности, уровень рецидивной преступности на протяжении последних трех лет остается высоким. Одной из значимых качественных характеристик рассматриваемого периода выступает рецидивоопасность преступности. В 2014 г. впервые за историю изучения преступности повторные деяния в общей структуре составили более половины всех преступлений – 50,7 %, в 2015 г. – 51,8 %, в 2016 г. – 54,0 %, в 2017 г. – уже 56,0 % [1, с. 7].

Анализ динамики количества лиц женского пола, выявленных за совершение преступлений в 2013-2017 гг., дает основание утверждать о том, что в 2017 г. зафиксирован один из самых высоких показателей рецидива преступлений, совершенных женщинами, – 39,7 % (+8,7 %). Анализ статистических данных ГИАЦ МВД России о преступлениях и лицах, их совершивших, на территории Российской Федерации в целом и ее федеральных округов, а также о потерпевших от противоправных посягательств за период с 2013 по 2017 г. свидетельствует о неблагоприятной тенденции, которая обуславливает увеличение количества лиц, отличающихся устойчивыми антиобщественными взглядами, низким морально-этическим уровнем, социально-педагогической запущенностью, деформацией представлений о допустимых формах поведения, высокой тревожностью и эмоциональной возбудимостью, демонстративными реакциями в поведении.

О необходимости изучения личностных особенностей женщин-преступниц, характера преступных проявлений лиц женского пола и проблематики противодействия рецидиву преступности женщин утверждают многочисленные не только отечественные, но и зарубежные исследователи – криминологи, социологи, психологи. Вопросам предупреждения женского рецидива в своих работах большое внимание уделяли Ю.М. Антонян, М.Н. Гернет, А.В. Ильин, В.А. Лелеков и Т.В. Урусова, С.Ф. Милюков, Н.А. Цветкова, А.И. Шилов и другие ученые.

Тем не менее, вне зависимости от высокой теоретической и практической значимости ранее проведенных научных изысканий женской преступности, в настоящее время существует потребность отдельного исследования личностных изменений преступников женского пола, а также характера самой женской преступности, и прежде всего женской рецидивной преступности.

Пожалуй, первым, кто обратил внимание на то, что существует взаимосвязь роста социальной активности женщин и их преступного поведения, был М.Н. Гернет. Он полагал, что по мере приближения образа жизни женщины к мужскому происходит изменение уровня ее преступности в сторону роста [2, с. 254]. Большинство советских ученых-правоведов также утверждали о том, что женская преступность различается с мужской преступностью не только своей масштабностью и тенденциями, но и уровнем последствий и сферой, в которой эти преступления совершаются, а также выполняемой в связи с этим ролью женщины [3, с. 409].

Многие отечественные исследователи также указывали на то, что, анализируя мужскую и женскую преступность, следует учитывать особенности женской психологии, потому что преступницы-женщины, в отличие от преступников-мужчин, облада-

ют совершенно другими манерами поведения, образом мыслей и представлениями о жизни [4, с. 54]. В настоящее время большинство ученых, представляющих разнообразные научные отрасли и области познания, аналогично обращают внимание на обязательность исследования особенностей половой принадлежности лиц при анализе разнообразных социальных явлений, и в первую очередь преступных проявлений.

Исследуя особенности преступности лиц женского пола в начале 1900-х гг., М.Н. Гернет пришел к следующему умозаключению: в структуре преступности женщин начала прошлого века преобладали кражи и убийства. Аналогичные преступления являются приоритетными и среди сегодняшних преступниц [5, с. 65].

Общеизвестно, что количественная характеристика различных преступлений не в полной мере и недостаточно объективно отражает реальную картину происходящего, она только позволяет обозначить существующие границы отдельных преступлений в массиве всей преступности. При этом охарактеризовать общественную опасность преступности возможно на основе анализа качественных показателей, определяющих характер изучаемой формы преступных проявлений. В связи с этим акцент при исследовании преступности лиц женского пола следует сделать не на количественных, а на качественных характеристиках рассматриваемого феномена.

Особый интерес к феномену современного женского рецидива объясняется особым местом женщины в системе общественных отношений, особой ролью женщины, которую она выполняет в обществе.

Оценка качественной характеристики рецидива преступлений, совершаемых лицами женского пола в Российской Федерации, дает возможность определить ее особенности и правильно рассчитать характер и степень уровня общественной опасности рассматриваемых деяний.

Прежде всего, необходимо уточнить, что подразумевается под женской преступностью. По мнению большинства отечественных ученых, это составная часть всей преступности, включающая в себя совокупность отдельных преступлений, которые совершаются женщинами, достигшими возраста уголовной ответственности, на определенной территории и за определенный период времени [6, с. 53].

Важнейшим статистическим показателем, который характеризует преступность женщин, традиционно считается общее количество лиц женского пола, которые совершили преступления в определенный промежуток времени и на определенной территории. В связи с этим авторами проведен сравнительный анализ данных статистической отчетности за пять лет о женщинах, которые совершили преступления, с данными общего объема всех лиц, совершивших преступления с 2013 по 2017 г. на территории Российской Федерации*.

Анализ показал, что общие закономерности количества женщин-преступниц схожи с закономерностями изменений, происходящих с выявленными преступниками в целом, тем не менее динамичность развития женской преступности гораздо подвижнее (см. табл. 1). Масштабы женской преступности всегда были значительно меньше показателей мужской преступности. Таким образом, эти закономерности сохраняются и сегодня. В настоящее время обозначилась тенденция небольшого роста женской преступной активности с одновременным ростом выявленных лиц женского пола, совершающих тяжкие преступления. На этом фоне отмечается темп прироста преступников женского пола.

* Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>

Таблица 1

**Характеристика тенденций и динамики женской преступности
в Российской Федерации в 2013–2017 гг.**

Год	Всего выявлено лиц, совершивших преступления	Темп прироста (снижения), %	Удельный вес в общем количестве выявленных лиц, %	Выявлено женщин, совершивших преступления	Темп прироста (снижения), %	Удельный вес в общем количестве выявленных лиц, %
2013	1 012 563	0,2	100	156 268	1,2	15,4%
2014	1 006 003	-1,2	100	158 156	0,8	15,7
2015	1 075 333	6,3	100	172 178	8,2	16,0
2016	1 015 875	-5,5	100	148 026	-14,0	14,6
2017	967 103	-4,8	100	146 916	-0,7	15,2

В связи с тем, что в начале – середине 90-х гг. XX в. удельный вес выявленных лиц женского пола, совершивших преступления, составлял около 12,4 % от общего количества выявленных преступников, вызывает озабоченность обозначившаяся тенденция, связанная с ростом удельного веса женщин в общей структуре преступности*. А нарастание и дальнейший всплеск рецидивной преступности только будут способствовать усилению отрицательного воздействия на уровень общественной опасности преступных проявлений, криминального профессионализма преступников и организованных форм преступности.

В целях создания социального портрета женщины-преступницы проведем анализ данных официальной статистики лиц, совершивших преступления с 2013 по 2017 г. на территории Российской Федерации**. Весьма интересными могут быть данные, связанные со структурой совокупности женщин, нарушивших уголовный закон.

Образовательный уровень лиц женского пола, совершивших преступления за исследуемый период, следующий (см. табл. 2).

Таблица 2

**Образовательный уровень лиц женского пола, совершивших
преступления в Российской Федерации в 2013–2017 гг.**

Год	Уровень образования женщин (всего лиц и в процентном соотношении)							
	Высшее профессиональное		Среднее профессиональное		Среднее (полное) общее		Начальное и основное общее	
2013	16 647	11,0 %	42 271	28,0 %	32 326	21,4 %	59 358	39,4 %
2014	17 127	11,2 %	44 920	29,4 %	31 146	20,4 %	59 235	38,8 %
2015	20 569	12,3 %	50 295	30,2 %	33 191	19,9 %	62 315	37,4 %
2016	19 017	13,3 %	45 576	31,8 %	26 736	18,7 %	51 609	36,1 %
2017	18 560	13,0 %	46 762	32,9 %	26 626	18,7 %	49 909	35,1 %

* Преступность и правонарушения. 1994. Статистический сборник. М., 1995. С. 27.

** Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/social_portrait

Как показывает проведенное исследование, на протяжении всего изучаемого периода большинство выявленных женщин-преступниц имели начальное и основное общее образование (37,3 %), средним профессиональным образованием обладало 30,4 %, средним (полным) общим – 19,8 %; меньше всего было привлечено к уголовной ответственности лиц женского пола с высшим профессиональным образованием (12,1 %). Важно отметить, что на протяжении всего исследуемого периода происходило снижение количества выявленных лиц женского пола с начальным и

основным общим образованием, с 39,4 % в 2013 г. до 35,1 % в 2017 г., и со средним (полным) общим образованием, с 21,4 % в 2013 г. до 18,7 % в 2017 г. В то же время происходило увеличение количества установленных лиц со средним профессиональным образованием, с 28,0 % в 2013 г. до 32,9 % в 2017 г., и с высшим профессиональным образованием, с 11,0 % в 2013 г. до 13,0 % в 2017 г.

Далее важно рассмотреть принадлежность к гражданству у выявленных женщин-преступниц (см. табл. 3).

Таблица 3

Принадлежность к гражданству лиц женского пола, совершивших преступления в Российской Федерации в 2013–2017 гг.

Год	Принадлежность к гражданству женщин (всего лиц и в процентном соотношении)			
	Граждане России		Граждане других государств и лица без гражданства	
2013	152 209	97,4 %	4055	2,6 %
2014	153 981	97,3 %	4172	2,7 %
2015	167 564	97,3 %	4616	2,7 %
2016	144 138	97,3 %	3891	2,7 %
2017	143 505	97,7 %	3412	2,3 %

Большинство выявленных лиц женского пола, совершивших преступления за исследуемый период, являлись гражданами Российской Федерации (в среднем немногим более 97 %), и около 3 % составляли граждане других государств и лица без гражданства. Примечательно, что на

протяжении всего исследуемого периода указанное соотношение оставалось практически без изменения.

Далее обратимся к характеристике выявленных женщин-преступниц по возрастному признаку (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение лиц женского пола, совершивших преступления в Российской Федерации в 2013–2017 гг., в зависимости от возраста

Год	14-15 лет		16-17 лет		18-24 лет		25-29 лет		30-49 лет		50 лет и старше	
	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%
2013	2563	1,6 %	4136	2,6 %	16 159	16,7 %	27 776	17,7 %	76 859	49,2 %	18 738	11,9 %
2014	2191	1,4 %	3752	2,3 %	24 618	15,6 %	27 809	17,6 %	80 347	50,1 %	19 439	12,1 %
2015	2428	1,4 %	4291	2,5 %	24 649	14,3 %	29 604	17,1 %	88 979	51,6 %	22 227	12,9 %
2016	2031	1,4 %	3538	2,4 %	20 508	13,8 %	25 176	17,0 %	76 504	51,7 %	20 269	13,7 %
2017	1650	1,1 %	2518	1,7 %	18 083	12,3 %	23 389	15,9 %	80 391	54,7 %	20 855	14,2 %

Согласно проведенному исследованию, на протяжении всего анализируемого периода больше всего привлекалось к уголовной ответственности женщин в возрасте 30-49 лет, в среднем 51,4 %. На втором месте возрастная группа 25-29 лет (17,0 %), на третьем – от 18 до 24 лет (14,5 %). За ней следует возрастная группа 50 лет и старше (12,9 %). Меньше всего совершается преступлений лицами в возрасте 16-17 лет (2,3 %) и 14-15 лет (1,4 %). При этом важно отметить, что на протяжении всего исследуемого периода происходил рост количе-

ства выявленных лиц в возрастных группах 30-49 лет (с 49,2 % в 2013 г. до 54,7 % в 2017 г.) и 50 лет и старше (с 11,9 % в 2013 г. до 14,2 % в 2017 г.), а также снижение выявленных лиц в возрастных группах 25-29 лет (с 17,7 % в 2013 г. до 15,9 % в 2017 г.), от 18 до 24 лет (с 16,7 % в 2013 г. до 12,3 % в 2017 г.), 16-17 лет (с 2,6 % в 2013 г. до 1,7 % в 2017 г.) и 14-15 лет (с 1,6 % в 2013 г. до 1,1 % в 2017 г.).

В заключение обратимся к анализу социального состава выявленных лиц женского пола (см. табл. 5).

Таблица 5

**Социальный состав лиц женского пола, совершивших преступления
в Российской Федерации в 2013–2017 гг.**

Социальный состав женщин (всего лиц и в процентном соотношении):	2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	Наемные работники	27 008	17,5 %	28 352	18,3 %	31 251	18,9 %	28 019	20,3 %	27 177
Служащие	8988	5,8 %	8020	5,1 %	7866	4,8 %	6976	5,0 %	6554	4,8 %
Работники сельского хозяйства	390	0,2 %	351	0,2 %	367	0,2 %	308	0,2 %	305	0,2 %
Предприниматели без образования юридического лица	2011	1,3 %	1861	1,2 %	2161	1,3 %	2052	1,5 %	1939	1,4 %
Работники органов государственной власти	871	0,5 %	910	0,6 %	669	0,4 %	866	0,6 %	767	0,5 %
Учащиеся и студенты	7195	4,7 %	6674	4,3 %	7348	4,4 %	6281	4,6 %	4865	3,6 %
Лица без постоянного источника доходов	101 631	65,9 %	102 841	66,4 %	111 017	67,4 %	91 616	66,6 %	93 002	68,4 %
В том числе безработные	5919	3,8 %	5407	3,4 %	3573	2,1 %	987	0,7 %	803	0,6 %
Мигранты	294	0,2 %	398	0,2 %	538	0,3 %	419	0,3 %	515	0,3 %

Проведенное исследование показало, что на протяжении анализируемого периода больше всего было привлечено к уголовной ответственности женщин из числа лиц без постоянного источника дохода, в среднем 66,9 %. На втором месте наем-

ные работники (18,9 %). За ними следует группа служащих (5,1 %), далее – учащиеся и студенты (4,3 %), затем безработные (2,2 %) и предприниматели без образования юридического лица (1,3 %). Менее одного процента составили представители

работников органов государственной власти (0,5 %), мигранты (0,3 %), работники сельского хозяйства (0,2 %). На протяжении всего исследуемого периода процентное соотношение рассматриваемой категории лиц практически не менялось.

Таким образом, на основании исследования результатов анализа статистической отчетности возможно представить следующий обобщенный криминологический портрет женщин-преступниц. В основном это граждане Российской Федерации (97,0 %), относящиеся к возрастной группе 30-49 лет (51,4 %) и 25-29 лет (17,0 %), имеющие начальное и основное общее образование (37,3 %) или среднее профессиональное образование (30,4 %), без постоянного источника дохода (66,9 %).

В настоящее время вопросы трудоустройства женщин стоят гораздо острее, чем лиц мужского пола. Например, согласно данным Росстата, среди безработных (по методологии МОТ) доля женщин в декабре 2017 г. составила 46,8 %, средняя продолжительность поиска работы безработными женщинами достигает 7,7 месяца, у мужчин – 7,3 месяца. В то же время безработица в значительной степени является застойной, поскольку из 1,4 млн безработных сельских жителей 37,6 % искали работу 12 месяцев и более, из 2,5 млн безработных городских жителей – 24,3 %. Более 50 % безработных женщин принадлежит к возрастной группе 30-49 лет, т.е. наиболее криминогенно активному возрасту. У лиц женского пола криминогенные качества выражены больше, чем у рецидивистов-мужчин (алкоголизация, многократность судимостей, утрата социально полезных связей, бездомность, нравственная деградация). В период экономического кризиса и действия международных санкций, роста потребительских цен на товары и услуги, увеличения просроченной задолженности по заработной плате, прекаризации занятости, психологического неприятия женщины в качестве работника, высокого прожиточного уровня, при соответствующих нравственно-психологических характеристиках преступниц и других негативных обстоятельствах прогноз преступности женщин неблагоприятен.

Обозначенные обстоятельства будут способствовать рецидиву преступности,

а также алкоголизации и наркотизации, дальнейшему снижению количества работающих и увеличению количества женщин без постоянного источника дохода, возникновению эмоционально насыщенных психологических состояний, приводящих к отчаянию, агрессии, раздражительности, конфликтности, жестокости и т.п., что обусловит увеличение доли женщин в структуре лиц, выявленных за совершение преступлений.

В ряде исследований отмечается, что современной преступности женщин в Российской Федерации присущ ряд особенностей: активно происходят процессы феминизации преступности, увеличивается латентность женской преступности, около 56 % преступлений совершается женщинами на почве семейных бытовых конфликтов [7, с. 25]. Женская преступность молодеет, приобретает организованный характер, более 40 % рассматриваемых преступлений совершается группой лиц, более 87 % краж, совершаемых с незаконным проникновением в жилище с женским участием, совершается в группах с мужчинами, среди квартирных воров более 12 % составляют женщины, происходит рост тяжких насильственных преступлений, рецидивов [8, с. 246]. Увеличивается доля преступных проявлений с участием женщин против безопасности государства, различные организации террористов занимаются активной вербовкой женщин для исполнения террористических атак [9, с. 28]. Происходит рост преступных проявлений, которые выражаются в убийстве матерью новорожденного ребенка. Доля подобных преступлений в общей совокупности преступлений, совершаемых женщинами, составляет более 5 %. Происходит активное вовлечение в преступную деятельность несовершеннолетних. Растет доля тяжелой преступности с женским участием [10, с. 15].

Исследование женщин, совершивших повторное преступление и находящихся в местах лишения свободы, дает основание утверждать, что после освобождения из исправительных учреждений ФСИН России, отбыв наказание за первую судимость, большая их часть (67,8 %) столкнулась с проблемой трудоустройства. Социальный статус этих женщин намного

ухудшился и осложнился, у них возникли новые проблемы.

Опираясь на социально-психологическую концепцию причинности преступности, важно указать на то, что социально значимой деформацией рецидивного поведения лиц женского пола служит деформация нравственной, правовой и семейной психологии. Большинство женских рецидивных преступлений было совершено из корыстных побуждений. В связи с этим, по всей вероятности, основными факторами проявления противоправного поведения рассматриваемых лиц являются нарушения в экономическом сознании. Формирующими условиями выступают возникшие разногласия, которые сложились в социальной и экономической сферах государства (рост безработицы, инфляции, социального расслоения и др.). Соответственно, в понимании большинства лиц женского пола, которые были осуждены повторно, преобладает мотивация физического выживания. Для них характерны конфликтность и деморализация, семейно-бытовые ссоры [11, с. 25].

Одна из современных характерных особенностей рецидива женской преступности в Российской Федерации — рост криминальной активности женщин, ранее совершивших преступления. В связи с этим необходимо отметить, что не был достигнут упреждающий замысел примененного за совершение преступления наказания. Проведенный анализ дает основание утверждать, что среди повторно осужденных женщин преобладали лица в возрастном диапазоне 31-36 лет, которые имели средний уровень образования, были разведены, их семьи распались быстрее, чем у лиц, которые были осуждены первый раз. Повторно осужденные лица женского пола чаще, чем женщины, осужденные впервые, страдают алкоголизмом, наркоманией, больны туберкулезом. Рассматриваемая категория — женщины-рецидивистки осуждены за различные преступления, чаще всего корыстные и насильственные.

Система специально-криминологических мер противодействия женскому рецидиву должна опираться в первую очередь на меры профилактики, которые смогли бы в достаточной степени обеспечить социальную адаптацию женщин, ос-

вобожденных из мест лишения свободы. Но, как показывает практика, предполагаемые меры являются недостаточными и порой малоэффективными [12, с. 41].

Исследование, проведенное М.В. Карпушиной, свидетельствует о том, что одной из основных особенностей женского рецидива является узкая специализация [13]. Так, 46,3 % преступлений совершается женщинами-рецидивистками в экономической сфере, 29,2 % — против личности, 22,9 % — против общественной безопасности и общественного порядка. Среди преступлений, совершенных лицами рассматриваемой категории, преобладают тяжкие (43,1 %) и особо тяжкие (24,8 %) преступления. 7 % убийств совершено женщинами с применением огнестрельного оружия, 28 % — с применением холодного оружия, 50 % — с использованием предметов в качестве оружия. М.В. Карпушиной были отмечены типичные мужские приемы и способы совершения преступлений, которые получают распространение у женщин-рецидивисток, а именно: взлом окон, выбивание дверей, вскрытие замка во время совершения 25 % хищений. Ею отмечается профессионализм у 60 % женщин-рецидивисток, которые специализировались на совершении краж. Также отмечается преобладание специального рецидива (66,7 %). Прослеживается устойчивая причинно-следственная связь между женской рецидивной преступностью и преступностью несовершеннолетних, а именно: 40 % преступных проявлений несовершеннолетних объясняются негативным воздействием на них родителей.

Кроме того, существует прямо пропорциональная зависимость от алкоголизации, наркотизации и психических аномалий: 40 % женщин-рецидивисток совершили преступления, находясь в состоянии опьянения, и 25 % имели различные психические отклонения. По мнению исследователя, отличительным свойством личности рецидивисток является низкий интеллектуальный потенциал. Большинство из них (70 %) игнорируют целенаправленное содержание и воспитание своих детей и отказываются от них сразу после осуждения. Им присущ низкий уровень коммуникативных (9,2 %) и познавательных (12 %) умений. Для них характерна

низкая степень поддержания социально полезных связей: 75 % рассматриваемых лиц отказывались от права на свидание, 93,3 % – на отпуск [13, с. 3-4].

Таким образом, несмотря на то, что современная рецидивная преступность лиц женского пола имеет меньший удельный вес в общей структуре общеуголовной преступности, она обладает собственными особенностями, которые обусловлены рядом факторов – от исторических и геополитических до социально-экономических, правовых и демографических. Неадекватная степень подготовки лиц женского пола к жизненным трудностям после освобождения из мест лишения свободы служит для них препятствием к успешному преодолению всех трудностей по ресоциализации.

Российская Федерация, будучи не только правовым, но и социальным государством, должна содействовать возвращению к нормальной жизни лиц женского пола, отбывших наказание за совершенные преступления. В соответствии с частью II Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одной из важнейших ее задач является снижение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы. Статья 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» также определяет предупреждение преступлений как важнейшее направление деятельности указанного органа исполнительной власти [14, с. 52].

Президент Российской Федерации В.В. Путин в 2017 г. на коллегии МВД России отметил, что превентивного воздействия требуют прежде всего те, кто ранее вступал в конфликт с законом. По данным статистики, ими совершается более половины всех преступных деяний, включая тяжкие и особо тяжкие. Им также обращено внимание, что превентивные возможности правоохранительных органов в данной сфере не столь велики. Он отметил: «...общеизвестно, что лучшим, наиболее эффективным средством профилактики рецидива является ресоциализация – возврат отбывшего наказание к нормальной жизни в обществе, возможность стать ее полноправным членом. Эту задачу силами

одной лишь полиции решить невозможно. Ее можно решить, консолидируя усилия как федеральных, так и региональных органов власти, включая материальные и финансовые ресурсы» [15].

В деятельности органов внутренних дел по предупреждению женской рецидивной преступности одно из центральных мест занимает работа по осуществлению общей и индивидуальной профилактики. Основная нагрузка по индивидуальной профилактике приходится на участковых уполномоченных полиции. Совместно с учреждениями ФСИН России полиция также участвует в пределах своей компетенции в осуществлении контроля за поведением осужденных за совершение преступлений лиц женского пола, которым назначены наказания, не связанные с лишением свободы, или наказания в виде лишения свободы условно.

Основу повышения эффективности предупреждения рецидивной преступности лиц женского пола, находящихся на контроле органов внутренних дел, составляют нормативные правовые акты. К основным из них относятся федеральные законы от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», от 6 апреля 2011 г. N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации; приказы МВД России от 31 декабря 2012 г. N 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции», от 8 июля 2011 г. N 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», от 17 января 2006 г. N 19 (ред. от 28 ноября 2017 г.) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» и многие другие акты федеральных органов исполнительной власти.

Однако, несмотря на имеющуюся базу нормативных правовых актов, нацеленных на предупреждение рецидива преступлений, уровень женской рецидивной преступности остается высоким. Это обу-

словливает необходимость принятия соответствующих дополнительных мер по оптимизации предупредительной работы.

В качестве одного из основных недостатков предупреждения женской рецидивной преступности может выступать несогласованность действий не только правоохранительных органов и общественных формирований, но и правоохранительных органов между собой, и особенно низкий уровень межрегионального взаимодействия. В результате профилактическая деятельность может носить формальный характер, силы и средства предупреждения преступлений используются не в комплексе, а фрагментарно; недооценивается эффективность в предупреждении преступлений борьбы с «фоновыми» явлениями преступности — алкоголизмом, наркоманией, проституцией, бродяжничеством.

Несвоевременное реагирование на совершенные преступления, упущения оперативно-розыскной профилактики; нарушение процессуальной обязанности всестороннего и полного выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений, слабое взаимодействие с населением по вопросам профилактики, в том числе виктимологической, и т.д. могут способствовать совершению рецидивных преступлений женщинами вообще и в период производства следствия по делу о предыдущем преступлении.

Практика профилактической деятельности органов внутренних дел по предупреждению совершения рецидивных преступлений ранее судимыми лицами женского пола свидетельствует об эффективности введенного института административного надзора как способа осуществления индивидуального контроля за поведением граждан этой категории. Соответствующий инструментарий в этой области определен Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», позволившем качественно изменить функционирование государственно-правового механизма осуществления постпенитенциарного контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в отношении которых установлены отдельные ограничения прав и свобод.

Однако не следует забывать о том, что объектом административного надзора являются не все лица женского пола, освобожденные из мест лишения свободы, а лишь наиболее опасные из них, в частности рецидивистки. И речь здесь идет не только о профилактике и предупреждении преступной деятельности этих лиц, но и об ограничении их влияния на других членов общества по месту жительства, работы и т.д. Ограничения в передвижении, обязанность находиться дома в определенное время суток и регулярная явка в орган внутренних дел несколько раз в месяц в современных условиях не могут в полной мере предупредить или серьезно ограничить возможную противоправную деятельность указанных лиц. Так, преступление может быть совершено в любое время суток, например днем. При этом ограничение, связанное с запретом покидать ночью жилище, нарушаться не будет. Кроме того, поднадзорное лицо может выступать в роли организатора, то есть руководить преступной деятельностью дистанционно, непосредственно не участвуя в совершении преступлений и формально не нарушая режим административного надзора.

Все это указывает на необходимость осуществления в рамках административного надзора тщательного контроля за поведением поднадзорных лиц женского пола, позволяющего отслеживать их контакты, своевременно выявлять возможные преступные намерения. Выполнить это в полной мере представляется возможным только с помощью специальных методов и средств, которыми располагает оперативно-розыскная деятельность.

Основываясь на опыте осуществления административного надзора, МВД России проделан большой объем работы, направленной на совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей данное направление служебной деятельности. Так, Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. N 514-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» статья 314.1 УК РФ дополнена частью второй, устанавливающей ответственность за неоднократное несоблюдение поднадзорным лицом административных ограничений, сопряженное с

совершением административного правонарушения против порядка управления либо посягающего на общественный порядок и общественную безопасность или на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

Одним из возможных путей решения проблемы, связанной с предупреждением рецидива лиц женского пола, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, является дальнейшее совершенствование взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел. Наиболее эффективными формами практического взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России и территориальных органов МВД России являются следующие: проведение совместных контрольных мероприятий; посещение осужденных без изоляции от общества женщин по месту жительства, работы, обучения; информационный обмен о выявленных фактах совершения ими правонарушений, неисполнения возложенных судом обязанностей или ограничений, а также совместные рейды по выявлению лиц женского пола, скрывшихся от контроля инспекций. В связи с этим весьма актуальной представляется организация на основе анализа преступности среди лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, совместных оперативно-профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступлений и административных правонарушений со стороны лиц данной категории.

Эффективность профилактического воздействия органов внутренних дел во

многом обусловлена и своевременностью возбуждения уголовных дел по фактам совершения преступлений. Исходя из этого, полагаем необходимым усиление контроля в этой части со стороны руководителей следственных органов и подразделений дознания.

Международный опыт предупреждения рецидива женской преступности показывает, что главным основанием для применения соответствующих упредительных мер является характер поведения осужденной во время отбывания наказания и лица, освобожденного от его дальнейшего отбывания. Все другие признаки (характер совершенного преступления и др.) по отношению к поведению являются второстепенными.

С точки зрения имплементации зарубежного опыта в российское законодательство и практику предупреждения рецидива женской преступности заслуживают внимания следующие моменты: наличие службы пробации в качестве самостоятельного ведомства, основное назначение которого – недопущение лицом, совершившим преступление, совершения нового преступления (Германия, Финляндия и др.); установление профилактического наблюдения за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (Республика Беларусь); наличие фонда постпенитенциарной помощи, аккумулирующего средства, полученные за счет отчислений из заработной платы осужденных, отбывающих наказание; применение электронного контроля за лицами, которые, судя по их поведению, склонны к совершению новых преступлений (Англия, Канада, США, Швеция, Австрия, Норвегия и др.).

Список литературы

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития. Аналитический обзор / ВНИИ МВД России; Ю.М. Антонян [и др.]. М., 2018. 64 с.
2. Гернет М.Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. Избранные произведения. М.: Юрид. лит., 1974. 257 с.
3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999. 512 с.
4. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 517 с.
5. Волкова А.С. Теория и практика борьбы с преступностью // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. N 1. С. 62-68.
6. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Изд-во МГУ, 1994.
7. Кунц Е.В. Преступность среди женщин в современной России. М.: Юрлитинформ, 2009. 264 с.

8. Современная девиантология: методология, теория, практика: монография / под ред. Ю.А. Клейберга и Kwami S. Dartey. London: UK Academy of Education, 2016. С. 245-274.
9. Степанян Ш.У. Современная женская преступность в России и пути ее предупреждения // Российский следователь. 2011. N 8. С. 27-33.
10. Лелеков В.А., Урусова Т.В. О предупреждении женской преступности мерами общесоциальной профилактики // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. N 2. С. 12-17.
11. Парижская Е.Н. Состояние женской преступности в Российской Федерации на современном этапе // Гуманитарные и социальные науки. 2014. N 2. С. 25-27.
12. Шилов А.И., Карпушина М.В. Социально-демографическая характеристика осужденных женщин, совершивших преступления после отбытия наказания (при рецидиве) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. N 4. С. 40-42.
13. Карпушина М.В. Рецидивная преступность женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 222 с.
14. Мониторинг общественного мнения как способ оценки деятельности российской полиции / А.П. Алексеева [и др.] // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. N 4 (35). С. 50-57.
15. Выступление В.В. Путина на коллегии МВД России 9 марта 2017 г. // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20 июля 2018 г.).

References

1. Antonyan Yu.M. [i dr.]. Kompleksniy analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii i raschetnye varianty ee razvitiya. Analiticheskiy obzor [A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and the design options for its development. Analytical review]. Moscow, 2018. 64 p.
2. Gernet M.N. Prestuplenie i bor'ba s nim v svyazi s evolyutsiei obshchestva. Izbrannye proizvedeniya [Crime and the fight against it in connection with the evolution of society. Selected works]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 257 p.
3. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, Yurist Publ., 1999. 512 p.
4. Avanesov G.A. Kriminologiya i sotsial'naya profilaktika [Criminology and social prevention]. Moscow, Academy of the Ministry of the Interior of the USSR, 1980. 517 p.
5. Volkova A.S. Teoriya i praktika bor'by s prestupnost'yu [Theory and practice of combating crime]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 1, pp. 62-68.
6. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1994.
7. Kunts E.V. Prestupnost' sredi zhenshchin v sovremennoy Rossii [Crime among women in modern Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 264 p.
8. Sovremennaya deviantologiya: metodologiya, teoriya, praktika [Modern deviantology: methodology, theory, practice]. London, UK Academy of Education, 2016. Pp. 245-274.
9. Stepanyan Sh.U. Sovremennaya zhenskaya prestupnost' v Rossii i puti ee preduprezhdeniya [Modern women's crime in Russia and the ways of its prevention]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator, 2011, no. 8, pp. 27-33.
10. Lelekov V.A., Urusova T.V. O preduprezhdenii zhenskoy prestupnosti merami obshchesotsial'noy profilaktiki [About the prevention of female crime by measures of general social prevention]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014, no. 2, pp. 12-17.
11. Parizhskaya E.N. Sostoyanie zhenskoy prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape [The state of female crime in the Russian Federation at the present stage]. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Humanities and Social Sciences, 2014, no. 2, pp. 25-27.
12. Shilov A.I., Karpushina M.V. Sotsial'no-demograficheskaya harakteristika osuzhdennykh zhenshchin, sovershivshih prestupleniya posle otbytiya nakazaniya (pri retsidive) [Socio-demographic characteristics of convicted women who committed crimes after serving their sentence (with relapse)]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh – Psychopedagogics in Law Enforcement, 2011, no. 4, pp. 40-42.
13. Karpushina M.V. Retsidivnaya prestupnost' zhenshchin, osvobodivshihsy iz mest lisheniya svobody, i ee preduprezhdenie. Kand. Diss. [Recurrent criminality of women released from places of deprivation of liberty, and its warning. Cand. Diss.]. Ryazan, 2013. 222 p.
14. Alekseeva A.P. [i dr.]. Monitoring obshchestvennogo mneniya kak sposob otsenki deyatel'nosti rossiyskoy politsii [Monitoring of public opinion as a way of assessing the activities of the Russian police]. Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 4 (35), pp. 50-57.
15. Vystuplenie V.V. Putina na kollegii MVD Rossii 9 marta 2017 g. [Speech by V.V. Putin at the collegium of the Russian Interior Ministry on March 9, 2017]. Prezident Rossii: ofitsial'niy sayt [President of Russia: the official website]. Available at: <http://www.kremlin.ru> (Accessed July 20, 2018).

Раздел 6. Правоохранительная политика

ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Dmitri8@yandex.ru Департамент магистратуры; Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14	LIPINSKY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Dmitri8@yandex.ru Magistrates Department; Tolyatti State University, Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445020, Russian Federation
---	--

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКЦИЯХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ САНКЦИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ*

Аннотация. Санкции уголовно-правовых норм относятся к наиболее динамично изменяющимся структурным элементам уголовного законодательства. Альтернативная санкция — одно из правовых средств индивидуализации уголовной ответственности и предпосылка назначения справедливого наказания. Однако чрезмерная альтернативность, то есть закрепление в санкции более трех основных наказаний, которые могут быть усложнены необходимостью выбора дополнительного наказания, может приводить к затруднениям в правоприменительной деятельности и способствовать коррупции. Анализируются различные типовые разновидности санкций норм уголовного права, в том числе в сравнении с зарубежным законодательством. Обосновывается, что санкция уголовно-правовой нормы не должна предусматривать больше трех основных наказаний. В результате рассмотрения различных классификаций альтернативных санкций, в том числе во взаимосвязи с поощрительными санкциями, сделан вывод о наличии санкций с двумя противоположными альтернативами (наказанием и поощрением). При этом недопустимо отождествлять санкцию как структурный элемент статьи Особенной части с санкцией уголовно-правовой нормы. Альтернативы наказаниям, сформулированным в Особенной части уголовного закона, могут содержаться и в его Общей части. Отмечается наличие формально альтернативных, а фактически безальтернативных санкций.

Ключевые слова: норма уголовного права; санкция; альтернативная санкция; наказательная санкция; поощрительная санкция; виды санкций; виды альтернативных санкций.

TO THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF ALTERNATIVE SANCTIONS IN CRIMINAL LAW

Annotation. Sanctions of criminal law rules are one of the most dynamically changing structural elements of the criminal legislation. Alternative sanction is one of the legal means of individualization of criminal liability and a prerequisite for a fair punishment. However, excessive alternatives, that is, having more than three basic penalties in the sanction, which can be complicated by the need to choose additional punishment, can lead to difficulties in law enforcement activities and contribute to corruption. Various types of sanctions of criminal law rules are analyzed and compared with foreign legislation. It is substantiated that the sanction of the criminal law rule should not include more than three main penalties. Various classifications of alternative sanctions, as well as their interrelations with incentive sanctions are considered. It is concluded that there are sanctions with two opposite alternatives (sanction and incentive). At the same time, it is unacceptable to identify the sanction as a structural element of the article of the Special Part of criminal law with the sanction of the criminal law rule. Alternatives to the penalties contained in the Special Part of the criminal law may also be found in its General Part. The existence of formally alternative, but in fact non-alternative sanctions, is noted.

Keywords: criminal law rule; sanction; alternative sanction; punitive sanction; incentive sanction; types of sanctions; types of alternative sanctions.

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 17-03-00022 ОГН «Альтернативные санкции в механизме реализации дифференциации и индивидуализации юридической ответственности».

Известно, что санкции являются элементом структуры нормы права, обеспечивают ее действие и выполняют присущие им функции. Ученые, давая характеристику норм права, отмечают такое их свойство, как микросистемность, в сравнении с признаком системности права [1, с. 42]. Между тем в случаях, когда санкция носит не простой, а сложный характер, она сама обладает свойством микросистемности.

В начале исследования необходимо определиться с используемой терминологией. Термин «микросистемность санкции» употребляется в сравнении с системой права, а также взаимосвязанными элементами структуры нормы права. Между тем на уровне самой нормы можно утверждать о санкции как системе в том случае, если она носит сложный характер и предусматривает несколько видов наказаний. Такое утверждение справедливо, если система наказаний, сформулированных в санкции, отличается согласованностью, но, как отмечается в исследованиях, система не только санкций, но и наказаний в структуре альтернативных санкций характеризуется отсутствием логичности и противоречивостью [2].

Альтернативная санкция предусматривает несколько видов юридических наказаний, одно из которых подлежит обязательному применению в отношении правонарушителя, а право выбора юридического наказания принадлежит уполномоченному субъекту. С точки зрения юридической техники изложения наиболее понятны для правоприменителя санкции норм уголовного права и административного права. Статьи Особенной части указанных нормативных правовых актов четко структурированы, и наряду с описанием запрещенного деяния в этой же статье формулируется санкция за его совершение. На первый взгляд, может сложиться впечатление, что с конструированием альтернативных санкций, как и с их реализацией, не должно возникать проблем. Однако, по мнению многих исследователей, проблема конструкций санкций Особенной части УК РФ является его ахиллесовой пятой [3; 4; 5]. Проблема построения альтернативных санкций в нормах уголовного права связана с избыточным количеством видов наказаний в альтернативной санк-

ции. Между тем, согласно точке зрения С.С. Тихоновой, И.А. Киселевой, Я.В. Фроловой, в уголовном праве существует «два ключевых вида альтернативных санкций: санкции с лишением свободы и санкции, не предусматривающие лишение свободы» [2, с. 124]. С данной позицией сложно согласиться, так как исследование санкций позволяет сделать вывод о том, что законодатель использует и иные юридико-технические конструкции.

Анализ некоторых санкций показывает, что вместе с наказаниями, не связанными с лишением свободы, указывается и наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 253 УК РФ). Правоприменителю предоставляется право выбрать наказание из числа противоположных по своим ограничениям. В ряде случаев законодатель предлагает достаточно сложную альтернативу, когда необходимо не только выбрать вид основного наказания, но и решить вопрос о том, применять или не применять к субъекту дополнительное наказание. Например, причинение смерти по неосторожности двум или более лицам наказывается «ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового» (ч. 2 ст. 109 УК РФ). В связи с этим можно выделить несколько разновидностей альтернативных санкций, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Во-первых, альтернативные санкции, в которых закреплены наказания, не предусматривающие лишение свободы. Во-вторых, санкции, предусматривающие два типа наказания: связанные и не связанные с лишением свободы. В-третьих, санкции с дополнительной альтернативой, в которых помимо основной альтернативы предусмотрена еще и дополнительная альтернатива, обязывающая принять решение о возможности назначения дополнительного наказания. Однако конструкции санкций, в которых в качестве основной альтернативы законодатель предлагает и дополнитель-

ную альтернативу, в юридической науке вызывают возражения. По поводу санкций с дополнительной альтернативой можно согласиться с Н.А. Лопашенко, считающей, что «самый строгий вид наказания не может отягощаться дополнительным видом наказания, даже если оно является факультативным, поскольку это означает двойное ужесточение самого строгого наказания [6, с. 166]. В данном случае можно предложить противоположный вариант, когда наиболее мягкое из альтернативных наказаний в санкции будет отягощаться дополнительным наказанием.

Классическими по своей структуре являются альтернативные санкции с понижающей альтернативой и повышающей альтернативой. Юридическая техника построения первых такова, что изначально излагается наиболее строгое наказание, а затем — менее строгие юридические наказания. В санкциях с повышающей альтернативой все наоборот. Однако в любом случае правоприменителю необходимо выбрать, какое из наказаний назначить виновному лицу.

В литературе высказывается мнение о том, что в таких случаях необходимо сопоставлять с санкцией альтернативные деяния, которые предусмотрены в диспозиции нормы уголовного права, выбирая менее опасное для менее сурового вида наказания. Однако анализ санкций норм уголовного права показывает, что, во-первых, законодателем не всегда предусмотрен альтернативный состав, во-вторых, в тех случаях, когда закреплен альтернативный состав, к тому или иному деянию в зависимости от личности правонарушителя могут быть применены различные виды наказаний. В связи с этим практическая значимость выделения санкций с понижающей и повышающей альтернативой весьма сомнительна. Кроме того, не ясно, чем руководствовался законодатель при конструировании именно таких санкций. Не возражая против того, чтобы наказания в санкциях указывались в определенной последовательности и системно, следует заметить, что то, как их изложить — в сторону увеличения или смягчения, как представляется, не имеет значения.

Однако по данному вопросу есть и другое мнение. С.С. Тихонова и А.И. Коку-

нов полагают, что «более строгие основные наказания, предусмотренные в конце санкции статьи Особенной части УК РФ, не скрыты от глаз адресатов уголовно-правовых запретов» [7, с. 242]. Думается, что подобного рода вывод носит несколько умозрительный характер. Чтобы определить, «что скрыто, а что не скрыто» и как санкции воспринимают их адресаты, необходимо провести по меньшей мере анкетирование различных категорий субъектов: обычных граждан; правоприменителей; юристов-ученых. При этом среди обычных граждан должны быть различные категории субъектов, ранжирование которых необходимо проводить по возрастному признаку, наличию или отсутствию судимости, уровню образования и другим характеристикам. Хотя в другой части их суждения есть определенная логика, связанная с системой построения наказаний в Общей части УК РФ (ст. 44), которые, по замыслу законодателя, формировались от менее строгого к более строгому [6, с. 242].

Однако бессистемное внесение изменений в УК РФ, а особенно в различные санкции, нарушило первоначальный замысел, а названия многих научных исследований свидетельствуют о том, что же стала представлять собой «система уголовных наказаний» после внесения в нее многочисленных изменений и дополнений [8]. По изначальному замыслу законодателя штраф, расположенный первым в перечне уголовных наказаний, должен был являться самым мягким видом уголовного наказания. Но при его максимальном размере (в настоящее время составляет 500 000 000 рублей) штраф таковым назвать сложно. В существующем перечне наказаний ограничение свободы находится на седьмом месте, а по мнению законодателя, более суровые элементы кары несут в себе такие виды уголовных наказаний, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе. Если из этого перечня убрать наказания, которые применяются только как дополнительные, и те, которые назначаются специальному

субъекту, то четыре вида уголовных наказаний, по мнению законодателя, более суровые. Однако анализ положений ст. 53 УК РФ (ограничение свободы) показывает, что ряд из них вполне сопоставим с запретами, которые могут вводиться в результате режима чрезвычайного положения. Кроме того, многие элементы, которые несет в себе ограничение свободы, сопоставимы с теми ограничениями, которые могут возлагаться на условно осужденного. Сложно по элементам карательного воздействия сопоставить и такие наказания, как обязательные работы и исправительные работы.

При нарушении системных свойств в ст. 44 УК РФ и в содержании карательных элементов каждого из видов уголовных наказаний, соответственно, будет нарушаться и микросистемность альтернативных санкций.

Альтернативные санкции в УК РФ могут предусматривать от двух до семи видов уголовных наказаний. Так, по данным коллектива исследователей, «за преступления небольшой тяжести два вида наказаний предусмотрено в двадцати шести санкциях; три вида наказаний в семьдесят одной санкции; четыре вида наказаний в девяносто пяти санкциях; пять видов в сорока пяти санкциях; шесть видов в двадцати семи санкциях; семь видов наказаний в трех санкциях» [2, с. 124]. В связи с этим возникает вопрос об оптимальном количестве наказаний в альтернативной санкции.

Исследователей, выразивших свою точку зрения относительно оптимальной длины альтернативных санкций, можно разделить на две группы. К первой группе относятся ученые, придерживающиеся концепции условности, а ко второй группе – концепции определенности. Согласно концепции условности вариативность наказаний в альтернативной санкции зависит от количества альтернативных деяний в диспозиции уголовно-правовой нормы. Вариативная концепция основывается на числовом определении оптимального количества наказаний в санкциях. При этом называются различные количественные показатели: не более половины основных наказаний из всех предусмотренных в ст. 44 УК РФ; не более трех наказаний; не более четырех наказаний [9, с. 80]. Уче-

ные называют санкции, предусматривающие четыре и более альтернативных наказания, «безмерно альтернативными» [2, с. 153]. Верной представляется позиция, согласно которой в санкции уголовно-правовой нормы не должно быть предусмотрено больше трех основных наказаний, при условии приведения в систему самого возможного перечня наказаний и их верного ранжирования в зависимости от тяжести возможной кары. В противном случае может оставаться большая доля для судебного усмотрения при выборе конкретного наказания для правонарушителя.

«Набор видов наказаний в конкретной санкции должен зависеть от родового объекта преступления, чтобы вред, причиненный преступлением, и ограничения, накладываемые на виновного в связи с применением к нему наказания, были сходными», – считает П.А. Фефелов [10, с. 96]. Схожую позицию высказывает Э.В. Густова: «Принятие решения об альтернативности (безальтернативности) санкций должно базироваться на степени общественной опасности преступления: чем более тяжким является преступление, тем “короче” (безальтернативнее) санкции по количеству наказаний; чем меньше степень общественной опасности, тем шире (альтернативнее) спектр мер воздействия на виновное лицо» [11, с. 209].

Даже если принять во внимание весьма спорное мнение П.А. Фефелова и С.С. Сорокина, то вред и общественная опасность правонарушения от конкретного правонарушения не могут варьироваться в наказании от штрафа до семи лет лишения свободы, а УК РФ содержит в своей конструкции и такие санкции (например, за получение взятки).

Конечно, в ряде случаев следует принимать во внимание и формальный, а не фактический характер некоторых альтернативных санкций. Так, некоторые наказания до настоящего времени не применяются ввиду отсутствия надлежащих условий. Если, например, санкция предусматривает такие наказания, как арест и лишение свободы, то выбор у правоприменителя как таковой отсутствует [12, с. 76]. С момента принятия УК РФ прошло более 22 лет, а условия для реализации данного вида наказания так и не созданы. Законодателю

следует задуматься о ревизии санкций в УК РФ, в том числе об исключении из перечня наказаний ареста и замене его в санкциях другими видами наказаний. Для введения наказания в виде ареста в Российской Федерации необходимо создать систему арестных домов, что требует больших финансовых затрат при сомнительной эффективности данного вида наказаний. Следует согласиться и с мнениями специалистов о том, что реформа санкционного комплекса должна быть не «косметической», а системной [13; 14]

В уголовно-правовой литературе ведутся споры о юридической природе условного осуждения. Некоторые ученые считают его самостоятельным видом наказания, а другие относят к иным мерам уголовно-правового характера (воздействия) [15]. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, следует заметить, что в ст. 73 УК РФ сформулирована санкция, предусматривающая ограничения для осужденного: не менять постоянного места жительства, работу без уведомления специализированного органа, не посещать определенные места и др. Кроме того, суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению. Указанные правоограничения сходны с таким наказанием, как ограничение свободы.

В части первой ст. 73 УК РФ указано: «если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным». Таким образом, даже если санкция в Особенной части УК РФ носит безальтернативный характер, фактически она альтернативна (за исключением тех случаев, когда уголовным законом установлен запрет на условное осуждение), так как у суда есть право выбора назначить реальное или условное наказание с применением ограничений, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ. Таким образом, в уголовном праве существует еще одна конструкция альтернативной санкции, которую можно назвать условно-альтернативной.

Возвращаясь к вопросу об оптимальном количестве наказаний в санкциях норм уголовного права, следует обратиться к уголовным кодексам некоторых зарубежных стран. Например, в Уголовном кодексе Франции не используются альтернативные санкции*. В Уголовном кодексе ФРГ предусмотрены следующие виды наказаний: лишение свободы; денежный штраф; имущественный штраф (§ 38-43а). В качестве дополнительных наказаний предусмотрены: запрет на управление автотранспортным средством; лишение права занимать должности, права быть избранным и права голоса. При конструировании санкций немецкий законодатель, соответственно, использует не более трех основных видов наказаний**. В статье 80 Уголовного кодекса Республики Сан-Марино в порядке убывания строгости перечисляются следующие виды наказаний: тюремное заключение; лишение прав; арест; денежный штраф; поденный штраф; судебное порицание. Анализ данного нормативного акта показывает, что в альтернативных санкциях предусмотрено не более трех видов наказаний***. В главе 3 Уголовного кодекса Бельгии предусмотрены такие виды наказаний, как тюремное заключение; лишение свободы; лишение некоторых политических и гражданских прав; штраф; специальная конфискация; специальная ликвидация (для юридических лиц)****. При этом конструкции альтернативных санкций практически не используются. Уголовным законодательством Норвегии предусмотрены следующие виды наказаний: тюремное заключение; арест; содержание под стражей; общественные работы; штраф (§ 15). В особых случаях может использоваться лишение гражданских прав. К таковым норвежский законодатель относит: снятие с официальной должности, к которой он оказался непригоден или которой

* Уголовный кодекс Франции. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.

** Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

*** Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

**** Уголовный кодекс Бельгии. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

недостойн; утрата на определенный срок или навсегда права занимать должность или осуществлять деятельность или работу*. Норвежский законодатель активно использует альтернативные санкции, но число наказаний варьируется от двух до трех.

Следует заметить, что в названных государствах относительно низкий уровень коррупции. Согласно данным международного движения «Transparency International» за 2017 год, по уровню коррупции Норвегия занимает четвертое место; Германия — двенадцатое; Бельгия — пятнадцатое, Франция — двадцать третье. Уровень коррупции в Республике Сан-Марино, ввиду небольшой территории и численности населения, которая немногим более 30 000 человек, не оценивается Transparency International**. По данным указанного международного движения, Россия занимает 141-е место, а 142-е принадлежит Гондурасу.

Конечно, чрезмерная альтернативность — не единственное условие, которое способствует коррупции, но борьба с данным негативным явлением должна носить комплексный характер, в том числе и посредством системного реформирования альтернативных санкций норм уголовного права. Думается, что альтернативная санкция должна предусматривать не более трех наказаний. Данный вывод основан как на мнениях других ученых, так и на результатах анализа уголовного законодательства ряда зарубежных стран.

Примечательно, но даже в основном, квалифицированном и особо квалифицированном составе за получение взятки предусмотрены санкции с чрезмерной альтернативностью. Так, ч. 1 ст. 190 предусматривает четыре вида наказания. При этом законодатель устанавливает три способа исчисления штрафа, усложняя санкцию уголовно-правовой нормы, одновременно предлагая и альтернативу в применении дополнительного наказания. За квалифицированные и особо квалифицированные виды получения взятки альтернативность

существует при выборе в качестве наказания штрафа или лишения свободы, а также применении дополнительного наказания (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). Преступление обладает типовой общественной опасностью, и в качестве альтернативы лишению свободы недопустимо закреплять в санкции исключительно штраф.

Автор данной статьи ранее неоднократно указывал, что придерживается концепции наличия альтернативных санкций, в том числе и уголовно-правовых [16; 17], в связи с этим в настоящей статье не акцентируется внимание на этом аспекте. В уголовном праве поощрительные санкции выражаются в освобождении от уголовной ответственности. Статьями 75-76.2 УК РФ предусмотрены различные виды освобождения от уголовной ответственности. Даже без детального анализа всех оснований и видов освобождения от уголовной ответственности можно выделить общее для них: освобождение является правом, а не обязанностью правоприменителя (за исключением ст. 76.1 УК РФ); виновное лицо должно совершить позитивные посткриминальные действия; совершенное преступление должно быть небольшой или средней тяжести. Юридическая техника уголовного закона такова, что поощрительные санкции (за некоторым исключением) сформулированы в Общей части, а их наличие в каждой статье, которая предусматривает преступление небольшой или средней тяжести, только делало бы текст трудным для восприятия. Подобным образом поощрительные санкции сформулированы с целью экономии законодательного пространства. Следовательно, можно утверждать о наличии еще одного вида альтернативных санкций — «наказательно-поощрительных», когда у правоприменителя есть выбор того, какую меру уголовно-правового воздействия — наказательную или поощрительную — реализовать в отношении виновного.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. В уголовном законе можно выделить следующие конструкции альтернативных санкций: с повышающей альтернативой; с понижающей альтернативой; с альтернативой в виде дополнительного

* Уголовное законодательство Норвегии. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

** Transparency International: официальный сайт. URL: <https://transparency.org.ru/research/index-vospriyatiya-korruptsii>

наказания; с альтернативными основными и дополнительными наказаниями; с альтернативой, зависящей от количества наказаний (два и более); с альтернативой между двумя противоположностями (наказанием и поощрением).

2. Можно отметить и формальные альтернативные санкции в случаях наличия в санкции альтернативного наказания, которое фактически не применяется. Кроме того, недопустимо отождествлять санкцию как структурный элемент той или иной части статьи, входящей в Особенную

часть Уголовного кодекса Российской Федерации, с санкцией уголовно-правовой нормы. Это обусловлено тем, что отдельные структурные элементы санкции могут содержаться в статьях Общей части УК РФ. И, наконец, можно утверждать об условно-альтернативных санкциях, когда за то или иное преступление возможно назначение условного осуждения. При этом структурный элемент санкции в виде условного осуждения и правоограничений, которые им предусмотрены, сформулирован в Общей части УК РФ.

Список литературы

1. Байтин М.И. Сущность права. Саратов: Изд-во СГАП, 2002. 406 с.
2. Тихонова С.С., Киселева И.В., Фроловичев Я.В. Длина альтернативной санкции статьи особенной части Уголовного кодекса: теория и законотворческая практика // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. N 4 (36). С. 124-128.
3. Тихонова С.С., Киселева И.А., Фроловичев Я.В. Модель санкции за преступления определенной категории: теория и законодательная практика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2014. N 2 (17). С. 131-134.
4. Шуба Е.С. К вопросу об альтернативности санкций в УК РФ // Высшая школа. 2016. N 7. С. 44-48.
5. Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. 260 с.
6. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. 320 с.
7. Тихонова С.С., Кокунов А.И. Модели санкций статей Особенной части кодифицированного уголовного закона за преступления небольшой тяжести: современная юридико-техническая теория и законотворческая практика // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21. N 6 (75). С. 241-247.
8. Тюшнякова О.В. «Бессистемная» система уголовных наказаний // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. N 4. С. 80-85.
9. Кокунов А.И. Техничко-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. N 1. С. 80-85.
10. Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния и совершенствование системы наказаний // Советское государство и право. 1987. N 12. С. 96-97.
11. Густова Э.В. Теоретические основы построения уголовно-правовых санкций в УК РФ // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2015 N 1. С. 206-216.
12. Тарбагаев А.Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. N 4. С. 75-82.
13. Дуюнов В.К. Совершенствование уголовного законодательства – это не починка «Тришкина кафтан» // Вопросы российского и международного права. 2012. N 1. С. 14-16.
14. Дуюнов В.К. Реформирование уголовного законодательства должно быть обоснованным // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2012. N 1. С. 12-18.
15. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: Теория и практика. М.: Научная книга, 2003. 520 с.
16. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. К вопросу о понятии и видах альтернативных санкций // Юридическая мысль. 2017. N 3 (101). С. 48-59.
17. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. К вопросу об ответственности государственных служащих // Российская юстиция. 2017. N 12. С. 49-52.

References

1. Baytin M.I. Sushchnost' prava. [The essence of law]. Saratov, 2002. 406 p.
2. Tihonova S.S., Kiseleva I.V., Frolovichev Ya.V. Dlina al'ternativnoy sanktsii stat'i osobennoy chasti Ugolovnoy kodeksa: teoriya i zakonotvorcheskaya praktika [The length of the alternative sanction of the article of the general part of the Criminal Code]. Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava – Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, 2014, no. 4 (36), pp. 124-128.

3. Tikhonova S.S., Kiseleva I.A., Frolovichev Ya.V. Model' sanktsii za prestupleniya opredelennoy kategorii: teoriya i zakonodatel'naya praktika [The model of sanction for the crime of a particular category: theory and legislative practice]. Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Vector of science of Togliatti State University. Series: Juridical sciences, 2014, no. 2 (17), pp. 131-134.
4. Shuba E.S. K voprosu ob al'ternativnosti sanktsiy v UK RF [On the issue of alternative sanctions in the Criminal Code of the Russian Federation]. Vysshaya shkola – High school, 2016, no. 7, pp. 44-48.
5. Kozlov A.P. Ugolovno-pravovye sanktsii. Problemy postroeniya, klassifikatsii i izmereniya [Criminal sanctions. Problems of construction, classification and measurement]. Krasnoyarsk, Publishing House of the Krasnoyarsk University, 1989. 260 p.
6. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika [Criminal policy]. Moscow, 2009. 320 p.
7. Tihonova S.S., Kokunov A.I. Modeli sanktsiy statey Osobennoy chasti kodifitsirovannogo ugolovnogo zakona za prestupleniya nebol'shoy tyazhesti: sovremennaya yuridiko-tekhnicheskaya teoriya i zakonotvorcheskaya praktika [Models of sanctions for articles of the Special Part of the codified criminal law for crimes of minor gravity: modern legal and technical theory and lawmaking practice]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta – News of South-Western State University, 2017, vol. 21, no. 6 (75), pp. 241-247.
8. Tyushnyakova O.V. "Bessistemnaya" sistema ugovolnykh nakazaniy ["Unsystematic" system of criminal penalties]. Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice, 2015, no. 4, pp. 80-85.
9. Kokunov A.I. Tekhniko-yuridicheskoe konstruirovaniye edinichnykh i al'ternativnykh sanktsiy v kodifitsirovannom ugovolnom zakone: postanovka problemy [Technical and legal design of single and alternative sanctions in the codified criminal law: statement of the problem]. Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice, 2016, no. 1, pp. 80-85.
10. Fefelov P.A. Obshchestvennaya opasnost' prestupnogo deyaniya i sovershenstvovanie sistemy nakazaniy [The public danger of a criminal act and the improvement of the system of punishments]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law, 1987, no. 12, pp. 96-97.
11. Gustova E.V. Teoreticheskie osnovy postroeniya ugovolno-pravovykh sanktsiy v UK RF [Theoretical Foundations of Building Criminal Sanctions in the Criminal Code of the Russian Federation]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo – Bulletin of Voronezh State University. Series: Right, 2015, no. 1, pp. 206-216.
12. Tarbagaev A.N. Problemy effektivnosti sistemy nakazaniy v rossiyskom ugovolnom prave [Problems of the effectiveness of the penal system in the Russian criminal law]. Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law, 2014, no. 4, pp. 75-82.
13. Duyunov V.K. Sovershenstvovanie ugovolnogo zakonodatel'stva – eto ne pochinka "Trishkina kaftana" [Improvement of criminal law is not a fix for "Trishkin's caftan"]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Questions of Russian and international law, 2012, no. 1, pp. 14-16.
14. Duyunov V.K. Reformirovaniye ugovolnogo zakonodatel'stva dolzhno byt' obosnovannym [Reform of criminal legislation should be justified]. Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law, 2012, no. 1, pp. 12-18.
15. Duyunov V.K. Ugolovno-pravovoe vozdeystvie: Teoriya i praktika [Criminally-legal influence: the theory and practice]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ., 2003. 520 p.
16. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. K voprosu o ponyatii i vidakh al'ternativnykh sanktsiy [On the issue of the concept and types of alternative sanctions]. Yuridicheskaya mysl' – Legal thought, 2017, no. 3 (101), pp. 48-59.
17. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. K voprosu ob otvetstvennosti gosudarstvennykh sluzhashchih [On the issue of civil servants' responsibility]. Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice, 2017, no. 12, pp. 49-52.

ДРОБЫШЕВА Е.Н., DROBYSHEVA E.N.,
elenadrobysheva@list.ru, elenadrobysheva@list.ru
Челябинский областной суд, Chelyabinsk Regional Court,
454006, г. Челябинск, ул. Труда, 34 Truda St. 34, Chelyabinsk, 454006,
Russian Federation

О ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о признании в качестве источника права правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, в том числе выраженных в конкретных решениях при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора. Анализируется законопроект, направленный на нормативное закрепление права суда ссылаться в своих решениях по уголовным делам на постановления Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации. Исследуется роль решений Президиума Верховного Суда Российской Федерации в направлении судебной практики в целом. Приведены примеры, свидетельствующие об изменении судебной практики путем принятия постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащих толкование норм уголовного права. При этом иные решения Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам не обладают необходимыми признаками, позволяющими говорить о том, что в них выражена позиция всего суда. Отмечается необходимость законодательного урегулирования возможности пересмотра судебных актов вследствие изменения судебной практики по аналогии с гражданским процессуальным законодательством, в котором содержатся нормы о пересмотре судебных решений, вступивших в законную силу, ввиду изменения судебной практики, что отнесено к новым обстоятельствам.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации; правовая позиция; источники права; процессуальные проблемы; надзорное производство; отмена приговора; изменение приговора; прецедент.

ON THE LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Annotation. The article deals with the issue of recognizing the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, including those expressed in specific decisions when considering a criminal case under the supervisory procedure, as a source of law. The bill aimed at the normative fixing of the right of the court to refer to the decisions of the Plenum and the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation in its decisions on criminal cases is analyzed. The role of the decisions of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation in the judicial practice as a whole is examined. The examples that testify to changes in judicial practice by adopting the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, in which the rules of criminal law were interpreted differently, are given. At the same time, the other decisions of the Supreme Court of the Russian Federation on specific cases do not have the necessary characteristics allowing to suggest that they express the position of the entire court. It is noted that there is a need for legislative regulation of the possibility of reviewing judicial acts due to changes in judicial practice, by analogy with the civil procedure legislation, which contains the rules on the review of court decisions that have entered into force due to changes in judicial practice, which is attributed to new circumstances.

Keywords: Supreme Court of the Russian Federation; legal position; sources of law; procedural problems; supervisory proceedings; cancellation of sentence; change of sentence; precedent.

Как известно, Россия относится к странам статутного права, в которых судебный прецедент официально источником права не является. Однако, как вполне обоснованно указывает В.В. Джуря, в последнее время произошел перелом, судебное нормотворчество постепенно

получает признание [1, с. 10]. Намечаются определенные шаги и в сторону законодательного закрепления судебного нормотворчества в качестве самостоятельного источника права.

Так, в Государственную Думу Российской Федерации внесен проект феде-

рального закона* (далее – Законопроект), согласно которому предлагается, в частности, дополнить статьи 305 и 307 УПК РФ положениями о том, что описательно-мотивировочная часть приговора (как оправдательного, так и обвинительного) может содержать ссылки на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации. Данный законопроект позволяет предположить, что в российском уголовном судопроизводстве возможно появление прецедентного права.

Ранее Президентом Российской Федерации был внесен законопроект аналогичного содержания об изменении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ).

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. N 186-ФЗ абз. 7 ч. 4 ст. 170 АПК РФ изложен в новой редакции, согласно которой в мотивировочной части решения разрешена ссылка на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации**.

Как указывается в пояснительной записке к Законопроекту, предлагаемые изменения направлены на сохранение высокого статуса и авторитета разъяснений, правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, что необходимо в условиях проводимой судебной реформы в целях обеспечения единообразной практики судов Российской Федерации***.

* О внесении изменений в статьи 305, 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проект федер. закона от 22 апр. 2014 г. N 505194-6. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/505194-6>

** О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. N 186-ФЗ: ред. от 22 нояб. 2016 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

*** URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/505194-6>

Согласно ст. 126 Конституции Российской Федерации высшим судебным органом по уголовным делам является Верховный Суд Российской Федерации, который наделен правом осуществлять в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов и давать разъяснения по вопросам судебной практики.

Одной из целей осуществления Верховным Судом Российской Федерации указанных функций является поддержание единообразия в применении судами законодательства Российской Федерации. Реализации этих полномочий Верховного Суда Российской Федерации служит, в частности, законодательно закрепленная возможность проверки им судебных решений в кассационном и надзорном порядке, а также наличие специальной, присущей только ему компетенции по даче разъяснений по вопросам судебной практики.

Нижестоящие суды не только руководствуются данными разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации в целях единообразного толкования действующего законодательства, но и приводят соответствующие положения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в обоснование своих решений. Уголовно-процессуальный закон не запрещает судам ссылаться в решениях на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, хотя это прямо в нем и не предписано.

Ссылки в судебных актах на правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу, выраженные в постановлениях Пленума, не являются редкостью. Эта практика сложилась давно**** и сохраняется по настоящее

**** См., например: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 6 окт. 1999 г. N 877п99; Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 янв. 2002 г. N 1059п01пр; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 февр. 2007 г. N 50-Д06-22. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

время*. При этом не только нижестоящие суды приводят положения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в обоснование своих решений, но и высшая судебная инстанция – Президиум Верховного Суда Российской Федерации.

Согласно ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) судебные постановления, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по новым обстоятельствам, к которым, в частности, относится определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В отличие от гражданского процессуального законодательства уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает такой возможности, тем не менее оставляя открытым перечень новых обстоятельств, закрепленный в ч. 4 ст. 413 УПК РФ.

Определяя конституционно-правовой смысл соответствующих норм ГПК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул особый статус правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, выраженных в постановлениях Пленума и решениях Президиума, отмечая, что в состав Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации входят судьи, осуществляющие полномочия по руководству Верховным Судом Российской Федерации, а также судьи – члены всех его судебных коллегий. Тем самым при рассмотрении указанными органами Верховного Суда Российской Феде-

рации вопросов определения (изменения) практики применения правовых норм обеспечиваются непротиворечивые подходы в толковании действующего законодательства и, как следствие, необходимый в демократическом обществе высокий уровень доверия к судебной власти**.

Применительно к уголовному судопроизводству вопрос о возможности пересмотра вступивших в законную силу приговоров (иных судебных актов) ввиду изменения судебной практики является дискуссионным. Несмотря на то, что действующее законодательство не признает постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации источниками права, изменение толкования уголовно-правовых норм Верховным Судом Российской Федерации фактически имеет важные правовые последствия.

Следует отметить, например, что именно Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в свое время была кардинально изменена сложившаяся годами практика судов по квалификации действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков***. Совершенно справедливо указывает К.В. Ображиев [2, с. 64], что на недопустимость применения нового (изменившегося) постановления Пленума, ухудшающего положение лица, совершившего преступление, обращено внимание в письме Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2015 г. N 7-ВС-4284/12, адресованном судам субъектов Российской Федерации. В частности, в нем ука-

* См., например: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 сент. 2017 г. N 33-УД17-2; Постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 14 сент. 2017 г. N 73-УД17-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 окт. 2017 г. N 24-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** См., например: О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. N 30 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. N 9. С. 14-17.

зано, что разъяснения, сформулированные Пленумом в абз. 1 п. 13 и пп. 13.1, 13.2, 15.1 постановления от 15 июня 2006 г. N 14 (в редакции постановления от 30 июня 2015 г.), обязательны для нижестоящих судов применительно к рассмотрению уголовных дел о преступлениях, совершенных после 30 июня 2015 г.

Именно на это письмо была сделана ссылка в определении судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда, перекавалифицировавшей действия осужденных с пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, поскольку инкриминируемое преступление было совершено до внесения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации ухудшающих положение осужденного изменений от 30 июня 2015 г.*

Изменения же постановления Пленума, улучшающие положение лиц, совершивших преступления, должны иметь обратную силу, несмотря на то, что в ст. 10 УК РФ говорится лишь об обратной силе уголовного закона, к которому постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не относятся.

В частности, улучшающими положение осужденных являются разъяснения, содержащиеся в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. N 1**, согласно которому (в отличие от ранее действовавшего постановления Пленума от 14 февраля 2000 г. N 7***) вовлечение несовершенно-

летнего в совершение преступления или антиобщественных действий признается оконченным преступлением лишь с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий.

Однако отсутствие в уголовно-процессуальном законе норм, предусматривающих возможность пересмотра вступивших в законную силу приговоров и иных судебных решений ввиду изменения судебной практики, создает препятствия для реализации в полной мере назначения уголовного судопроизводства, которое заключается, в том числе, в защите личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод. С принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, по-новому определяющего (изменяющего) практику применения правовой нормы, лицо, к которому эта норма была иначе применена судом (что по сравнению с новым направлением судебной практики ухудшило его положение), должно иметь право на пересмотр вынесенного в отношении его судебного решения. В противном случае лица, подвергающиеся уголовному преследованию, к которым по-разному применены одни и те же положения уголовного закона, будут поставлены в неравные условия, зависящие от усмотрения правоприменителя (в данном случае суда), что, безусловно, является недопустимым.

При отсутствии законодательного механизма в подобной ситуации невозможно улучшить положение лиц, подвергающихся уголовному преследованию, что умаляет важность конституционно значимой функции Верховного Суда Российской Федерации, имеющей цель обеспечения единообразного применения всеми судами норм действующего законодательства.

Помимо разъяснений по вопросам судебной практики, содержащихся в постановлениях Пленума, Верховный Суд Российской Федерации периодически отвечает на вопросы, поступающие из судов относительно применения федеральных

* Апелляционное определение от 9 авг. 2016 г. N 22-3748/16. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-536939310/>

** О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февр. 2011 г. N 1: ред. от 29 нояб. 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. N 4. С. 2-10; 2017. N 1.

*** О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февр. 2000 г. N 7: ред. от 6 февр. 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. N 4. С. 9-13.

законов, актов об амнистии*. Такие ответы на вопросы утверждаются Президиумом Верховного Суда Российской Федерации и по сути также представляют собой разъяснения по вызывающим трудности аспектам, а потому направлены на избежание судебных ошибок, что в полной мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6 УПК РФ. Учитывая, что в таких ответах на вопросы, поступающие из нижестоящих судов, также выражена правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, что имеет целью направление судебной практики в определенное русло, возникает закономерный вопрос о равноценности юридической силы выраженных в них правовых позиций и положений постановлений Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

Принимая решение по конкретному уголовному делу в качестве суда надзорной инстанции, Президиум Верховного Суда Российской Федерации также задает определенный вектор судебной практики в целом.

Европейский Суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что полномочия судов по пересмотру оконча-

тельных судебных решений, подлежащих исполнению, должны осуществляться исключительно в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия**. Полномочия же Президиума, связанные с пересмотром судебных актов, вступивших в законную силу, не только имеют цель исправить ошибки, по каким-то причинам оставшиеся незамеченными нижестоящими инстанциями, ранее рассматривавшими уголовное дело, но и направлены на обеспечение единства судебной практики и реализацию принципа законности уголовного судопроизводства.

В частности, отменяя апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, Президиум, рассмотревший в качестве суда надзорной инстанции уголовное дело об убийстве, выразил правовую позицию, применимую и к иным категориям уголовных дел, относительно возможности квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе в зависимости от мотива их преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении***.

Подобного рода решения высшей судебной инстанции Российской Федерации, несмотря на то, что они вынесены по конкретному уголовному делу, должны иметь практическое значение и для разрешения других аналогичных уголовных дел, поскольку в них выражена правовая позиция всего Верховного Суда Российской Федерации, наделенного конституционным правом поддерживать единообразие правоприменительной практики. В связи с этим решения нижестоящих судов, в которых иначе применена конкретная норма права,

* См., например: Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сент. 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. N 12. С. 32; Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. N 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и от 24 апреля 2015 г. N 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов”»: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 июля 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См., например: Дело Рябых против Российской Федерации: постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г.; Дело Довгучиц против Российской Федерации: постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июня 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2017 г. N 27-П17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. N 8. С. 36-37.

должны подлежать пересмотру вышестоящей судебной инстанцией, если при этом не ухудшается положение лица, подвергающегося уголовному преследованию, что будет в полной мере отвечать положениям ст. 126 Конституции Российской Федерации.

Говоря о конституционно значимых функциях Верховного Суда Российской Федерации, необходимо отметить, что именно Президиум наделен правом возобновления судебного производства по делу в порядке главы 49 УПК РФ, и это полномочие также реализуется в целях обеспечения баланса между принципом правовой определенности и презумпцией истинности судебного решения, вступившего в законную силу. В статье 413 УПК РФ закреплено, что в качестве нового обстоятельства для возобновления производства по уголовному делу служит признание Конституционным Судом Российской Федерации закона, примененного судом, не соответствующим Конституции Российской Федерации. Однако и выявление Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правового смысла примененной судом нормы также является основанием для возобновления производства по делу, поскольку выявленный смысл является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой нормы в правоприменительной деятельности.

Так, отменяя состоявшиеся судебные решения и направляя уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение, Президиум Верховного Суда Российской Федерации сослался на постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2017 г. N 21-П*, которым был выявлен конституционно-правовой смысл ч. 1 ст. 260 УПК РФ. При этом Президиум указал, что состоявшиеся судебные решения в части оценки судами подачи стороной замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции вы-

несены на основании положений закона в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, а потому подлежат отмене**.

В отличие от постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации решения, принятые судебными коллегиями, с учетом законодательных положений о порядке их формирования, не могут признаваться отражающими правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации в целом. Кроме того, в случае, если ими нарушены чьи-либо права, свободы и законные интересы, они могут быть обжалованы в надзорном порядке в вышестоящую судебную инстанцию, а именно в Президиум Верховного Суда Российской Федерации. Иными словами, такие акты не являются окончательными с точки зрения возможности их пересмотра вышестоящей инстанцией.

Включение судебных актов, вынесенных судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации по конкретным уголовным делам, в обзоры судебной практики также не изменяет их свойств, поскольку, несмотря на то, что обзоры утверждаются Президиумом, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, при решении вопроса о включении в обзор того или иного судебного акта рассмотрение самого уголовного дела в процедуре, предусмотренной процессуальным законом, не происходит***.

Однако судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации нередко принимаются практикообразующие судебные решения, которые также необходимо учитывать в силу их значимости для правильного применения судами норм действующего законодательства при рассмотрении уголовных дел.

** Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 нояб. 2017 г. N 168-П17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. N 3. С. 36-37.

*** По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 окт. 2017 г. N 24-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

* По делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Савченко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2017 г. N 21-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 31 (ч. II). Ст. 4983.

Например, рассмотрев в кассационном порядке уголовное дело по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации высказала свою позицию о том, что обследование жилого помещения по смыслу закона осуществляется негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу. Учитывая это обстоятельство, хотя изъятие наркотических средств согласно документальному оформлению происходило в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование жилого помещения», Коллегия указала, что фактически в жилых помещениях осужденных были проведены обыски до возбуждения уголовных дел и с нарушениями требований ст. 182 УПК РФ. В связи с этим их результаты, как и результаты повторных проверочных закупок, проведенных при отсутствии на то законных оснований, были признаны судом кассационной инстанции недопустимыми доказательствами, что исключило возможность осуждения за инкриминируемые преступления*.

Подобного рода решения вышестоящих судебных инстанций, хотя и не отвечающие критериям правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации в целом, не должны оставаться без внимания нижестоящих судов в целях недопущения повторения ошибок при рассмотрении аналогичных уголовных дел [3, с. 258-264]. Однако принятие таких решений не может иметь последствий в виде пересмотра иных судебных актов, которыми разрешены схожие правоотношения.

Вышеизложенное позволило прийти к следующим выводам:

1. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженные в постановлениях Пленума, решени-

ях, принятых Президиумом по конкретным уголовным делам в качестве суда надзорной инстанции, а также в ответах на вопросы, поступившие из нижестоящих судов, имея важное практическое значение для рассмотрения аналогичных уголовных дел, выполняют ориентирующую функцию, а следовательно, в полной мере не могут решить задачу формирования единообразной судебной практики при рассмотрении и разрешении наиболее сложных вопросов отправления правосудия.

Внесение в Государственную Думу Российской Федерации подобного рода законопроектов позволяет судить о тенденции создания прецедентного права в российском уголовном судопроизводстве.

2. Принятие Государственной Думой Российской Федерации настоящего федерального закона о дополнении статей 305 и 307 УПК РФ положениями, предлагаемыми Законопроектом, создаст благоприятные условия для дальнейшего совершенствования российской правовой системы, но полностью не устранил противоречия судебной практики.

3. В случае принятия настоящего федерального закона одной из проблем станет неразрешенность на законодательном уровне вопроса о возможности пересмотра судебных решений по уголовным делам ввиду изменения судебной практики. Наиболее приемлемым видится закрепление в УПК РФ положений, в соответствии с которыми изменение (определение) судебной практики постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенными по конкретным уголовным делам, а также правовой позицией, выраженной в ответах Верховного Суда Российской Федерации на вопросы, поступившие из судов, должно выступать в качестве нового обстоятельства, являющегося основанием для пересмотра в соответствии с нормами главы 49 УПК РФ вступивших в законную силу судебных решений, в которых закон применен иначе.

* Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 янв. 2013 г. N 45-О12-77. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Джура В.В. О судебном прецеденте в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2005. N 2. С. 8-18.
2. Ображиев К.В. Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2016. N 2. С. 59-66.
3. Янин Д.Г., Сергеев А.Б. Совершенствование уголовно-процессуального права по вопросу передачи лица, осужденного судом Российской Федерации за особо тяжкие преступления, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является // Евразийский юридический журнал. 2016. N 2 (93). С. 258-264.

References

1. Dzhura V.V. O sudebnom pretsedente v Rossiyskoy Federatsii [On the judicial precedent in the Russian Federation]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian legal bulletin*, 2005, no. 2, pp. 8-18.
2. Obrazhiev K.V. Deystvie ugodovno-pravovyh norm vo vremeni: problemy teorii i praktiki [The effect of criminal law norms in time: the problems of theory and practice]. *Ugodovnoe pravo – Criminal law*, 2016, no. 2, pp. 59-66.
3. Yanin D.G., Sergeev A.B. Sovershenstvovanie ugodovno-protsessual'nogo prava po voprosu peredachi litsa, osuzhdenного sudom Rossiyskoy Federatsii za osobo tyazhkie prestupleniya, dlya otbyvaniya nakazaniya v gosudarstve, grazhdaninom kotorogo eto litso yavlyaetsya [Improvement of the criminal procedural law on the transfer of a person convicted by a court of the Russian Federation for especially serious crimes to serve punishment in the state of which the person is a citizen]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – The Eurasian Law Journal*, 2016, no. 2 (93), pp. 258-264.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

ЧЕРНОВА С.С., кандидат юридических наук, chernovaswetlana@mail.ru Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	CHERNOVA S.S., Candidate of Legal Sciences, chernovaswetlana@mail.ru Research and editorial and publishing department; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	--

НОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В уголовно-процессуальное законодательство регулярно вносятся изменения норм, регламентирующих деятельность сотрудников правоохранительных органов, связанную с мерами пресечения. В статье на основе проведенного теоретического анализа с учетом существующей международной практики рассматривается новая для российского законодательства мера пресечения в виде запрета определенных действий. Автор, анализируя положения статьи 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в редакции от 18 апреля 2018 г., приходит к выводу о том, что мера пресечения в виде запрета определенных действий является модифицированным вариантом домашнего ареста. При этом подчеркивается, что законодатель, не устранив имеющиеся проблемы применения домашнего ареста, создал новые, излишне усложняющие деятельность властных субъектов уголовного процесса и нарушающие права участников уголовного судопроизводства. В статье подвергаются анализу запреты, возлагаемые судом на подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) при избрании меры пресечения, предусмотренной статьей 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Аргументируется необходимость дальнейшего исследования вопросов, связанных с применением запрета определенных действий, а также внесения изменений в отечественное уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: мера пресечения; запрет определенных действий; домашний арест; подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; постановление суда; уголовное наказание; законодательство.

NEW MEASURE OF RESTRAINT IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The norms of criminal procedure legislation, regulating the activities of law enforcement officers connected with the measures of restraint, are regularly amended. Basing on the theoretical analysis and taking into account the existing international practice, a measure of restraint in the form of the prohibition of certain actions, new for the Russian legislation, is considered in the article. Analyzing the provisions of Article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, amended on April 18, 2018, the author comes to the conclusion that the measure of restraint in the form of the prohibition of certain actions is a modified version of such measure of restraint as the house arrest. It is emphasized that the legislator has not eliminated the existing problems of the use of house arrest, but has created the new ones that complicate the activities of the authorities of the criminal process and violate the rights of participants in criminal proceedings. The prohibitions imposed by the court on the suspect, accused (defendant) when choosing a measure of restraint provided by Article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed in the article. The need for further scientific study of the issues related to the application of the prohibition of certain actions, as well as amendments to the domestic criminal procedure legislation, is substantiated.

Keywords: measure of restraint; prohibition of certain actions; house arrest; suspect; accused; defendant; court decision; criminal penalty; legislation.

Вопросы, связанные с применением в уголовном судопроизводстве мер пресечения, ограничивающих неприкосновенность и свободу человека, уже не раз подвергались научному исследованию применительно к различным стадиям уголовного процесса.

Вместе с тем они не утратили своей актуальности и в настоящее время, поскольку ряд вопросов носит дискуссионный характер, некоторые требуют принципиально нового подхода и осмысления в связи с социально-экономическими преобразованиями, происходящими в Российской Федерации. Кроме того, законодатель, признав незавершенной попытку систематизации мер пресечения, предпринятую в 2001 г. в связи с принятием УПК РФ, продолжает реформировать главу XIII данного кодекса посредством регулярного внесения изменений, регламентирующих деятельность сотрудников правоохранительных органов, связанную с мерами пресечения.

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. N 72-ФЗ дополнил УПК РФ новой мерой пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ)*. По мнению К.Б. Калиновского, запрет определенных действий будет востребованной у правоприменителей мерой пресечения, восполнившей существующий дефицит [1, с. 9].

Авторы законопроекта, внесенного в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации еще в 2015 году, в пояснительной записке отмечают, что новая мера пресечения должна стать альтернативой содержанию под стражей и «частью общего тренда на гуманизацию уголовного правосудия»**.

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18 апр. 2018 г. N 72-ФЗ // Рос. газ. 2018. 20 апр.

** О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста): пояснительная записка к проекту Федерального закона // Законотворчество: единая государственная автоматизированная система. 2017. URL: <http://www.duma.gov.ru>

Вместе с тем необходимо заметить, что в соответствии с УПК РФ применяется мера пресечения в виде домашнего ареста, которая по замыслу законодателя и является альтернативой мере пресечения в виде заключения под стражу. Она предназначена для уменьшения количества лиц, содержащихся в следственных изоляторах. При этом на протяжении нескольких лет законодателем предпринимаются попытки ее усовершенствования путем устранения проблем, возникающих в правоприменительной практике. Например, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ в ст. 107 УПК РФ внесены изменения, регламентирующие процессуальный порядок применения меры пресечения в виде домашнего ареста***. Кроме того, дополнительные разъяснения даны в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»****. Предпринятые в этом направлении усилия, в том числе законодательные, привели к увеличению за последние несколько лет доли домашнего ареста в общем количестве избранных мер пресечения (см. рис.)*****.

Однако, рассматривая меры пресечения в целом, необходимо констатировать, что домашний арест так и не стал реальной альтернативой заключению под стражу. В процентном соотношении за 2015-2017 гг. доля ходатайств об избрании домашнего ареста в общей массе ходатайств об избрании мер пресечения, удов-

*** О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ // Рос. газ. 2012. 14 февр.

**** О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. N 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. N 2.

***** Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2015-2017 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

летворенных судами, не превысила 4 % (за 2010-2014 гг. — 2,43 %). Таким образом, ни ожидания, ни усилия законодателя не оправдались, поскольку государственные органы и должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, отдают предпочтение другим мерам пресечения, а именно заключению под стражу и подписке о невыезде. Аналогичную точку зрения о том, что домашний арест и залог не стали альтернативой заключению под стражу, высказывает А.В. Квык, приводя следующие статистические данные: в 2017 году с ходатайством следователя об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения суды согласились в 113 260 случаях, залога — в 113, домашнего ареста — в 6442 [2, с. 35].

Очевидно, что введение в УПК РФ новой меры пресечения в виде запрета определенных действий является не чем иным, как очередной попыткой законодателя оптимизировать применение мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. При этом в качестве одной из целей авторы законопроекта указывают экономию средств федерального бюджета, затрачиваемых на содержание лиц в следственных изоляторах*.

Рассмотрение запрета определенных действий как меры пресечения следовало бы начать с изучения исторического аспекта, позволяющего в процессе научного исследования вопросов прошлого выявить их актуальность для настоящего. Однако

* Кроме того, в качестве целей авторы законопроекта выделяют: обеспечение прав личности, соблюдение международных правовых норм и др.

применительно к рассматриваемой мере пресечения сделать это невозможно, поскольку ранее в уголовном процессе Российской Федерации она не существовала.

Как отмечает А.В. Квык, мера пресечения, введенная в УПК РФ Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. N 72-ФЗ, не была из-

вестна ни советскому, ни российскому уголовно-процессуальному законодательству, ни законодательству постсоветских республик [2, с. 35].

Учитывая данное обстоятельство, остановимся на существующем опыте применения запрета на совершение определенных действий в международной практике; законодательстве Российской Федерации, регламентирующем иные сферы жизнедеятельности человека (не уголовно-процессуальные), а также рассмотрим ранее высказанные по данной проблематике предложения российских ученых.

Уголовное и административное законодательство отдельных зарубежных стран предусматривает в качестве наказания запрет осужденному (нарушителю) приближаться к потерпевшему (иному лицу), устанавливая с ним контакт. Например, суд одного из британских городов запретил мужчине, совершавшему хулиганские действия в городском парке в отношении женщин, в течение пяти лет приближаться к ним «на открытом воздухе» [3, с. 30]. Уголовный кодекс Испании содержит указание о возможности назначения в качестве наказания запрета осужденному находиться в местности, где им совершено преступление, или там, где проживает жертва преступления.

В Соединенных Штатах Америки дополнительные ограничения в отношении подозреваемого, подсудимого допускаются при избрании меры пресечения в виде залога. Например, возможно ограничение перемещения лица за пределы одного штата, запрет на приближение или общение. Аналогичный подход, предусматри-

вающий ограничения и запреты в рамках применения мер пресечения в виде залога, домашнего ареста, существует в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Молдовы, Республики Беларусь, Латвийской Республики [2, с. 35].

Согласно УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК) запрет на приближение относится к иным мерам процессуального принуждения. Например, в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого вместо мер пресечения или наряду с ними может быть избрана иная мера процессуального принуждения – запрет на приближение, состоящая в «ограничении разыскивать, преследовать, посещать, вести телефонные переговоры и общаться иными способами с потерпевшим и другими лицами, участвующими в деле» (ст. 165 УПК РК). Целью применения иной меры процессуального принуждения в данном случае является защита потерпевших и иных лиц, участвующих в деле. При этом интересной особенностью является возможность при избрании любой меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, дополнительно возложить на подозреваемого, обвиняемого, подсудимого одну или несколько обязанностей, предусмотренных отдельной статьей УПК РК: не общаться с определенными лицами, не посещать определенные места, не покидать место жительства, носить электронные средства слежения и т.д. (ст. 140 УПК РК).

М.Н. Малеина, рассматривая запрет на приближение и запрет на установление контакта с потерпевшим как способы защиты личных неимущественных прав, приходит к выводу, что соответствующие дополнения необходимо внести в Гражданский кодекс Российской Федерации. Кроме того, ученый отмечает, что ограничение контакта в качестве защиты уже существует в семейном праве. Например, ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации предусматривает применение судом ограничения контактов родителя и ребенка, если общение причиняет вред (психический, физический) здоровью последнего [3, с. 32, 29].

Изучив существующий в международной практике опыт применения запрета на совершение определенных действий, а также рассмотрев суждения отдельных

ученых по данной проблематике, можно сделать вывод, что авторы законопроекта, дополнившего УПК РФ новой мерой пресечения, «пошли своим путем», взяв за основу конструкцию ст. 107 УПК РФ и накопленный опыт применения такой меры пресечения, как домашний арест. Очевидно, что при подобном подходе, не устранив имеющиеся проблемы, законодатель создал новые, которые повлекут споры среди ученых-процессуалистов, а также излишне усложнят деятельность властных субъектов уголовного процесса, следствием чего станет нарушение прав участников уголовного судопроизводства и ненадлежащая защита их интересов.

Часть 6 ст. 105.1 УПК РФ предусматривает, что суд при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить на подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) следующие запреты:

1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Таким образом, новыми являются запреты, указанные в пп. 2, 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Следовательно, неразрешенными остаются следующие проблемы:

1) в пункте 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ законодатель по аналогии с п. 1 ч. 7 ст. 107 УПК РФ указывает на жилое помещение, определение которого дано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законо-

дательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», в то время как в п. 10 ст. 5 УПК РФ закреплено понятие «жилище».

Подобный подход ограничивает права подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, проживающих в условиях, когда помещения для удовлетворения бытовых нужд расположены вне дома, но на одном с ним земельном участке (уличный туалет, баня).

При этом оставлена без внимания сложившаяся практика, в соответствии с которой в качестве жилого помещения суды рассматривают не только здание дома, но и домовладение, используя этот термин в постановлениях.

Например, Красноармейский городской суд Саратовской области, продляя срок домашнего ареста Ф., указал в постановлении, что ему запрещен выход за пределы домовладения (дом с приусадебным земельным участком) [4, с. 38];

2) в пункте 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ предусмотрен запрет «общаться с определенными лицами», ранее содержащийся в п. 2 ч. 7 ст. 107 УПК РФ. Суть подобного запрета состоит в исключении контактов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого с любыми лицами или только теми, в отношении которых судом наложены ограничения.

Например, судом в отношении обвиняемого Б. при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста был установлен запрет общаться со всеми лицами, за исключением мамы, адвоката, тети, соседки [5].

Однако, если с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым в одном помещении проживают родственники (третьи лица), то суды фактически ограничивают и их права на общение. При этом правоприменители сталкиваются с проблемой несогласия со стороны родственников, проживающих вместе с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым на контроль за их частной жизнью (жилищем) со стороны уголовно-исполнительной инспекции.

В.В. Олейник предлагает предусмотреть в УПК РФ возможность наложения ограничений на общение не только в отношении участника уголовного процесса, к которому применяется мера пресечения, но и в отношении проживающих с ним

лиц. При их несогласии мера пресечения, предусматривающая отсутствие общения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого с определенными лицами, применяться не должна. Подобный подход позволил бы обеспечить реализацию запрета, указанного в п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в том виде, в котором его предусмотрел законодатель [6, с. 156].

Вместе с тем необходимо обратить внимание, что В.В. Олейником оставлены без рассмотрения основания ограничения конституционных прав граждан, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, а лишь проживающих совместно с лицом, в отношении которого применяется мера пресечения;

3) в пункте 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ законодатель по аналогии с п. 4 ч. 7 ст. 107 УПК РФ указывает на запрет использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

Например, суд установил обвиняемому М. в качестве одного из запретов получение и отправку корреспонденции через электронные средства связи и Интернет [5].

Правоприменители считают указанный запрет неэффективным, поскольку на современном этапе развития средств связи и Интернета создать контроль за поведением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого им представляется затруднительным.

Нами обозначена лишь часть существующих проблем, связанных с запретами и ограничениями при применении меры пресечения в виде домашнего ареста, с которыми правоприменители столкнутся и при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Что же касается новых запретов, указанных в пп. 2, 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, то необходимо констатировать, что и они вызвали неоднозначную оценку среди ученых-процессуалистов и правоприменителей.

А.В. Квык, считает, что перечень запретов следовало оставить открытым, предусмотрев право суда запретить совершать «иные действия», а не дублировать в ст. 105.1 УПК РФ ограничения, применявшиеся при домашнем аресте [2, с. 36]. Только так, по его мнению, можно сократить коли-

чество избираемых мер пресечения в виде заключения под стражу [2, с. 36].

Анализируя п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, К.Б. Калиновский приходит к выводу, что запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством относится к психическому принуждению*, поэтому законодатель не засчитывает его в срок наказания [1, с. 9]. Однако указанный подход, по мнению автора, противоречит постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. N 12-П, поскольку не соответствует требованию соизмеримости мер уголовно-процессуального принуждения и возможного наказания**. К.Б. Калиновский предлагает учитывать срок применения запрета, предусмотренного п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, при назначении наказания, связанного с лишением права управлять транспортным средством [1, с. 9].

Правоприменители высказывают сомнения относительно возможности применения одного из запретов, предусмотренных п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а именно: «находиться ближе установленного расстояния до определенных объектов». Разделяя их сомнения, уместно привести пример из адвокатской практики Й. Энгельманна***.

Суд вынес в отношении С. решение о запрете приближаться к Е. на расстояние менее 25 метров. Однажды вечером

* Запрет выходить за пределы жилого помещения К.Б. Калиновский относит к физическому принуждению, остальные виды запретов, указанные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, — к психическому принуждению.

** По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. N 12-П // Официальный интернет-портал правовой информации (государственная система правовой информации). 2018. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

*** В Германии в судебном порядке может быть вынесено решение о запрете на приближение для защиты свидетелей и других участников в уголовном процессе; для защиты жизни, здоровья, свободы и покоя какого-либо лица в гражданском процессе (судом по семейным делам).

(в темное время суток) Е. вызвала полицию, сообщив, что она подошла к балконной двери и увидела С., который стоял напротив и фотографировал ее. Поскольку квартира находится на первом этаже, то расстояние составляло лишь несколько метров. С. утверждал, что после вынесения судебного решения о запрете он к Е. не приближался. Он пояснил адвокату, что в указанный вечер проходил мимо, обходя дом с боковой стороны, и ближе чем на 40 метров к балконной двери не подходил. В связи с отсутствием достаточных доказательств нарушения установленного запрета адвокат добился закрытия дела по § 170 Уголовно-процессуального кодекса Германии [7].

Контроль за соблюдением подозреваемым, обвиняемым, подсудимым запретов, в том числе запрета находиться ближе установленного расстояния до определенных объектов, возлагается на один из контролирующих органов, указанных в ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ. При этом могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень которых утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. N 134****.

Подобная конструкция ст. 105.1 УПК РФ, по нашему мнению, противоречит финансово-экономическому обоснованию к законопроекту, в котором отмечается, что избрание и применение меры пресечения в виде запрета определенных действий «не повлечет за собой изменений финансовых обязательств государства и его реализация не потребует дополнительных расходов, покрываемых за счет федерального бюджета». Очевидно, что если рассматривать запрет определенных действий в качестве альтернативы содержания под стражей, то необходимы дополнительные финансовые затраты на

**** О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений: постановление Правительства РФ от 18 февр. 2013 г. N 134 // Рос. газ. 2013. 22 февр.

обеспечение физической и технической возможности осуществления контроля за соблюдением ограничений, предусмотренных законодательством.

Например, В.Г. Киршин приводит данные о стоимости электронного браслета — 115 850 рублей [8, с. 197]. Конечно, можно скептически отнестись к подобным финансовым затратам, так как в рамках расследования уголовного дела об «афере с электронными браслетами» было установлено, что ФСИН России платила по 108 000 рублей за каждый стационарный браслет (128 000 рублей за браслет, позволяющий отслеживать перемещения лица за пределами дома) незаконно, и рыночная стоимость одного устройства составляет около 19 000 рублей [9]. Однако необходимость дополнительных финансовых затрат на обеспечение контроля за лицами, в отношении которых применяется новая мера пресечения в виде запрета определенных действий, отрицать бессмысленно.

Как отмечает Г.О. Красовский, мера пресечения в виде надзора позволяет экономить деньги государства при условии, что за надзор платит сам подозреваемый. В качестве примера он приводит дело по обвинению Д. Стросс-Кана (США), которого суд обязал оплатить работу службы мониторинга и суда, если последний хочет содержаться не в камере, а под домашним арестом [10].

Подобный подход, на наш взгляд, неприменим в УПК РФ, поскольку нарушает равенство подозреваемых, обвиняемых, подсудимых перед законом, ставя его в зависимость от финансового положения лица.

В завершение выделим еще ряд проблемных моментов, связанных с процессуальным порядком применения в качестве меры пресечения запрета определенных действий, требующих научного изучения:

1) в соответствии с ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ запрет определенных действий применя-

ется при невозможности избрания иной, более мягкой меры пресечения. Однако относительно залога как меры пресечения, предусмотренной ст. 106 УПК РФ и являющейся более строгой по сравнению с мерой пресечения, предусмотренной ст. 105.1 УПК РФ, такого указания не содержится;

2) на основании ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ срок применения запрета устанавливается только в отношении ограничения времени выхода за пределы жилого помещения. Для иных же запретов от суда не требуется ни устанавливать срок применения, ни продлевать его. Вместе с тем п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ (например, запрет посещения общественных мест) может создать условия, являющиеся препятствием для выхода лица за пределы жилого помещения, то есть аналогичные указанным в п. 1 ч. 6 ст. 105 УПК РФ;

3) в части 3 ст. 105.1 УПК РФ законодатель указывает на необходимость приведения в постановлении мотивов и оснований установления запретов. Однако если под мотивами понимать потребность в определенном виде запрета, то не ясно, что понимать под основаниями применения запретов. Очевидно, что это нечто иное, чем основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ.

Подводя итог, следует отметить:

1. Мера пресечения в виде запрета определенных действий является модифицированным вариантом ст. 107 УПК РФ (домашний арест). При этом законодатель, не устранив имеющиеся проблемы применения домашнего ареста, добавил новые, которые излишне усложняют деятельность властных субъектов уголовного процесса и нарушают права участников уголовного судопроизводства.

2. Представляется целесообразным продолжить научное изучение вопросов, связанных с применением ст. 105.1 УПК РФ, положений уголовно-процессуального законодательства, устанавливающих запрет определенных действий.

Список литературы

1. Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. N 6. С. 9.
2. Квык А.В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. N 7. С. 34-40.
3. Малеина М.Н. Запрет на приближение и (или) установление других контактов нарушителя с потерпевшим гражданином как способ защиты личных неимущественных прав // Законодательство. 2012. N 2. С. 29-32.
4. Власенко Н.В. Проблемы применения домашнего ареста в качестве меры пресечения // Уголовный процесс. 2012. N 9. С. 36-41.
5. Залог, домашний арест: становление практики. URL: <http://www.mosuruslugi.ru/articles> (дата обращения: 30 июля 2018 г.).
6. Олейник В.В. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе на современном этапе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. N 1 (43). С. 153-160.
7. Энгельманн Й. Уголовное наказание за нарушение запрета на приближение в Германии. URL: <http://www.advokat-engelmann.de/index.phpdo> (дата обращения: 31 июля 2018 г.).
8. Киршин В.Г. Актуальные проблемы гуманизации применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального законодательства при расследовании преступлений: материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26 октября 2012 г. М., 2012. С. 189-197.
9. Александра Реймера осудили за браслеты // Коммерсантъ. 2017. 15 июня. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 31 июля 2018 г.).
10. Российским подозреваемым придумали американское наказание // Взгляд. 2018. 5 апр.

References

1. Kalinovskiy K.B. Zapret opredelennyh deystviy kak mera presecheniya [The prohibition of certain actions as a measure of restraint]. Ugolovniy protsess – Criminal process, 2018, no. 6, p. 9.
2. Kvyk A.V. Zapret opredelennyh deystviy: chto nuzhno znat' o novoy mere presecheniya [Prohibition of certain actions: what you need to know about the new measure of restraint]. Ugolovniy protsess – Criminal process, 2018, no. 7, pp. 34-40.
3. Maleina M.N. Zapret na priblizhenie i (ili) ustanovlenie drugih kontaktov narushitelya s poterpevshim grazhdaninom kak sposob zashchity lichnyh neimushchestvennyh prav [The ban on the approach and (or) establishment of other contacts of the offender with the injured citizen as a way of protecting personal non-property rights]. Zakonodatel'stvo – Legislation, 2012, no. 2, pp. 29-32.
4. Vlasenko N.V. Problemy primeneniya domashnego aresta v kachestve mery presecheniya [Problems of applying home arrest as a preventive measure]. Ugolovniy protsess – Criminal process, 2012, no. 9, pp. 36-41.
5. Zalog, domashniy arest: stanovlenie praktiki [Pledge, home arrest: the formation of practice]. Available at: <http://www.mosuruslugi.ru/articles> (Accessed July 30, 2018).
6. Oleynik V.V. Domashniy arest kak mera presecheniya v ugolovnom protsesse na sovremennom etape [Home arrest as a measure of restraint in the criminal process at the present stage] Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice, 2018, no. 1 (43), pp. 153-160.
7. Engel'mann Y. Ugolovnoe nakazanie za narushenie zapreta na priblizhenie v Germanii [Criminal punishment for violation of the ban on approaching in Germany]. Available at: <http://www.advokat-engelmann.de/index.phpdo> (Accessed July 31, 2018).
8. Kirshin V.G. Aktual'nye problemy gumanizatsii primeneniya mer presecheniya v ugolovnom sudoproizvodstve [Actual problems of the humanization of the application of preventive measures in criminal proceedings]. Aktual'nye problemy primeneniya norm ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva pri rassledovanii prestupleniy [Actual problems of applying the norms of the criminal procedural legislation in the investigation of crimes]. Moscow, 2012. Pp. 189-197.
9. Aleksandra Reymera osudili za braslety [Alexander Reimer was convicted for bracelets]. Komersant' – Komersant, 2017, 15 June. Available at: <https://www.kommersant.ru> (Accessed July 31, 2018).
10. Rossiyskim podozrevaemym pridumali amerikanskoe nakazanie [Russian suspects came up with American punishment]. Vzglyad – Sight, 2018, 5 April.

ЮЛБЕРДИНА Л.Р., YULBERDINA L.R.,
Lira-y@yandex.ru Lira-y@yandex.ru
Кафедра гражданского права и процесса; Chair of civil law and procedure;
Стерлитамакский филиал Sterlitamak Branch
Башкирского государственного of Bashkir State University,
университета, Lenin Ave. 49, Sterlitamak, 453103,
453103, г. Стерлитамак, просп. Ленина, 49 Russian Federation

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ КАК СРЕДСТВО ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. Автором статьи исследуется протокол судебного заседания как основное средство фиксации уголовно-процессуальных действий в суде. Выделяются признаки, отличающие его от других доказательств. Протокол является основным средством фиксации судебного заседания, поскольку закрепляет все исследованные судом доказательства, порядок их исследования, а также совершение всех остальных процессуальных действий. Констатируется, что учеными-процессуалистами протоколу судебного заседания как доказательству и основному средству фиксации уголовно-процессуальных действий уделяется недостаточно внимания. При этом отмечено, что к теории доказывания и фиксации доказательств сформировался подход, отличающийся от существовавшего в советский период. Так, в настоящее время внимание ученых приковано к исследованию возможных вариантов усложнения общепринятых правил и внедрению технических средств уголовно-процессуальной фиксации. Как показывает практика, применение видеозаписи в уголовном процессе имеет свои особенности, требующие всестороннего изучения. В статье рассматриваются проблемы, связанные с применением технических средств уголовно-процессуальной фиксации, практика реализации норм статей 241 и 256 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также перспективы внедрения видеозаписи в уголовный процесс.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная фиксация; протокол судебного заседания; уголовный процесс; суд; доказательства.

COURT RECORD AS A MEANS OF FIXING THE CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The author of the article analyzes the court record as the primary means of fixing the criminal proceedings. It is emphasized that its essence is different from other proofs. The record is the main means of fixing the court hearing, since it fixes all the evidence examined by the court, the procedure for their examination, as well as performing other procedures. It is stated that the scientists engaged in research in the field of criminal procedure do not pay sufficient attention to the court record as the evidence and the primary means of fixing the criminal proceedings. It is noted that the approach to the theory of proof and fixing evidence, different from the one that existed in the Soviet period, was formed. So, at present, the attention of scientists is focused on the study of possible variants of the complication of the generally accepted rules and the introduction of technical means of criminal proceedings fixation. As practice shows, the use of video recording in criminal proceedings has its own characteristics that require a comprehensive study. The article deals with the problems connected with the use of technical means of fixing the criminal proceedings, the practice of implementing the provisions of articles 241 and 256 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the prospects for introducing video recording in the criminal process.

Keywords: fixing the criminal proceedings; court record; criminal process; trial; evidence.

Расследование и разрешение уголовного дела судом по существу невозможно без обязательной фиксации производимых процессуальных действий и принимаемых решений в установленной законом документальной форме. Понятие «фиксация доказательств» традиционно исследуется учеными в криминалистическом и процессуальном аспектах. Процессуальная

составляющая термина «фиксация доказательств» заключается в удостоверительной деятельности субъекта доказывания, криминалистический же аспект понятия фиксации доказательств носит содержательный характер.

В советский период активно обсуждались вопросы природы доказательств, в частности, концепции их формирования.

Одни авторы сводили фиксацию доказательств (доказательственной информации) к собиранию доказательств, другие, напротив, говорили о невозможности отождествления этих понятий.

По мнению С.А. Шейфера, «фиксация доказательств — система действий следователя (суда), направленных на преобразование воспринятых фактических данных в форму, обеспечивающую сохранение и использование этих данных в целях доказывания» [1, с. 185].

Фиксация доказательств — это система действий по запечатлению в установленных законом формах фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, а также условий, средств и способов их обнаружения и закрепления [2, с. 106].

Е.А. Грохотова и Н.И. Танкова рассматривают фиксацию (в контексте уголовного процесса) как систему осуществляемых в соответствии с уголовно-процессуальным законом действий следователя, направленных на преобразование воспринятой им доказательственной информации в форму, обеспечивающую максимально полное сохранение и использование полученных данных в целях доказывания. [3, с. 76]. Полагаем, что уголовно-процессуальная фиксация как понятие гораздо шире и не сводится только к действиям следователя и процессу доказывания.

В.Е. Шабалин определяет понятие документальной фиксации доказательств как «...производимую с соблюдением процессуальных правил и с помощью средств и приемов криминалистики деятельность по отражению посредством общепонятных знаков в уголовно-процессуальных документах сообщений допрашиваемых лиц и материальных признаков, и свойств, и предметов с целью их сохранения и передачи адресату доказывания» [4, с. 6].

Не все ученые-процессуалисты разделяют мнение о том, что фиксация (закрепление) доказательств является составной частью их собирания. По мнению Е.Е. Подголина, являясь элементом деятельности по передаче фактических данных адресату доказывания, фиксация доказательств выходит за рамки их собирания [5, с. 4]. Некоторые ученые под фиксацией доказательств понимают систему действий по

запечатлению в установленных законом формах фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, а также условий, средств и способов их обнаружения и закрепления [6, с. 268].

«Пока доказательство не рассмотрено и не закреплено процессуально, — пишет М.С. Строгович, — нельзя утверждать, что доказательство действительно обнаружено, так как еще неизвестно, что именно обнаружено и является ли действительно доказательством то, что обнаружено» [7, с. 302].

Полагаем, что в настоящее время следует расширить классическое представление о формах уголовно-процессуальной фиксации, поскольку сегодня активно используется сочетание разных форм (протоколирование с использованием технических средств), и говорить о комбинированных формах фиксации доказательственной информации.

Под фиксацией доказательств можно понимать регламентированную уголовно-процессуальным законодательством систему действий прокурора, следователя, дознавателя и суда по закреплению при помощи процессуальных средств и методов воспринятой информации о совершенных преступных действиях с целью правильного разрешения уголовного дела.

Протокол судебного заседания, с одной стороны, является доказательством согласно ст. 74 УПК РФ, с другой — основным средством процессуальной фиксации. Полагаем, что в основе двоякой природы протокола лежит многолетний спор о природе доказательства, источника доказательства.

По мнению Ю.А. Веселовой, УПК РФ содержит двоякое толкование доказательств [8, с. 23-24]. С одной стороны, он закрепляет понятие (доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела), с другой — определяет, что именно относится к доказательствам (показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и

показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы).

С.А. Шейфер подвергает критическому анализу термин «источник доказательств», которым обозначают явления, предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Их следует именовать не источниками, а видами доказательств [9, с. 16]. При этом следует согласиться с мнением И.А. Поповой о том, что «в науке уголовного процесса немало проблем порождено методологически уязвимым определением понятия уголовно-процессуальных доказательств (ст. 74 УПК РФ). Таким определением, в котором “доказательствами-сведениями” названы показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы и документы. Источники же доказательств в понятийном аспекте утратили свое самостоятельное значение» [10, с. 8].

Представляется обоснованной точка зрения З.Т. Гулкевич, в соответствии с которой протоколы следственных действий фиксируют и удостоверяют в предусмотренной УПК РФ письменной форме условия, содержание и результаты проводимых следственных действий [11, с. 270]. Органы предварительного расследования не являются единственными субъектами доказывания. Следователь (дознатель) получает необходимую информацию о доказательственных фактах, непосредственно исследуя следы преступления, преобразуя их в определенную процессуальную форму посредством передачи воспринимаемых данных. Доказательства получают не во время их фиксации должностным лицом, а при взаимодействии преступления с внешней средой [12, с. 138-139]. Полагаем, что речь здесь должна идти о следах преступления, а не о доказательстве. Доказательство нельзя считать полученным без его процессуального закрепления.

Не затрагивая существо спора о природе доказательства, следует отметить, что процессуальная фиксация в любом случае сохраняет свое значение независимо от того, что считать доказательством. Протокол судебного заседания имеет отличную от других доказательств природу, поскольку отражает не только уголовно-правовую составляющую рассматриваемого судом

преступления, но и процессуальное содержание действий суда и участников при рассмотрении дела [13, с. 74].

Протокол судебного заседания — основная форма документальной фиксации доказательств в уголовном процессе, единственный способ проверки соблюдения справедливой процедуры судебного разбирательства, гарантий прав участников процесса, способ контроля вышестоящей инстанцией законности и обоснованности приговора.

Однако на практике возникает большое количество спорных моментов, связанных с правильностью отраженных в протоколе сведений, соблюдением процедуры удостоверения замечаний на протокол и рассмотрением доводов в связи с допущенными нарушениями процедуры судебного разбирательства вышестоящим судом. Большинство исследователей видят решение настоящей проблемы в применении технических средств.

В контексте совершенствования жизнедеятельности человека, развития электронного судопроизводства приобретает актуальность модернизация уголовного процесса и предпочтение технических средств уголовно-процессуальной фиксации (аудиозаписи, видеозаписи, аудиопротоколирования). Например, по мнению С.В. Зуева, электронное уголовно-процессуальное доказывание — это не миф, а реальное будущее, одним из аспектов которого является законодательное закрепление и детальная регламентация фиксации проведения любого процессуального действия (включая поступление заявления о преступлении, производство следственных действий, осуществление судебного заседания, составление и объявление приговора и т.д.) с помощью электронных технических средств [14, с. 159]. К основным характеристикам технической фиксации, выделяющим ее в сравнении с другими формами, относятся: полнота, беспристрастность и достоверность получаемой информации.

Разработчики автоматизированной программы протоколирования судебных заседаний выделяют ее преимущества [15]. Во-первых, повышение качества составляемого протокола, поскольку секретарь судебного заседания получит возможность сверить речь выступающего с видеоизображением

и исключить ошибки, связанные с присвоением авторства слов тому или иному участнику заседания. Во-вторых, синхронизация текстового протокола с видеоизображением сделает архив протоколов судебных заседаний мощным инструментом для последующих расследований. Видеоархив может быть самостоятельным источником доказательной базы. В-третьих, наличие видеоконтроля за проведением судебного заседания дисциплинирует всех его участников, включая наблюдателей. В-четвертых, видеоархив с протоколом судебных заседаний может быть опубликован, а также использован в качестве дидактического материала для студентов юридических специальностей. Внедрение видеозаписи в дополнение к комплексу аудиозаписи и протоколирования судебных заседаний существенно расширяет функциональные возможности подготовки и использования протокола как источника информации [15].

Таким образом, необходимо отметить, что перспектива развития протоколирования в современных условиях видится автором в применении комбинированных способов фиксации. В частности, необходимо выработать правила для синхронизированного применения текстового протокола с видеозаписью, что позволит выявлять ошибки при составлении письменного протокола и устранять их для последующей оценки в качестве доказательства участниками процесса и судом.

В арбитражном процессе, в отличие от уголовного и гражданского, протокол судебного заседания является дополнительным средством фиксации его хода и результатов, что прямо закреплено в ч. 2 ст. 155 АПК РФ. В части первой этой же статьи в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. установлено: «В ходе каждого судебного заседания арбитражного суда первой инстанции, а также при совершении отдельных процессуальных действий вне судебного заседания ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи и составляется протокол в письменной форме»*. Согласно

* О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2010 г. N 228-ФЗ // Рос. газ. 2010. 2 авг.

этому правилу аудиозапись — это тоже «протоколирование», а составление письменного протокола является обязательным именно как дополнение к аудиопроколированию [16, с. 100].

Следует также отметить, что не все доводы в пользу применения повсеместной аудио- или видеофиксации достаточно обоснованы. Так, на ознакомление с аудиофайлами даже отдельно взятых процессуальных действий необходимо затратить столько же времени, сколько потребовалось для их производства. Очевидно, ни судья, ни вышестоящая инстанция таким временем не располагают. Насколько вышестоящая инстанция будет заинтересована в проверке всех аудиофайлов, остается под вопросом. В связи с этим показательны следующие статистические данные: за 2017 год рассмотрено 176 181 уголовное дело, из них в порядке апелляции пересмотрено 72 940 дел, в кассационном порядке — 4821, а в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации — всего 2**.

Представляется, что проблема заключается не в организации технического процесса внедрения цифровой звукозаписи в современном мире, а в ограничении гласности, точнее, прав, предусмотренных ст. 241 УПК РФ, в случаях, когда судьи неправомерно отказывают в удовлетворении ходатайств о проведении видеозаписи судебного заседания.

В протоколе судебного заседания должны быть отражены ходатайства сторон, мотивы, по которым суд разрешает подобные ходатайства. Однако суд нередко формально подходит к составлению протокола судебного заседания, не включая в протокол сведения о разрешении ходатайств и мотивов. Например, в апелляционной жалобе осужденного содержится следующее: «Судом не исследовались, не рассматривались обращения, доводы, заявления, ходатайства, в том числе о вызове свидетелей защиты, истребовании документов, осмотре вещественных доказательств — изъятых у него денежных средств, либо ходатайства разрешались

** Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/stats>

формально»*. Согласно выводам апелляционной инстанции, «...из протокола судебного заседания следует, что следствие проведено в соответствии с требованиями ст.ст. 273-291 УПК РФ, на основе состязательности сторон, нарушений принципа равноправия сторон не допущено... принятые по результатам рассмотрения замечаний являются достаточно мотивированными, в них указано, почему удостоверена правильность одних замечаний и отклонены другие... Оснований для отмены указанных постановлений суд апелляционной инстанции не усматривает». Протокол судебного заседания нередко отвечает формальным признакам, из которых трудно усмотреть наличие процессуальных нарушений. В связи с этим можно констатировать сложившуюся негативную практику рассмотрения дел:

— судьи не заинтересованы в проведении судебных заседаний с использованием средств видеозаписи:

— судьи злоупотребляют правом, разрешая ходатайства о применении видеозаписи;

— вышестоящая инстанция не проводит в должной мере проверку процессуальных действий нижестоящего суда и не дает им заслуженную оценку;

— протокол судебного заседания на практике не всегда отвечает признакам ст. 259 УПК РФ.

Решение подобных проблем видится не только в реформировании законодательства, но и, прежде всего, в изменении практики применения ст.ст. 241, 256 УПК РФ. Например, в случае отказа в удовлетворении ходатайства о применении видеозаписи необходимо закрепить правило, согласно которому суд должен вынести мотивированное постановление в письменной форме. Кроме того, при вынесении судом определений без удаления в совещательную комнату должны оглашаться и мотивы решения, которые необходимо отражать в протоколе судебного заседания.

Правило о занесении в протокол возражений, которые могут заявить лица,

участвующие в судебном разбирательстве, против действий председательствующего в судебном заседании, позволяет участникам процесса влиять на судебное заседание [17, с. 194]. Порядок рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания также не обеспечивает внесение в него необходимых исправлений. По результатам рассмотрения замечаний председательствующий выносит постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении [17, с. 195]. Как показывает практика, судья может злоупотреблять правом рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания, необоснованно отклоняя принесенные стороной замечания. В связи с этим представляется необходимым внести изменения в ст. 260 УПК РФ, закрепить право участника на принесение замечаний в протокол судебного заседания с правом приобщения к ним материалов аудиозаписи или видеозаписи судебного заседания, осуществляемой стороной судебного разбирательства.

Следует обратить внимание на законодательную неточность в формулировании в УПК РФ таких понятий, как «киносъемка» и «видеозапись». По мнению М.Р. Глушкова, с одной стороны, употребление в тексте УПК РФ термина «видеозапись», а тем более «киносъемка», неоправданно. С другой стороны, замена их на более общие термины порождает новые трудности [18, с. 161]. Полагаем, что более рационально исключить из текста УПК РФ упоминание о киносъемке, оставив «видеозапись», а также использовать понятие «технические средства».

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Основной формой документальной фиксации в суде является протоколирование, а средством протоколирования выступает протокол судебного заседания. Сложилась неправильная практика судов, в соответствии с которой протокол судебного заседания ведется для судьи, рассматривающего дело, служит вспомогательным средством для составления приговора, поскольку отражает в себе воспринятые и исследованные судом доказательства. Однако протокол изготавливается в течение некоторого времени после оглашения решения и может «подгоняться» под вы-

* Приговор от 26 окт. 2017 г. по делу N 22-6309/2017 // Архив Красноярского краевого суда.

несенный приговор. Тем самым протокол судебного заседания утрачивает свое первостепенное значение доказательства. Протокол судебного заседания служит доказательством по уголовному делу, с одной стороны, в той части, в которой отражает информацию о фактических данных, исследованных в судебном заседании, с другой — о соблюдении участниками судопроизводства уголовно-процессуальной формы.

2. Необходим отказ от этого искажения судебной практикой значения протокола судебного заседания. Протокол и фиксация процесса с помощью иных средств служат не только для суда, но и для участников процесса, обеспечивая соблюдение предусмотренных уголовно-процессуальным законом прав и гарантий участников процесса, поэтому и контроль за составлением протокола судебного заседания должен быть соответствующим.

Список литературы

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
2. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: Частные криминалистические теории: пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР. Т. 2. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1978. 410 с.
3. Грохотова Е.А., Танкова Н.И. Новые достижения научно-технического прогресса и фиксация доказательств в уголовном процессе // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 15 лет правоприменения: сб. науч. ст., посвященный 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Курск, 2016. С. 76-81.
4. Шабалин В.Е. Документальная фиксация доказательств (криминалистический и процессуальный аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975. 25 с.
5. Подголин Е.Е. Теория и практика фиксации доказательств на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. 21 с.
6. Рясов А.А., Жигалова Г.Г. Способы фиксации и изъятия компьютерно-технических следов преступления // Мир науки, культуры, образования. 2015. N 5 (54). С. 267-268.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
8. Веселова Ю.А. Протоколирование и дополнительные методы фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 172 с.
9. Шейфер С.А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2008. N 1. С. 12-19.
10. Попова И.А. Совершенствование законодательства, регламентирующего собирание доказательств в уголовном процессе Российской Федерации: актуальные направления современного этапа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 32 с.
11. Гулкевич З.Т. К вопросу о функциях протоколов следственных действий // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. N 1. С. 269-274.
12. Юлбердина Л.Р. Фиксация доказательств в структуре процесса доказывания // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Вологда, 2017. С. 138-139.
13. Юлбердина Л.Р. Особенности протокола судебного заседания как доказательства в уголовном процессе // Право и практика. 2017. N 4. С. 74-78.
14. Зуев С.В. Электронное доказывание по уголовным делам: проблемы нормативного регулирования // Наука ЮУрГУ: материалы 68-й науч. конф. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2016. С. 158-163.
15. Автоматизированная система протоколирования судебных заседаний, разработанная Центром речевых технологий. URL: <https://www.speechpro.ru> (дата обращения: 15 апр. 2018 г.).
16. Тарасов А.А., Юлбердина Л.Р. Протокол судебного заседания: некоторые аспекты современной практики // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2016. N 1. С. 97-101.
17. Юлбердина Л.Р. Протокол судебного заседания как критерий оценки качества судебного разбирательства // Научный альманах. 2015. N 10-4 (12). С. 193-196.
18. Глушков М.Р. Фиксация хода и результатов следственного действия: проблема новых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 12 (73). С. 159-163.

References

1. Sheyfer S.A. Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessual'naya forma [Investigations. System and procedural form]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 208 p.

2. Belkin R.S. Kurs sovetskoj kriminalistiki: Chastnye kriminalisticheskie teorii: posobie dlya prepodavateley, ad'yunktov, soiskateley i slushateley uchebnykh zavedeniy MVD SSSR [The course of Soviet criminalistics: Private forensic theory: a manual for teachers, adjuncts, applicants and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volume 2]. Moscow, Publishing House of the Academy of the Ministry of the Interior of the USSR, 1978. 410 p.

3. Grokhotova E.A., Tankova N.I. Novye dostizheniya nauchno-tehnicheskogo progressa i fiksatsiya dokazatel'stv v ugovnom protsesse [New achievements of scientific and technological progress and fixation of evidence in criminal proceedings]. Uголовно-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: 15 let pravoprimereniya [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: 15 years of law enforcement]. Kursk, 2016. Pp. 76-81.

4. Shabalin V.E. Dokumental'naya fiksatsiya dokazatel'stv (kriminalisticheskiy i protsessual'nyy aspekty). Avtoref. Kand. Diss. [Documentary fixation of evidence (forensic and procedural aspects). Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 1975. 25 p.

5. Podgolin E.E. Teoriya i praktika fiksatsii dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii. Avtoref. Kand. Diss. [Theory and practice of recording evidence during the preliminary investigation. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 1970. 21 p.

6. Ryasov A.A., Zhigalova G.G. Sposoby fiksatsii i iz'yatiya komp'yuterno-tehnicheskikh sledov prestupleniya [Methods of fixation and seizure of computer and technical traces of the crime]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of science, culture and education, 2015, no. 5 (54), pp. 267-268.

7. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsesssa [Course of the Soviet criminal procedure. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 470 p.

8. Veselova Yu.A. Protokolirovanie i dopolnitel'nye metody fiksatsii dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve. Kand. Diss. [Logging and additional methods of fixation of evidence in criminal proceedings. Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2005.

9. Sheyfer S.A. Ponyatie dokazatel'stva kak predmet nauchnoy diskussii [Concept of evidence as the subject of scientific debate]. Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo – Bulletin of Omsk University. Series: The Right. 2008, no. 1, pp. 12-19.

10. Popova I.A. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego sobiranie dokazatel'stv v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii: aktual'nye napravleniya sovremennogo etapa. Avtoref. Kand. Diss. [Improvement of the legislation regulating collecting proofs in criminal process of the Russian Federation: actual directions of the modern stage. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2014. 32 p.

11. Gulkevich Z.T. K voprosu o funktsiyakh protokolov sledstvennykh deystviy [To the question about the function of the protocols of investigative actions]. Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Bulletin of Perm University. Legal science, 2014, no. 1, pp. 269-274.

12. Yulberdina L.R. Fiksatsiya dokazatel'stv v strukture protsesssa dokazyvaniya [Fixation of proofs in the structure of the proof process]. Nauka segodnya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Science today: theoretical and practical aspects. In 2 parts. Part 1]. Vologda, 2017. Pp. 138-139.

13. Yulberdina L.R. Osobennosti protokola sudebnogo zasedaniya kak dokazatel'stva v ugovnom protsesse [Features of the trial record as evidence in criminal proceedings]. Pravo i praktika – Law and practice, 2017, no. 4, pp. 74-78.

14. Zuev S.V. Elektronnoe dokazyvanie po ugovnym delam: problemy normativnogo regulirovaniya [Electronic proving in criminal cases: problems of regulatory regulation]. Nauka YuUrGU [Science SUSU]. Chelyabinsk, South Ural State University, 2016. Pp. 158-163.

15. Avtomatizirovannaya sistema protokolirovaniya sudebnykh zasedaniy, razrabotannaya Tsentrom rechevykh tekhnologiy [Automated system of recording court sessions, developed by the Center for Speech Technology]. Available at: <https://www.speechpro.ru> (Accessed April 15, 2018).

16. Tarasov A.A., Yulberdina L.R. Protokol sudebnogo zasedaniya: nekotorye aspekty sovremennoy praktiki [Court records: some aspects of contemporary practices]. "Chernye dyry" v rossiyskom zakonodatel'stve – "Black holes" in Russian legislation, 2016, no. 1, pp. 97-101.

17. Yulberdina L.R. Protokol sudebnogo zasedaniya kak kriteriy otsenki kachestva sudebnogo razbiratel'stva [The record of the court session as a criterion for assessing the quality of the trial]. Nauchniy al'manah – Scientific almanac, 2015, no. 10-4 (12), pp. 193-196.

18. Glushkov M.R. Fiksatsiya khoda i rezul'tatov sledstvennogo deystviya: problema novykh tekhnologiy [Fixation of the process and results of the investigation: the problem of new technologies]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual problems of Russian law, 2016, no. 12 (73), pp. 159-163.

СУПРУН С.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
s.suprun65@mail.ru
Кафедра уголовного процесса;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск, просп. Комарова, 7

SUPRUN S.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
s.suprun65@mail.ru
Chair of criminal procedure;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior
of the Russian Federation,
Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

ГОРЧАКОВА Е.В.,
Brooks9@rambler.ru
Кафедра уголовного процесса;
Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15

GORCHAKOVA E.V.,
Brooks9@rambler.ru
Chair of criminal procedure;
Far East Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020,
Russian Federation

О РАСШИРЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Аннотация. Авторами статьи исследуются процессуальные полномочия начальника органа дознания. На основании проведенного анализа содержания статьи 40.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сделан вывод о ее нормативной неполноте; отмечено дублирование в кодексе отдельных полномочий начальника органа дознания, например, поручение рассмотрения сообщения о преступлении (пункт 17 статьи 5, часть 1 статьи 144 УПК РФ). Подчеркивается, что начальник органа дознания самостоятельно не составляет процессуальные документы, а только утверждает их. К таким решениям относятся, в частности, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, постановление о передаче сообщения по подследственности, протокол задержания подозреваемого, если они принимаются от его имени (части первые статей 91, 145, 146, 148 УПК РФ). Используя примеры из судебной-следственной практики, авторы обосновывают тезис о том, что для повышения эффективности ведомственного процессуального контроля за законностью производства дознания закрепленный в уголовно-процессуальном законе правовой статус начальника органа дознания в системе МВД России подлежит расширению посредством наделения его дополнительными полномочиями.

Ключевые слова: начальник органа дознания; орган внутренних дел; процессуальные полномочия; процессуальное руководство расследованием преступлений; дознание.

ON THE EXPANSION OF PROCEDURAL POWERS OF THE HEAD OF THE INQUIRY BODY IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. The authors of the article analyze the procedural powers of the head of the inquiry body. Basing on the analysis of the contents of Article 40.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, it is concluded that this article is normatively incomplete. It is noted that the Code contains the overlapping of certain powers of the head of the inquiry body, for example, the order to consider the crime report (point 17 of Article 5, part 1 of Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). It is emphasized that the head of the inquiry body does not draw up procedural documents, but only approves them. Such decisions include, in particular, the decision to refuse to initiate a criminal case, the decision to transfer the crime report to another investigative body, suspect's detention report, if these decisions are taken on his behalf (first parts of Articles 91, 145, 146, 148 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Using the examples from the judicial and investigative practice, the authors of the article substantiate the thesis that in order to increase the efficiency of the departmental procedural control over the legality of carrying out the inquiry, the legal status of the head of the inquiry body in the system the Ministry

of Internal Affairs of Russia enshrined in the criminal procedure legislation should be expanded by giving him additional powers.

Keywords: head of inquiry body; internal affairs bodies; procedural powers; procedural management of crime investigation; inquiry.

С принятием Федерального закона от 30 декабря 2015 г. N 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя»* рассматривать содержание правового положения начальника органа дознания органов внутренних дел стало целесообразно с позиции вновь введенной в УПК РФ ст. 40.2, в которой закреплены его должностные полномочия.

Вышеуказанные изменения имеют положительную тенденцию, поскольку ранее полномочия начальника органа дознания в органах внутренних дел носили больше организационный характер. Однако с момента введения ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания получил значительные полномочия по руководству процессуальной деятельностью дознавателей органов внутренних дел [1, с. 37].

Анализ ст. 40.2 УПК РФ в комплексе с другими нормами уголовно-процессуального закона, регулирующими правовое положение начальника органа дознания органов внутренних дел, позволяет говорить, что его полномочия закреплены во многих нормах УПК РФ, в совокупности образующих правовой институт, наполняющий содержанием процессуальный статус начальника органа дознания. В настоящее время представляется целесообразным на уровне закона в одной статье закрепить содержащиеся в нормах разных статей полномочия начальника органа дознания.

В связи с этим на основе проведенного юридического анализа норм, регламентирующих правовое положение начальника органа дознания, а также материалов судебно-следственной практики представляет интерес аргументация идеи о необходимости расширения процессуаль-

ного статуса начальника органа дознания, закрепленного в ст. 40.2 УПК РФ, посредством предоставления ему дополнительных полномочий:

– на дачу согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства, связанного с избранием, продлением, отменой или изменением меры пресечения, либо на производство иного процессуального действия, которое допускается по судебному решению;

– отмену незаконных и необоснованных постановлений дознавателя, начальника подразделения дознания по уголовным делам.

Согласно п. 17 ст. 5 УПК РФ начальником органа дознания является должностное лицо органа дознания, а также его заместитель. В органах внутренних дел (далее – ОВД) начальниками органа дознания являются начальник ОВД и его заместители. В соответствии с ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам внутренних дел относятся входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции. Их начальники наделены уголовно-процессуальными полномочиями органа дознания. Аналогичными полномочиями на практике обладают их заместители по оперативной работе и охране общественного порядка.

В соответствии с ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания ОВД уполномочен:

1) поручить проверку сообщений о преступлении, принять по ним решение в порядке, который установлен уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, а также осуществить производство дознания и неотложных следственных действий в рамках уголовного дела, при этом лично рассматривая и проверяя сообщения о преступлении;

2) продлить в порядке, закрепленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, срок проверки сообщения о преступлении;

3) провести проверку первоначальных сообщений о преступлении и матери-

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30 дек. 2015 г. N 440-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

алов уголовных дел, которые находятся в производстве органа дознания, дознавателя;

4) дать дознавателю письменное указание относительно выбора направления расследования и производства процессуальных действий;

5) рассмотреть материалы уголовного дела и письменные возражения дознавателя на указания начальника подразделения дознания и принять по ним решение;

6) поручить должностному лицу органа дознания исполнить письменные поручения следователя, дознавателя относительно проведения оперативно-розыскных мероприятий, производства тех или иных следственных действий, исполнения постановления о задержании, привода, заключения под стражу и производства других процессуальных действий, а также оказания содействия в процессе их осуществления;

7) принять решение о производстве дознания посредством привлечения группы дознавателей либо об изменении состава группы дознавателей;

8) вынести постановление о необходимости восстановления дознавателем утраченного уголовного дела, его материалов;

9) вернуть уголовное дело дознавателю, сопроводив его письменным указанием по поводу необходимости производства дополнительного дознания, производства дознания в установленном порядке, а также о необходимости пересоставления обвинительного акта либо обвинительного постановления;

10) утвердить обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу;

11) осуществлять иные полномочия, которые УПК РФ предоставляет начальнику органа дознания.

В научных кругах обсуждается проблема наделения начальника органа дознания в системе МВД России полномочиями по отмене незаконных и необоснованных постановлений дознавателя ОВД [2, с. 167]. Данное право начальника органа дознания до сих пор не нашло закрепления в законе. В соответствии с УПК РФ оно принадлежит прокурору. Реализация прокурором права на отмену незаконных процессуальных решений, закрепленное в п. 6

ч. 2 ст. 37 УПК РФ, позволило органам прокуратуры Российской Федерации только в 2017 г. отменить более 89 тысяч постановлений дознавателей об отказе в возбуждении уголовных дел с последующим их возбуждением, что на 6,7 % больше, чем в 2016 году*.

Обобщение судебной практики рассмотрения судами Амурской области жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ показало, что наиболее часто обжалованию подлежат постановления дознавателей ОВД об отказе в возбуждении уголовных дел (37 жалоб)**.

Тенденция увеличения количества необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел дознавателями подтверждает необходимость укрепления законности, реализации надежных правовых гарантий прав и законных интересов граждан на первоначальном этапе уголовного судопроизводства [3, с. 147].

По мнению А.А. Дядченко, у начальника есть множество полномочий, позволяющих заставить дознавателя принять то или иное решение, например, дать ему указания или изъять уголовное дело [4, с. 197]. Вместе с этим следует согласиться с А.А. Дядченко в том, что отсутствие у начальника органа дознания полномочия на отмену незаконных или необоснованных постановлений дознавателя является очевидным пробелом в уголовно-процессуальном законодательстве, который, по его мнению, «предлагается восполнять внепроцессуальными средствами» [4, с. 198].

В.М. Быков считает, что ведомственный контроль наряду с судебным контролем и прокурорским надзором является правовым институтом, позволяющим обеспечить законность при производстве дознания, поэтому начальник органа дознания, как и начальник подразделения дознания, должен иметь полномочия по устранению выявленных в ходе такого контроля нарушений закона со стороны дознавателя [5, с. 38].

* Анализ данных статистики ГИАЦ МВД России за 2016-2017 гг. См.: URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/>

** Обобщение судебной практики по рассмотрению судами Амурской области жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. URL: http://www.oblsud.tsl.ru/ob/ob_125.doc/2016

Аналогичную позицию занимает Т.В. Валькова. По ее мнению, руководители органа дознания – начальник органа дознания и начальник подразделения дознания – должны самостоятельно вмешиваться, предотвращать и устранять нарушения дознавателем закона путем отмены его незаконных и необоснованных решений [6, с. 10].

Анализируя точки зрения ученых-процессуалистов, следует обратить внимание на недостаточность нормативного регулирования уголовно-процессуальных отношений, возникающих между начальником органа дознания и дознавателем органов внутренних дел, которая порождает определенные трудности при осуществлении ведомственного процессуального контроля и препятствует на ведомственном уровне своевременному выявлению и исправлению ошибок, допущенных дознавателем при расследовании уголовных дел [7, с. 116].

Как отмечалось, в настоящее время правом отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя ОВД наделен прокурор, осуществляющий надзор, в то время как начальник органа дознания ОВД при наличии таких полномочий имел бы возможность устранять нарушения закона до момента утверждения обвинительного акта (постановления) и направления уголовного дела прокурору.

Анализ такого показателя, как возвращение районными прокурорами уголовных дел, направленных сотрудниками подразделений дознания для утверждения обвинительного акта (постановления) в Амурской области, позволил особо отметить некоторые цифры приведенной ниже официальной статистики, свидетельствующие об увеличении количества уголовных дел, возвращенных районными прокурорами для производства дополнительного дознания и пересоставления обвинительного акта.

Так, согласно данным статистической отчетности УМВД России по Амурской области 1-Е за 2017 год, в производстве сотрудников территориальных подразделений дознания УМВД России по Амурской области в 2017 году находилось 17 986 уголовных дел (АППГ – 21 313), то есть в течение года у каждого сотрудника находилось 52,5 уголовных дел.

Из числа находившихся в производстве за 2017 год было направлено прокурору Амурской области для утверждения обвинительного акта (постановления) 6006 уголовных дел (АППГ – 5980), то есть нагрузка на 1 сотрудника по данному направлению оперативно-служебной деятельности составила 14,8 уголовных дел (АППГ – 14,7).

Из этого количества 167 уголовных дел (АППГ – 106) возвращено для производства дополнительного дознания и (или) для пересоставления обвинительного акта, что составляет 2,8 % (АППГ – 1,8 %) от общего количества уголовных дел, направленных прокурору для утверждения обвинительного акта*.

Приведенные сведения подтверждают особую значимость проблемы обеспечения качества дознания и устранения выявленных нарушений до момента утверждения обвинительного акта (постановления) непосредственно начальником органа дознания ОВД, который, в отличие от прокурора, осуществляющего надзор, лишен права на самостоятельное устранение нарушений, допущенных при производстве дознания [8, с. 74]. О необходимости наделения начальника органа дознания данным полномочием свидетельствует и тот факт, что участники досудебного производства нередко направляют жалобы на действия дознавателя ОВД именно начальнику органа дознания ОВД. В частности, предметом обжалования являются:

- постановление о прекращении уголовного дела;
- постановление о возбуждении уголовного дела;
- действия (бездействие) дознавателей по поступившим жалобам, заявлениям;
- постановления, связанные с отменой постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и возбуждением уголовного дела;
- постановления, связанные с отменой постановления о приостановлении предварительного расследования, а также о возобновлении предварительного расследования, и др.

* Данные статистической отчетности УМВД России по Амурской области 1-Е за 2017 год. // Архив УМВД России по Амурской области.

Например, представитель юридического лица, признанного потерпевшим по уголовному делу, 1 ноября 2013 г. обратился к начальнику отдела организации дознания УМВД России по Омской области с жалобой на решение дознавателя о приостановлении дознания по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и на неправильную квалификацию деяния. По жалобе проведена проверка, в ходе которой были выявлены нарушения уголовно-процессуального законодательства. По окончании проверки 3 декабря 2013 г. жалоба была удовлетворена. Наряду с этим на основе результатов проверки были приняты уголовно-процессуальные и административно-процессуальные решения: возобновлено производство дознания по уголовному делу, на дознавателя наложено дисциплинарное взыскание [9, с. 99].

Другим примером может служить жалоба от 18 ноября 2013 г., поданная Н. на имя начальника отдела организации дознания УМВД России по Омской области в связи с приостановлением дознания по уголовному делу, а также недобросовестным затягиванием дела и халатностью дознавателя. В ходе проведенной проверки по жалобе было установлено, что 1 ноября 2013 г. отделом делопроизводства и режима УМВД России по Омской области в соответствии с п. 5 ст. 11 Федерального закона от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»* принято решение о прекращении переписки с заявителем, в связи с чем проверка по существу жалобы не проводилась, и в удовлетворении жалобы было отказано [9, с. 102].

Не отрицая тот факт, что в случае удовлетворения жалобы начальник органа дознания ОВД вправе изъять уголовное дело у дознавателя ОВД и передать его другому дознавателю, указав при этом основание такой передачи, Н.В. Тютина отмечает, что это никак не помогает устранению выявленных нарушений, допущенных дознавателем органов внутренних дел, и не способствует восстановлению законных интересов заявителя, а лишь дает возмож-

ность предупредить нарушения в будущем [8, с. 75].

По мнению В.М. Быкова, начальнику органа дознания должно быть предоставлено право вмешаться и предупредить вынесение незаконного и необоснованного решения дознавателя по уголовному делу, не посягая на права прокурора по надзору за производством дознания, а если такое решение все же имело место, то в распоряжение начальника отдела дознания должны быть предоставлены правовые механизмы, позволяющие его устранить [5, с. 38]. Т.В. Валькова также полагает, что предоставление возможности начальнику органа дознания самому вмешаться и предотвратить вынесение необоснованного и незаконного решения дознавателя по уголовному делу никак не посягает на права прокурора [6, с. 13].

В связи с изложенным считаем, что в целях оперативного реагирования на нарушения законности при производстве дознания начальнику органа дознания ОВД должно быть предоставлено право на отмену незаконных и необоснованных постановлений начальника подразделения дознания и дознавателя ОВД. Разделяя мнение отмеченных авторов, полагаем, что статью 40.2 УПК РФ необходимо дополнить новой нормой, в соответствии с которой начальник органа дознания будет наделен правом на отмену незаконных и необоснованных постановлений по делам, находящимся в производстве подчиненных ему органов дознания, начальников подразделения дознания или дознавателей ОВД.

Дискуссионный характер в юридической литературе приобрела теоретическая проблема, связанная с необходимостью учета мнения начальника органа дознания ОВД об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения в отношении подозреваемого. Согласно ст. 29 УПК РФ отдельные процессуальные и следственные действия, связанные с ограничением конституционных прав и свобод граждан, могут производиться исключительно на основании судебного решения. В случае необходимости принятия одного из решений, указанных в ст. 29 УПК РФ, право на обращение в суд с ходатайством, в частности, об избрании, продлении, отмене или

* О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ: ред. от 3 нояб. 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 19. Ст. 2060; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

изменении меры пресечения дознаватель может реализовать только с согласия прокурора.

В юридической литературе содержится указание на неоднократное упоминание специалистов о необходимости получения, кроме согласия прокурора, еще и согласия начальника органа дознания ОВД на обращение в суд с соответствующим ходатайством. В отдельных случаях такие ходатайства на практике визирует именно начальник органа дознания ОВД. Например, В.М. Быков полагает, что «...начальник органа дознания должен иметь право давать согласие дознавателю на избрание, изменение или отмену меры пресечения в отношении подозреваемого» [5, с. 39].

О.А. Чукаева предлагает наделить такими полномочиями начальника подразделения дознания, и именно ему, а не начальнику органа дознания, предоставить право давать согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, на производство следственных действий, проведение которых требует судебного решения. По мнению указанного автора, «...данные полномочия позволили бы избежать излишних временных издержек и двойного контроля прокурора за производством дознания» [10, с. 19].

Разделяя теоретический подход указанных выше авторов в целом, полагаем, что приоритет в предоставлении права на дачу согласия дознавателю ОВД о возбуждении перед судом ходатайства, связанного с избранием, продлением, отменой или изменением меры пресечения (либо с производством иного процессуального действия, допускаемого по судебному решению), необходимо предоставить начальнику органа дознания ОВД. Данный подход ограничивает полномочия прокурора на дачу согласия для обращения с ходатайством в суд, сохраняя при этом его право на участие в рассмотрении судом ходатайства дознавателя ОВД и высказывание по нему своей юридической позиции (п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. N 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения

полномочий начальника органа дознания и дознавателя» существенно расширил уголовно-процессуальные полномочия начальника органа дознания ОВД на этапе окончания дознания. Законодатель, наделив начальника органа дознания ОВД правом возвращать уголовное дело дознавателю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного дознания (ст. 40.2 УПК РФ), не закрепил основания возвращения уголовного дела для производства дополнительного дознания.

Правовой анализ оснований возвращения уголовных дел, направленных прокурору для утверждения обвинительного акта или обвинительного постановления, основанный на многолетнем практическом опыте работы заместителем начальника отдела дознания ОМВД России по Амурскому району УМВД России по Хабаровскому краю одного из авторов данной статьи, позволяет с уверенностью утверждать, что все основания принятия прокурором решений о возвращении уголовных дел для производства дополнительного дознания или для пересоставления обвинительного акта (постановления) остаются практически неизменными в течение многих лет и сводятся к следующему перечню:

- технические и грамматические ошибки при составлении обвинительного акта;
- невнимательность и личная неорганизованность дознавателей при составлении процессуальных документов;
- нарушение требований уголовно-процессуального законодательства при расследовании преступлений по уголовным делам;
- неполнота проводимого дознания;
- отсутствие должного контроля со стороны руководителей подразделения дознания и органа дознания за процессуальной деятельностью подчиненных сотрудников.

Причем факты повторного возвращения уголовных дел по тем же основаниям не единичны. Примером «рекордного» возвращения (4-кратного) из прокуратуры для производства дополнительного дознания уголовного дела в Амурской области является дело, возбужденное по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, и двух преступлений,

предусмотренных ч. 3 ст. 327 УК РФ, по факту мошенничества в сфере кредитования, по следующим основаниям:

1) 2 июня 2017 г. по уголовному делу не в полном объеме допрошены: представитель банка Т., свидетели М., Б., подозреваемый Р., не изъяты, не осмотрены и не приобщены в качестве вещественных доказательств кредитные договоры;

2) 26 июня 2017 г. по уголовному делу не в полном объеме допрошены те же лица: представитель банка Т., свидетель М., подозреваемый Р., не истребованы необходимые документы из банка;

3) в сентябре 2017 г. в ходе предварительного расследования не устранены противоречия в показаниях Р., проверка доводов подозреваемого не проведена, не истребованы и не приобщены к материалам уголовного дела выписка из ЕГРЮЛ по ООО «Амурлес», не проверена информация о том, что Р. является директором указанной фирмы, не проведены другие следственные действия*.

При этом конкретные основания для возвращения уголовного дела дознавателю нормативно не закреплены, что, на наш взгляд, оказывает негативное влияние на своевременное принятие начальником органа дознания ОВД необходимых мер по выявлению и устранению нарушений дознавателем действующего законодательства при производстве дознания, а также снижает качество дознания по уголовному делу.

По мнению К.А. Трифонова, наличие в действующем УПК РФ правового перечня оснований для возвращения уголовного дела дознавателю для производства дополнительного дознания позволит обеспечить правовые гарантии его законности [11, с. 246].

Обобщая и систематизируя основания возвращения прокурором уголовных дел дознавателям для производства дополнительного дознания, а также опираясь на мнения отдельных ученых-процессуалистов, предлагающих на уровне

закона закрепить основания возвращения уголовных дел, представляется необходимым дополнение пункта 9 ст. 40.2 УПК РФ перечнем оснований возвращения уголовных дел для производства дополнительного дознания в общем или сокращенном порядке. По нашему мнению, он может быть следующим:

1) односторонность и (или) неполнота произведенного дознания;

2) существенные нарушения дознавателем требований УПК РФ;

3) неправильная квалификация деяния, предусмотренного уголовным законом.

Для повышения эффективности ведомственного процессуального контроля за производством дознания, своевременного обнаружения и исправления допущенных дознавателем ошибок, нарушений прав участников дознания предлагается закрепить в ст. 40.2 УПК РФ следующие полномочия начальника органа дознания:

1) дача согласия на возбуждение уголовного дела по делам частного обвинения при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы (ч. 4 ст. 20 УПК РФ);

2) отмена незаконных или необоснованных постановлений дознавателя, начальника подразделения дознания по уголовным делам, находящимся в производстве подчиненного органа дознания;

3) дача согласия на возбуждение перед судом ходатайства, связанного с избранием, продлением, отменой или изменением меры пресечения, либо на производство иного процессуального действия, которое допускается по судебному решению.

Считаем, что реализация данных мер позволит усилить процессуальный статус начальника органа дознания ОВД, повысить эффективность внутриведомственного процессуального контроля за производством дознания, своевременно принимать необходимые меры к восстановлению нарушенных прав и законных интересов участников производства дознания.

* Материалы уголовного дела N 11701080003000991 по обвинению А.А. Б. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159.1, ч. 3 ст. 327, ч. 3 ст. 327 УК РФ // Отдел дознания ОМВД России по Амурскому району. 2017 г.

Список литературы

1. Татьяна Д.В. Полномочия начальника органа дознания в свете положений Федерального закона N 440-ФЗ // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2016. Т. 16. N 4. С. 36-38.
2. Гладышева О.В. Полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Общество и право. 2012. N 5. С. 167-170.
3. Корнакова С.В. Законодательное регулирование порядка отмены постановления следователя о возбуждении уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2015. N 2 (19). С. 147-148.
4. Дядченко А.А. Проблемы законодательной регламентации процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения органа дознания // Общество и право. 2008. N 1. С. 197-200.
5. Быков В.М. Начальник органа дознания как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Следователь. 2009. N 3. С. 38-39.
6. Валькова Т.В., Емельянов К.Н. Процессуальный статус и полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания: метод. рекомендации. Тюмень: Сиб-пресс, 2012. 156 с.
7. Митюкова М.А. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания // Сибирский юридический вестник. 2016. N 2 (73). С. 115-123.
8. Тютин Н.В. Полномочия начальника органа дознания в системе Федеральной службы судебных приставов // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. N 5. С. 74-77.
9. Коротина Е.Н. Об обжаловании действий (бездействия) и решений должностных лиц органов, осуществляющих уголовное преследование // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики: материалы III науч.-практ. конф. Саранск, 22 апреля 2016 г. Саранск, 2016. С. 99-102.
10. Чукаева О.А. К вопросу о расширении процессуальных полномочий начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве // Законодательство и экономика. 2015. N 4. С. 59-62.
11. Трифонова К.А. Основания для производства дознания в общем порядке: соотношение с правовым институтом дополнительного расследования // Бизнес. Образование. Право. 2017. N 2 (39). С. 246-250.

References

1. Tat'yanin D.V. Polnomochiya nachal'nika organa doznaniya v svete polozheniy Federal'nogo zakona N 440-FZ [Powers of the head of the inquiry body in the light of the provisions of Federal Law No. 440-FZ]. Vestnik YuUrGU. Ser.: Pravo – Bulletin of SUSU. The series "Right", 2016, Volume 16, no. 4, pp. 36-38.
2. Gladysheva O.V. Polnomochiya nachal'nika organa doznaniya i nachal'nika podrazdeleniya doznaniya v dosudebnyh stadiyah ugovolnogo sudoproizvodstva [Powers of the head of the inquiry body and the head of the inquiry department in the pre-trial stages of criminal proceedings]. Obshchestvo i pravo – Society and law, 2012, no. 5, pp. 167-170.
3. Kornakova S.V. Zakonodatel'noe regulirovanie poryadka otmeny postanovleniya sledovatelya o vobuzhdenii ugovolnogo dela [Legislative regulation of the order of cancellation of the investigator's decision to open a criminal case]. Biblioteka kriminalista – Library of the criminalist, 2015, no. 2 (19), pp. 147-148.
4. Dyadchenko A.A. Problemy zakonodatel'noy reglamentacii processual'nyh polnomochiy nachal'nika organa doznaniya i nachal'nika podrazdeleniya organa doznaniya [Problems of legislative regulation of procedural powers of the head of the body of inquiry and the head of the subdivision of the body of inquiry]. Obshchestvo i pravo – Society and law, 2008, no. 1, pp. 197-200.
5. Bykov V.M. Nachal'nik organa doznaniya kak uchastnik ugovolnogo sudoproizvodstva so storony obvineniya [Head of the body of inquiry as a participant in criminal proceedings on the part of the prosecution]. Sledovatel' – Investigator, 2009, no. 3, pp. 38-39.
6. Val'kova T.V., Emel'yanov K.N. Protsessual'nyy status i polnomochiya nachal'nika organa doznaniya i nachal'nika podrazdeleniya doznaniya [Procedural status and authority of the head of the inquiry body and the head of the inquiry department]. Tyumen, Sib-press Publ., 2012. 156 p.
7. Mityukova M.A. K voprosu o processual'nyh polnomochiyah nachal'nika organa doznaniya [On the issue of procedural powers of the head of the body of inquiry]. Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian legal bulletin, 2016, no. 2 (73), pp. 115-123.
8. Tyutina N.V. Polnomochiya nachal'nika organa doznaniya v sisteme Federal'noy sluzhby sudebnyh pristavov [Powers of the head of the inquiry agency in the system of the Federal Bailiff Service]. Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Proceedings of the Orenburg State Agrarian University, 2013, no. 5, pp. 74-77.
9. Korotina E.N. Ob obzhalovanii deystviy (bezdeystviya) i resheniy dolzhnostnyh lits organov, osushchestvlyayushchih ugovolnoe presledovanie [On the appeal of actions (inaction) and decisions of officials of bodies conducting criminal prosecution]. Aktual'nye problemy ugovolnogo prava i protsessa, ugovolno-

ispolnitel'nogo prava i kriminalistiki – Actual problems of criminal law and process, criminally-executive law and criminalistics. Saransk, 2016. Pp. 99-102.

10. Chukaeva O.A. K voprosu o rasshirenii protsessual'nyh polnomochiy nachal'nika podrazdeleniya doznaniya v ugovnom sudoproizvodstve [On the issue of extending the procedural powers of the head of the inquiry unit in criminal proceedings]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and economics*, 2015, no. 4, pp. 59-62.

11. Trifonova K.A. Osnovaniya dlya proizvodstva doznaniya v obshchem poryadke: sootnoshenie s pravovym institutom dopolnitel'nogo rassledovaniya [Grounds for the production of inquiry in the general order: the relationship with the legal institute of additional investigation]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo – Business. Education. Right*, 2017, no. 2 (39), pp. 246-250.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

БЕЛЯКОВ А.А., BELYAKOV A.A.,
доктор юридических наук, профессор,
aleks-1@inbox.ru
Кафедра криминалистики;
Уральский государственный
юридический университет,
620137, г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21

Doctor of Legal Sciences, professor,
aleks-1@inbox.ru
Chair of criminalistics;
Ural State Law University,
Komsomolskaya St. 21, Yekaterinburg,
620137, Russian Federation

ХАМИДУЛЛИН Р.С., KHAMIDULLIN R.S.,
кандидат юридических наук,
sledgsugu@mail.ru
Кафедра криминалистики;
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Candidate of Legal Sciences,
sledgsugu@mail.ru
Chair of criminalistics;
Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Korepina St. 66, Yekaterinburg,
620057, Russian Federation

**ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

Аннотация. Эффективным средством борьбы с преступностью стал институт, которому посвящена глава 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве требует изменения тактики расследования. В связи с этим криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм особого порядка уголовного судопроизводства имеет важное значение. В статье рассматриваются закономерности организации расследования уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, специфика которой заключается в необходимости решения следователем множества промежуточных задач – от проверки показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, до обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого) и его близких. Это обуславливает, в частности, повышенные требования к квалификации следователя, причем не только к опыту следственной работы, но и к способности оптимально организовать взаимодействие с оперативным аппаратом и другими участниками уголовного судопроизводства. В зависимости от следственной ситуации возможно создание специализированных следственных и следственно-оперативных групп. С целью оптимизации их работы авторами статьи предложен алгоритм распределения обязанностей между руководителем группы и входящими в ее состав следователями и оперуполномоченными.

Ключевые слова: организационное обеспечение; следственная ситуация; предварительное расследование; досудебное соглашение о сотрудничестве; следователь; обвиняемый; тактико-криминалистическое обеспечение, тактическая операция.

**ORGANIZATIONAL SUPPORT OF THE INVESTIGATION OF CRIMINAL
CASE WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT**

Annotation. The institute to which Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is devoted became an effective means of combating crime. The conclusion of pre-trial cooperation agreement requires a change in the tactics of the investigation. In this regard, the forensic support of the investigator's activities concerning the application of special rules of criminal procedure is of great importance. The regularities of organizing the investigation of criminal cases when concluding a pre-trial cooperation agreement are considered in the article. The specificity of such organizing is the need to solve a variety of intermediate tasks by the investigator, from checking the testimony of the person who has concluded the pre-trial cooperation agreement, to ensuring the safety of the suspect (accused) and his or her relatives. In particular, it determines the increased requirements for

the investigator's qualification, not only to the experience of investigative work, but also to the ability to optimally organize the interaction with the crime detection units and other participants in criminal proceedings. Depending on the investigative situation, it is possible to organize specialized investigative, as well as crime investigation and detection groups. The authors of the article propose the algorithm for the distribution of responsibilities between the head of the group and the investigators and operatives in order to optimize the work of such groups.

Keywords: organizational support; investigative situation; preliminary investigation; pre-trial cooperation agreement; investigator; accused; tactical and forensic support, tactical operation.

Организационное обеспечение как структурный элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений выделяют многие авторы — С.Р. Акимов, И.Т. Белов, А.Ф. Волынский, Э.К. Горячев, В.Д. Зеленский, С.Н. Есин, А.Н. Сретенцев, П.Т. Скорченко, В.Ю. Сокол, А.Я. Эрекаев и др. Анализ их трудов позволяет сделать вывод о том, что организационное обеспечение расследования уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве включает в себя три элемента:

- 1) административный элемент, т.е. создание оптимальной организационно-управленческой структуры расследования;
- 2) планирование расследования исходя из следственной ситуации;
- 3) взаимодействие следователя с оперативным аппаратом.

В отношении первого элемента необходимо отметить следующее. В настоящее время досудебные соглашения о сотрудничестве заключаются по сложным многоэпизодным уголовным делам в отношении организованной преступной группы, а также для раскрытия и расследования коррупционных преступлений. Причем при применении данной нормы УПК РФ организация расследования уголовного дела приобретает определенную специфику. Она заключается в необходимости решения следователем множества промежуточных задач, начиная с проверки показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и заканчивая обеспечением безопасности подозреваемого (обвиняемого) и его близких. Это обуславливает, в частности, повышенные требования к квалификации следователя, при этом не только к опыту следственной работы, но и к способности оптимально организовать взаимодействие с оперативным аппаратом и другими участниками уголовного судопроизводства.

В противном случае это может привести к затягиванию сроков предварительного следствия, связанному с необходимостью проведения дополнительных следственных действий, а также нерациональным использованием сил и средств при выявлении вопросов, не имеющих, в сущности, доказательственного значения. В большинстве случаев при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве лицо сообщает о дополнительных эпизодах, о других лицах, причастных к совершению преступлений. В связи с этим на «отработку» и закрепление доказательственной базы по другим эпизодам, а также на установление местонахождения других лиц и их задержание затрачивается большое количество времени. Если же лицо не заключит досудебное соглашение о сотрудничестве и откажется от дачи показаний, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ, то следователь совместно с оперативным аппаратом должен будет самостоятельно установить дополнительные эпизоды преступной деятельности и других причастных к ним лиц. Однако в дальнейшем уголовное дело в отношении первого лица будет направлено в суд, при необходимости в отдельное производство выделят уголовные дела в отношении неустановленных лиц.

Для наглядности следует привести несколько примеров моделей при обобщении результатов исследования уголовных дел.

Ситуация 1. По подозрению в совершении тайного хищения автомобиля «Ленд Крузер» задержан П. В ходе расследования устанавливается возможная причастность П. к совершению аналогичного преступления в соседнем регионе. Следователь предлагает подозреваемому заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и получает согласие. После

этого прокурор заключает с П. досудебное соглашение о сотрудничестве, по условиям которого последний обязан сообщить еще о пяти эпизодах тайного хищения автомобилей в соседних регионах и о причастности к данным преступлениям С. и Е.

В такой ситуации следователь вынужден обратиться к руководителю следственного органа с рапортом о создании по данному уголовному делу следственной группы в связи с необходимостью выполнения большого количества следственных и других процессуальных действий, установления и задержания С. и Е., выезда в командировку в другие регионы, выполнения большого объема технической работы, связанной с выделением уголовного дела в отношении П. в отдельное производство, а также, при необходимости, обеспечения его безопасности и т.д. В подобной ситуации срок предварительного следствия значительно увеличивается, что обусловлено необходимостью составления постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения всем участникам организованной группы, выполнения требований ст. 217 УПК РФ об ознакомлении всех обвиняемых с материалами уголовного дела и вещественными доказательствами и составления обвинительного заключения. Как правило, срок предварительного следствия по таким уголовным делам составляет от 6 до 12 месяцев*.

Ситуация 2. В аналогичной ситуации П. отказывается заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, а также от дачи показаний или дает показания о своей непричастности к преступлению. Следователь из-за дефицита информации, связанной, например, с отсутствием свидетелей или потерпевших либо из-за давности событий не может доказать его причастность к иным преступлениям. Тогда следователь вынужден направить в суд уголовное дело по обвинению П. только в хищении автомобиля «Ленд Крузер». Срок следствия в данном случае составит в среднем 3 месяца. Но остальные преступления остаются нераскрытыми.

* Данные ГИАЦ МВД России (обращение через ИЦ ГУ МВД России по Свердловской области).

Ситуация 3. В ходе оперативно-розыскного мероприятия установлена причастность П. и других лиц к совершению тайного хищения автомобиля «Ленд Крузер» и еще пяти аналогичных преступных деяний, совершенных в соседних регионах. П. отказывается заключать досудебное соглашение о сотрудничестве и от дачи показаний или дает показания о своей непричастности к преступлениям. В такой ситуации возникает необходимость в создании следственно-оперативной группы, которая собирает значимую информацию и доказательства, проводя большое количество следственных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на проверку различных версий. Такой ход событий в лучшем случае приведет к результатам первого примера, но при большем использовании сил и средств. Срок следствия, как правило, будет более 12 месяцев. В худшем же случае часть эпизодов останется недоказанной, местонахождение лиц и похищенного имущества установить не удастся.

В числе других факторов, влияющих на продолжительность расследования уголовных дел в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, следует назвать многоэпизодность (76 %), отсутствие по делу следственно-оперативной группы (11 %) и ненадлежащую техническую оснащенность следственных подразделений (13 %).

Представляется, что в целях снижения влияния указанных негативных факторов уголовные дела, по которым предполагается возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, должны передаваться в производство старшим следователям или следователям по особо важным уголовным делам как наиболее опытным сотрудникам, имеющим возможность сосредоточить основные усилия на организации расследования и последующем сборе и закреплении необходимой доказательственной информации.

При рассмотрении вопросов организации расследования уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо учитывать управленческий аспект производства по ним предварительного следствия. Так, проведенный анализ уголовных дел

свидетельствует, что в большинстве случаев производство предварительного следствия поручается следственной группе. Это объясняется тем, что прокуроры не всегда дают согласие на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, не убедившись в реальной необходимости такого сотрудничества. Последняя возникает в том случае, если лицо, заявившее это ходатайство, готово сообщить о неизвестных следствию преступлениях, причем чем больше их будет названо, тем выше вероятность заключения соглашения, а значит, и изобличения соучастников, оказания помощи в установлении похищенного имущества.

В подобной ситуации следователь вынужден выполнять большой объем работы. Эти обстоятельства обуславливают создание по уголовному делу следственной или следственно-оперативной группы. Руководитель следственного органа выносит постановление о создании следственной группы, руководителем которой назначается наиболее опытный сотрудник (старший следователь или следователь по особо важным делам).

В состав следственной группы в зависимости от предполагаемого объема работы включаются, как правило, два и более следователя. Следует заметить, что по многим уголовным делам по обвинению нескольких подозреваемых, обвиняемых создаются временные структурно-функциональные звенья (следственные и следственно-оперативные группы, в состав которых включаются несколько следователей и оперативных сотрудников. Делается это для реализации ряда тактических операций, направленных на синхронное задержание, проведение одновременных обысков, избрание подозреваемым (обвиняемым) мер пресечения в виде заключения под стражу и т.д.

Если по уголовному делу, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, требуется выполнение большого объема оперативной работы, направленной на проведение проверочных закупок с участием лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, прослушивание телефонных переговоров, установление и задержание организаторов, исполнителей, посредников, пре-

сечение новых преступлений и т.д., то в данном случае создается следственно-оперативная группа, в состав которой включаются сотрудники разных ведомств. По уголовным делам, подследственным МВД России, следственно-оперативные группы нередко создаются приказом уполномоченного руководителя, например приказом начальника УМВД России по субъекту Российской Федерации; таким приказом в состав следственно-оперативной группы включаются следователи и оперативные сотрудники МВД России.

Анализ изученных уголовных дел свидетельствует, что следственные и следственно-оперативные группы создаются, когда после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, исходя из его положений, становится понятным объем работы, необходимой для выполнения. Здесь проявляется управленческий аспект организационного обеспечения деятельности следователя. Руководитель следственной или следственно-оперативной группы обязан организовать работу по обеспечению проверки и эффективной реализации положений досудебного соглашения о сотрудничестве. С нашей точки зрения, наиболее оптимальна работа следственной или следственно-оперативной группы по уголовным делам в ходе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при следующем распределении обязанностей между ее членами:

1) руководитель следственной или следственно-оперативной группы:

– планирует ход расследования по уголовному делу, а также контролирует выполнение своих указаний другими участниками следственной или следственно-оперативной группы;

– сосредоточивает всю информацию, получаемую остальными участниками группы в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий;

– самостоятельно проводит следственные действия в отношении подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, а при необходимости – и других соучастников.

Важным является проведение качественного допроса лица, заключившего

досудебное соглашение о сотрудничестве. Это позволяет получить большой объем значимой информации и одновременно удостовериться в правдивости его показаний. Основываясь на таких показаниях, руководитель следственной группы (следственно-оперативной группы) может строить наиболее оптимальный путь расследования уголовного дела. Кроме того, при проведении очных ставок между лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, и им избобличаемыми, необходимо избрание оптимальной тактики их проведения, что возможно при поручении опытным и подготовленным сотрудникам;

2) следователь (несколько следователей – членов группы):

- проводит обыски и выемки;
- осуществляет осмотр и приобщение предметов и документов к материалам уголовного дела в качестве доказательств;
- получает детализацию телефонных соединений абонентов и проводит ее осмотр;

- проводит допросы свидетелей и потерпевших, подозреваемых и обвиняемых;

- проводит проверку показаний на месте, опознание, очные ставки со свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми и обвиняемыми;

- осуществляет осмотр фонограмм прослушивания телефонных переговоров;

- выполняет техническую работу по уголовному делу (копирование и подготовку материалов уголовного дела для избрания меры пресечения и продления срока содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых), а также техническую работу, связанную с подготовкой материалов для получения разрешения суда на производство следственных действий, требующих судебного санкционирования;

- составляет и направляет запросы в различные учреждения и контролирует получение ответов;

- ведет сбор характеризующего материала на подозреваемых и обвиняемых;

- выполняет требования ст.ст. 215, 216, 217 УПК РФ об ознакомлении с материалами уголовного дела и вещественными доказательствами обвиняемых и потерпевших;

- проводит техническую работу по выделению (копированию и заверению) материалов уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и т.д.;

3) оперуполномоченные:

- проверяют информацию, полученную от подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве;

- устанавливают и доставляют свидетелей;

- устанавливают и задерживают соучастников;

- проводят проверку участников группы или организованной группы на причастность к совершению других преступлений.

Вторым элементом организационного обеспечения расследования уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является планирование расследования, исходя из сложившейся следственной ситуации.

Тщательный анализ и оценка сложившейся следственной ситуации являются условиями успешного расследования любого преступления. Планирование как элемент организационного обеспечения должно базироваться на оценке существующей следственной ситуации и учитывать ее возможные изменения в будущем в результате как реализации намеченного плана расследования, так и действий противостоящей следователю стороны, если налицо конфликтная ситуация. Постоянное соблюдение этого условия в процессе планирования и обеспечивает его динамичность [1, с. 163].

Планирование является организующим и направляющим началом в расследовании, средством целенаправленного поиска доказательств. Оно состоит в правильном и своевременном определении задач расследования, построении версий, разработке путей и способов их проверки, в обеспечении максимально широкого использования научно-технических средств и наиболее целесообразных тактических приемов. Планирование призвано определить, какие следственные действия необходимы для установления истины по делу, в какой последовательности и как тактически наиболее правильно их провести, что-

бы обеспечить раскрытие и объективное расследование уголовного дела.

Грамотное планирование дает возможность производить расследование целенаправленно и целеустремленно, позволяет закончить следствие в установленные законом сроки, дисциплинирует следователя, обеспечивает полноту следствия, наконец, способствует решению основной задачи организации труда следователя — получению максимального эффекта при наименьших затратах времени, сил и средств. Благодаря планированию процесс расследования проходит более упорядоченно.

Заключительный элемент организационного обеспечения расследования рассматриваемого вида уголовных дел — разработка рекомендаций, направленных на повышение эффективности взаимодействия субъектов, деятельность которых направлена на выявление, раскрытие и расследование преступлений, как между собой, так и с другими субъектами, способствующими им в этой деятельности. Понятию и формам взаимодействия следователя с другими участниками раскрытия и расследования преступлений в криминалистической и уголовно-процессуальной литературе уделено достаточно большое внимание [2, с. 37-38; 3, с. 15; 4, с. 154]. В связи с этим необходимо рассмотрение взаимодействия при расследовании уголовных дел, по которым заключаются досудебные соглашения о сотрудничестве.

В настоящее время взаимодействие следователя с оперативным аппаратом строится на положениях УПК РФ, Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»*, регламентирующих первостепенные направления указанной деятельности, а также нормативных правовых актах МВД России.

Кроме того, изучение уголовных дел позволило сделать вывод о наличии недостатков в организации взаимодействия следователя с органом дознания. Так, если

* Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 16 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; 2016. N 28. Ст. 4558.

на уровне следственных частей в субъектах Российской Федерации и крупных городах и оперативно-розыскных частей соответствующих оперативных подразделений взаимодействие или оперативное сопровождение осуществляется вплоть до вынесения приговора в суде, то на районном и межрайонном уровнях его организация связана с рядом проблем.

Из-за ненадлежащей организации взаимодействия в рамках производства поручаемых оперативным работникам следственных действий либо из-за формального подхода к оперативному сопровождению уголовных дел при их расследовании нередко возникают ощутимые сложности. Подобные явления в науке криминалистике получили название «ошибки взаимодействия» [5, с. 13]. Так, нередко после возбуждения уголовного дела в процессе доказывания результаты оперативно-розыскных мероприятий не используются вообще, а в некоторых случаях из-за их неполноты следователям приходится повторно проводить следственные действия, ранее поручавшиеся органу дознания.

Иногда следователи поручают органу дознания проводить в порядке ст. 38 УПК РФ следственные действия, значимость которых может оценить только сам следователь в совокупности с имеющимися по делу доказательствами, в то время как оперативный работник при выполнении поручения может не выяснить то или иное обстоятельство.

Например, в некоторых случаях следователь поручает органу дознания признать лицо потерпевшим и допросить его в данном статусе. Это вызывает вопрос о причинах, по которым следователь не может сам вынести постановление о признании лица потерпевшим, являющееся процессуальным документом. Кроме того, преступления организованной группы обычно совершаются достаточно сложными способами, что обуславливает необходимость как осмысления самой схемы их совершения, так и определения потенциальной базы доказывания. При этом показания потерпевшего являются основным источником получения многих доказательств. Так, потерпевший может назвать дополнительных свидетелей преступления, сообщить о важных документах, на-

ходящихся не только у него, но и у других лиц, рассказать об организациях, участвовавших в совершении преступлений, о месте их расположения и т.д. Все это требует детального выяснения и последующей незамедлительной проверки. В связи с этим, на наш взгляд, оперативным работникам должны поручаться только следственные действия, не требующие детального знания уголовного дела и ограниченные содержанием поручения.

Привлечение подозреваемого или обвиняемого к сотрудничеству путем заключения с ним досудебного соглашения в условиях, когда это действительно необходимо, — непростая задача, которую органы предварительного следствия должны решать совместно с оперативным аппаратом. Для достижения поставленной цели (заключения досудебного соглашения о сотрудничестве) следователю совместно с оперативными сотрудниками необходимо разработать план производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Во многом тактика привлечения подозреваемого или обвиняемого к сотрудничеству зависит от сложившейся на данном этапе расследования следственной ситуации, в соответствии с которой будет осуществляться взаимодействие с оперативным аппаратом и планирование предварительного расследования.

В юридической литературе вопрос о классификации форм взаимодействия следователя и органов дознания рассматривался неоднократно [6, с. 132-150; 7, с. 11]. Например, И.Ф. Герасимов дифференцировал эти формы на процессуальные и организационно-тактические [6, с. 132-150]. Однако не только организационные, но и процессуальные формы взаимодействия обладают тактическим содержанием.

В содержание организационного обеспечения расследования уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве входят:

- 1) административный элемент, т.е. создание оптимальной организационно-управленческой структуры расследования;
- 2) планирование расследования уголовного дела с учетом сложившейся следственной ситуации;
- 3) взаимодействие следователя с органом дознания, государственными, муниципальными учреждениями и службами,

должностными лицами и различными организациями.

Проведенный анализ свидетельствует, в частности, что для оптимизации административного элемента организационного обеспечения расследования преступлений при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве целесообразно закрепить в Типовом положении о главных следственных управлениях УМВД по субъектам Российской Федерации обязанность направления уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с двумя или более лицами для производства предварительного следствия в следственную часть следственного управления УМВД по субъекту Российской Федерации.

Планирование расследования уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо рассматривать как процесс, включающий в себя анализ исходной информации, выдвижение версий и определение задач расследования, а также путей их решения. Разнообразие способов совершения преступлений организованными группами определяет и разнообразие следственных ситуаций, которые следователю приходится разрешать. Только на основании глубокого анализа данных следственных ситуаций, определения круга версий, средств их проверки возможно определить верное направление хода расследования.

В рамках взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений между собой необходимо акцентировать внимание на следующем.

Во-первых, наиболее распространенной формой взаимодействия следователя с органом дознания в ходе расследования преступлений при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является выполнение поручения следователя в порядке ст. 38 УПК РФ, содержание которого зависит от сложившейся следственной ситуации.

Во-вторых, в таком взаимодействии оперуполномоченный является исполнителем поручения следователя, в связи с этим последний не должен злоупотреблять своими правами, т.е. не поручать органу дознания выполнение исключительно про-

цессуальной работы и наиболее значимых следственных действий.

В-третьих, необходимость создания специализированных следственно-оперативных и следственных групп по уголовным делам при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве зависит от следственной ситуации по каждому конкретному уголовному делу.

Взаимодействие следователя с указанными структурами, имея своей целью обнаружение и фиксацию доказательственной информации, уяснение механизма совершенного преступления, реализуется в таких основных формах, как истребование сведений, получение консультаций специалиста, а также участие последнего в следственных действиях.

Список литературы

1. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. 164 с.
2. Лицкевич С.Н. Взаимодействие оперативных работников со следователями при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Научный вестник Омского юридического института МВД России. 1997. N 2. С. 37-38.
3. Азаренко В.М. Тактические основы взаимодействия участников подготовки и проведения криминалистической экспертизы по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 22 с.
4. Гордин А.В. Взаимодействие оперативно-розыскных служб и следователя органов внутренних дел при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 208 с.
5. Карагодин В.Н., Морозова Е.В. Криминалистические проблемы обнаружения и устранения следственных ошибок: учеб.-практ. пособие. Екатеринбург, 2003. 22 с.
6. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. 183 с.
7. Драпкин Л. Я. Организационно-управленческие аспекты взаимодействия участников процесса раскрытия преступлений // Вопросы взаимодействия следователя и других участников расследования преступлений. Свердловск, 1984. С. 10-33.

References

1. Drapkin L.Ya. Osnovy teorii sledstvennykh situatsiy [Basics of the theory of investigative situations]. Sverdlovsk, 1987. 164 p.
2. Litskevich S.N. Vzaimodeystvie operativnykh rabotnikov so sledovatelyami pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov [Interaction of operational officers with investigators in the disclosure and investigation of crimes related to drug trafficking]. Nauchniy vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997, no. 2, pp. 37-38.
3. Azarenko V.M. Takticheskie osnovy vzaimodeystviya uchastnikov podgotovki i provedeniya kriminalisticheskoy ekspertizy po ugovolnym delam. Avtoref. Kand. Diss. [Tactical basis for interaction between participants in the preparation and conduct of forensic expertise in criminal matters. Autoabstract Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2000. 22 p.
4. Gordin A.V. Vzaimodeystvie operativno-rozysknykh sluzhzb i sledovatelya organov vnutrennih del pri rassledovanii prestupleniy. Kand. Diss. [Interaction of the operative-search services and the investigator of the internal affairs bodies when investigating crimes. Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2005. 208 p.
5. Karagodin V.N., Morozova E.V. Kriminalisticheskie problemy obnaruzheniya i ustraneniya sledstvennykh oshibok [Criminalistic problems of detection and elimination of investigative errors]. Ekaterinburg, 2003. 22 p.
6. Gerasimov I.F. Nekotorye problemy raskrytiya prestupleniy [Some problems of crime detection]. Sverdlovsk, 1975. 183 p.
7. Drapkin L.Ya. Organizatsionno-upravlencheskie aspekty vzaimodeystviya uchastnikov protsessa raskrytiya prestupleniy [Organizational and managerial aspects of interaction of participants in the process of disclosing crimes]. Voprosy vzaimodeystviya sledovatelya i drugih uchastnikov rassledovaniya prestupleniy [Questions of interaction between the investigator and other participants in the investigation of crimes]. Sverdlovsk, 1984. Pp. 10-33.

АНДРЕЕВ С.Э., ANDREEV S.E.,
andreevs.vlad@mail.ru andreevs.vlad@mail.ru
Отделение экономической безопасности и противодействия коррупции; Division of Economic Security and Counteracting Corruption;
Владимирский линейный отдел Vladimir Transport Police Department
Министерства внутренних дел of the Ministry of Internal Affairs
Российской Федерации of the Russian Federation,
на транспорте, Bolshaya Moskovskaya St. 75,
600006, г. Владимир, Vladimir, 600006,
ул. Большая Московская, 75 Russian Federation

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «НАБЛЮДЕНИЕ» ДЛЯ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация. Строительство является одной из наиболее криминализованных отраслей экономики, что обусловлено значительными финансовыми вложениями в него. Так, в строительную сферу железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года планируется направить не менее 12,5 триллионов рублей из средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Федерации. По мнению автора статьи, строительство на железнодорожном транспорте, обладая признаками, присущими строительной сфере в целом, имеет свои особенности, которые оказывают влияние на характер совершаемых экономических преступлений. Сформулированные в процессе исследования выводы подкреплены примерами из практики подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Анализируются организационные и тактические аспекты оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» с учетом выявленной специфики рассматриваемой отрасли, подчеркивается его первостепенное значение для своевременного и эффективного документирования экономических преступлений. Акцентируется внимание на практической значимости использования в целях дальнейшего доказывания не только общепринятых средств фото-, видеофиксации, но и специфических средств слежения. В частности, продемонстрирован положительный опыт использования тепловизионной аппаратуры для документирования экономических преступлений при проведении строительно-монтажных работ на участке железной дороги.

Ключевые слова: экономические преступления; документирование экономических преступлений; оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение»; оперативно-розыскная деятельность.

THE SPECIFICITY OF CONDUCTING THE SURVEILLANCE OPERATION FOR DOCUMENTING THE ECONOMIC CRIMES IN THE FIELD OF RAILWAY CONSTRUCTION

Annotation. Construction is one of the most criminalized sectors of the economy, due to significant financial investments in it. Thus, it is planned to invest at least 12.5 trillion rubles from the federal budget and the budgets of the constituent entities of the Russian Federation to the sphere of railway transport construction in the Russian Federation until 2030. According to the author's opinion, the railway construction having common features inherent in the construction industry, has its own characteristics that affect the nature of the committed economic crimes. The results of the research are supported by the examples from the activities of the economic security and counteracting corruption units. The organizational and tactical aspects of the surveillance operation are analyzed, the specific features of the industry under consideration are taken into account. The primary importance of this operation for the timely and effective documenting the economic crimes is emphasized. The author focuses his attention on the practical importance of using not only the generally accepted means of photo and video recording, but also specific means of surveillance for further proof. In particular, the positive experience of using the thermal imaging equipment for documenting economic crimes during construction and installation works on the railway section is presented.

Keywords: economic crimes; documenting the economic crimes; surveillance operation; crime detection activity.

Строительство, обеспечивая расширенное воспроизводство производственных мощностей и основных фондов для всего народного хозяйства, является одной из крупнейших сфер экономической деятельности. Строительная сфера отличается сложностью производственных связей и обслуживается предприятиями более чем 70-ти сфер экономической деятельности.

Строительство — область человеческой деятельности, которая заключается в производстве строительных работ, то есть в ведении работ по проектированию, сооружению и реконструкции жилых, административных и других зданий, промышленных, гидротехнических, сельскохозяйственных и иных объектов [1, с. 12]. Строительная продукция представляет собой ту часть общественного продукта, в которую входят работы по изысканию и проектированию объектов строительства, их возведению, установке в них оборудования, по ремонту строительных объектов, их расширению и реконструкции, а также геологоразведочные работы, связанные со строительством.

Строительство является сферой постоянных значительных финансовых вложений. В Российской Федерации свыше 30 % инвестиций в основной капитал связано со строительной отраслью, причем в кризисные периоды доля строительства в инвестициях растет. За 2015 год непосредственно в строительство было вложено 5945,5 млрд рублей, что составляет 40,8 % всех инвестиций в основной капитал за тот же период [2].

На железнодорожном транспорте в сферу строительства поступают колоссальные денежные средства. За период с 1999 года в нее инвестировано более 1 трлн. рублей. Программой развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года в указанный сектор планируется направить не менее 12,5 трлн. рублей из средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации*.

Масштабные финансовые потоки в значительной мере определяют то,

что строительство является одной из наиболее криминализированных отраслей экономики. Строительная сфера обладает существенной спецификой, которая обусловливается особенностями производственного процесса, документооборота, бухгалтерского учета. В связи с этим совершаемые в данной сфере экономические преступления также специфичны, и их документирование сопряжено с рядом особенностей.

В литературе выделяется классификационная группа «экономические преступления в сфере строительства». Указанное выделение предлагается на основании следующих критериев:

— использование договорных отношений в сфере строительства для создания благоприятных условий совершения названных преступлений;

— использование особенностей строительных работ для достижения преступного результата — получения незаконной материальной выгоды;

— принятие мер к тому, чтобы совершаемые преступные действия воспринимались окружающими как законные, а потому не вызывали подозрений, в том числе у правоохранительных органов;

— заблаговременная подготовка средств для последующего возможного противодействия выявлению преступления и его расследованию;

— плановость выполнения всех этапов преступной деятельности;

— превращение преступной деятельности в преступный промысел, приносящий постоянный доход [3, с. 112].

По нашему мнению, указанный перечень также может быть дополнен следующими критериями:

— крупные размеры похищаемых денежных средств, связанные со значительными финансовыми вливаниями в строительную сферу;

— высокая степень аффилированности среди субъектов строительного процесса и, как следствие, его коррупционность;

— использование специфики данной отрасли для придания правомерного вида владения денежными средствами (легализация), которые ранее могли быть похищены преступным путем.

* Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 июня 2008 г. N 877-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Говоря о субъектах преступной деятельности в рассматриваемой сфере, следует отметить наличие у них соответствующих профессиональных навыков, знание определенных тонкостей строительного процесса, бухгалтерского документооборота. Это свидетельствует о достаточно высокой степени интеллектуальных способностей данных лиц, позволяющей им использовать внушительный арсенал различных способов совершения противоправных деяний.

Классификация способов преступной деятельности в строительной сфере является непростой задачей, «поскольку процедуры человеческой – будь то противоправной либо не противоправной – деятельности настолько разнообразны, насколько это позволяет его изобретательность» [4, с. 254]. При этом в работах ряда авторов выделены способы и криминальные схемы мошеннических преступлений в строительной сфере [5, с. 17-18; 6], связанные с фальсификацией проектно-сметной и отчетной документации [7], налоговых преступлений [8, с. 67-73; 9, с. 22-24], использована детализация с верхнего уровня абстракции к более низким уровням [4, с. 256-257].

Сфера строительства на железнодорожном транспорте, обладая общими признаками, присущими строительству в целом, безусловно, имеет свои особенности. К таковым следует отнести:

1. Строго определенный круг заказчиков при заключении договорных отношений.

Открытое акционерное общество «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД»), являясь государственной монополией, возложило функции по своевременному и качественному обеспечению своих потребностей в строительстве, реконструкции, проектировании и отдельных видах капитального ремонта объектов недвижимости на свой филиал – Дирекцию по комплексной реконструкции железных дорог и строительству объектов железнодорожного транспорта (далее – ДКРС).

ДКРС организует в установленном ОАО «РЖД» порядке подготовку необходимой документации для проведения конкурсных процедур по выбору исполнителей (подрядных организаций) на выпол-

нение проектных, изыскательских и иных работ, а также поставщиков оборудования и комплектующих изделий*.

Реализация инновационных проектов в сфере железнодорожного транспорта, включая создание высокоскоростных магистралей, возложена на ОАО «Скоростные магистрали» – дочернюю компанию ОАО «РЖД».

Изложенное предполагает наличие строгой детерминации среди субъектов, вовлеченных в строительный процесс в сфере железнодорожного транспорта. Нередки факты того, что после проведения соответствующих конкурсных процедур в цепочке «заказчик – конечный исполнитель» может находиться 5 и более звеньев. Подчас у ряда указанных звеньев – аффилированных юридических лиц – могут отсутствовать не только обязательные для проведения строительно-монтажных работ разрешения, но и необходимый для их выполнения штат работников, который, как показывает практика, может состоять, кроме директора и бухгалтера, всего из нескольких человек.

Наличие подобных фактов свидетельствует о существенных коррумпированных взаимосвязях тех, кто вовлечен в строительную сферу железнодорожного транспорта, значительно замедляет, делает дороже и менее прозрачным строительный процесс.

2. Наличие в системе ОАО «РЖД» подразделений, призванных обеспечивать бесперебойное функционирование инфраструктуры железнодорожного транспорта. К таковым подразделениям можно отнести:

- дирекции по ремонту пути. Они призваны организовывать и осуществлять все виды ремонта и реконструкции железнодорожного пути, сооружений и земляного полотна в объемах, необходимых для безопасного пропуска поездов с установленными скоростями;

- подразделения электрификации и электроснабжения. Их задача – орга-

* Положение о Дирекции по комплексной реконструкции железных дорог и строительству объектов железнодорожного транспорта – филиале ОАО «РЖД»: утв. приказом ОАО «РЖД» от 11 апр. 2013 г. N 146. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

низация и осуществление управления хозяйством электроснабжения с целью обеспечения надежной работы устройств контактной сети, тяговых подстанций, электроснабжения автоблокировки и других стационарных потребителей, входящих в инфраструктуру железнодорожного транспорта для выполнения заданных размеров перевозок и безопасности движения поездов;

– дистанции централизации, сигнализации и блокировки, ответственные за поддержание в рабочем состоянии систем связи, оповещения на объектах железнодорожного транспорта;

– дирекции по эксплуатации зданий и сооружений, осуществляющие устойчивое функционирование объектов технологического и коммунального назначения, а также специализированного жилищного фонда, учитываемого на балансе; обеспечивающие транспортную безопасность и организующие техническую эксплуатацию объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта;

– дирекции по тепловодоснабжению, призванные осуществлять эффективное управление комплексом объектов стационарной теплоэнергетики, водоснабжения и водоотведения, оказание услуг по водоснабжению и водоотведению объектов железных дорог ОАО «РЖД».

Текущее содержание указанных объектов предполагает, в частности, проведение ремонтных, строительных работ, которые выполняются сотрудниками соответствующих подразделений в рамках своих должностных обязанностей. Распространенным способом хищения денежных средств в сфере строительства на объектах инфраструктуры железнодорожного транспорта является завышение объемов выполненных строительно-монтажных работ. При этом строительные организации, выполняющие определенный перечень работ, заведомо включают в их объем и те работы, которые фактически выполняются (либо уже были выполнены) сотрудниками ОАО «РЖД» в ходе своей повседневной деятельности. Участие «исполнителей» в таких работах сводится к нулю, а иные компоненты строительного процесса (материалы, привлечение соответствующей техники и пр.) являются дополнительным

преступным доходом при осуществлении мошеннических действий.

В следственной практике имеется немало примеров расследования уголовных дел, возбужденных по подобным фактам. Например, следственным отделом Владимирского линейного отдела МВД России на транспорте было возбуждено и осуществлялось расследование уголовного дела по ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту хищения денежных средств в сумме более 3 млн рублей, принадлежащих ОАО «РЖД», руководящими лицами ОАО «Энергомонтажный поезд N 753». Согласно бухгалтерской документации исполнитель на указанную сумму в 2009-2010 гг. выполнил работы по обустройству обогрева стрелочных переводов на участке «Камешково – Ковров» Горьковской железной дороги (далее – ГЖД). В то же время в рамках проведения проверочных мероприятий были задокументированы факты того, что фактически данные работы в рассматриваемом временном промежутке были выполнены сотрудниками Ковровской дистанции пути (ПЧ-3) ОАО «РЖД» с привлечением собственных материалов и оборудования*.

Наличие подобных преступных деяний невозможно без присутствия коррупционной составляющей со стороны руководящих лиц тех или иных структурных подразделений ОАО «РЖД», призванных контролировать ведение строительного процесса, осуществлять приемку выполненных работ.

Подтверждением этого может служить уголовное дело, возбужденное по основаниям, предусмотренным ч. 5 ст. 290 УК РФ, в отношении О., занимавшего руководящую должность в одном из структурных подразделений ГЖД – филиала ОАО «РЖД». В марте 2017 г. О. через посредников получил в виде взятки от представителей коммерческой организации, выполнявшей строительно-монтажные работы на участке N ГЖД, денежные средства в сумме 800 тысяч рублей за согласование со стороны ОАО «РЖД» актов сдачи-приемки выполненных работ (форма КС-2) без их фактической проверки.

* Уголовное дело N 71038 // Архив СО Владимирского ЛО МВД России на транспорте.

3. Значительная протяженность участков, на которых могут выполняться строительно-монтажные работы, их привязка к железнодорожному полотну и затрудненный доступ к местам их проведения.

Строительный процесс на железнодорожном транспорте в основном имеет привязку к железнодорожным путям. Протяженность участков, на которых могут производиться строительно-монтажные работы, подчас превышает десятки километров, при этом необходимо отметить труднодоступность указанных мест для любого вида транспорта (за исключением железнодорожного). Учитывая это обстоятельство, доставка строительных материалов, рабочих, строительной техники в таких случаях может производиться исключительно железнодорожным транспортом.

4. В связи с отнесением железнодорожной инфраструктуры к источникам повышенной опасности строго ограничен круг работников строительных организаций, непосредственно причастных к выполнению данных работ. При проведении работ обязательно присутствие представителей различных служб ОАО «РЖД», призванных по своим направлениям деятельности соблюдать технику безопасности при прохождении железнодорожных составов (в рамках так называемых железнодорожных окон), а также следить за недопущением фактов повреждения имущества ОАО «РЖД» (кабеля, контактной сети и пр.), – осуществлять технический надзор.

Изложенные выше особенности строительного процесса на железнодорожном транспорте обуславливают специфику документирования противоправных действий экономической направленности в данной сфере, проведение тех или иных оперативно-розыскных мероприятий. Они же предъявляют особые требования к оперативным сотрудникам и конфиденциальным источникам, участвующим в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Статья 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), проведение которых призвано выполнять

задачи оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД)*.

Следует рассмотреть организационные и тактические аспекты ОРМ «наблюдение» (далее – наблюдение) с учетом ранее приведенной специфики обслуживаемой сферы. Наблюдение является традиционным и одним из эффективных методов борьбы с преступностью, находящихся в арсенале органов, уполномоченных на осуществление ОРД. При этом история применения данного ОРМ в нашей стране насчитывает уже более ста лет [10, с. 27-28].

Понятие такого ОРМ, как наблюдение, раскрыто в работах многих авторов [11, с. 217; 12, с. 66; 13, с. 106]. Несмотря на имеющийся широкий спектр мнений при определении понятия данного ОРМ, можно выделить ряд общеобязательных признаков, так или иначе содержащихся в работах исследователей при раскрытии его характеристики. К таковым признакам относятся:

- субъект деятельности (уполномоченное законом лицо, то есть оперативный работник либо действующее по его поручению иное лицо);
- объект деятельности (действия лиц, участки местности, состояние материальных объектов);
- цель деятельности (решение задач ОРД);
- характер деятельности (восприятие и запоминание, осуществляемые втайне от объекта деятельности);
- средства деятельности (органы зрения и чувств, использование специальных технических средств).

В настоящее время наблюдение можно рассматривать как сложное многоаспектное мероприятие, на котором во многом базируется современная ОРД. При этом одним из основополагающих принципов осуществления данного ОРМ является конспирация.

Авторами справедливо отмечается, что существенным негативным фактором,

* Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 6 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349, Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

не позволяющим правоохранительным органам своевременно выявлять, предупреждать, пресекать, а также раскрывать преступления, выступает частичная осведомленность преступников об отдельных тактических приемах и методах ОРД. Напротив, именно соблюдение конспирации помогает эффективно добывать оперативным работникам оперативно значимую информацию, своевременно выявляя преступные замыслы и ликвидируя их негативные последствия [14, с. 4].

Вариативность в выборе специальных технических средств наряду с профессиональными разведывательными возможностями сотрудников оперативных подразделений позволяет говорить о наблюдении «как о серьезном “оружии” по добытию закрытой оперативной информации, имеющей значение как для решения внутренних целей и задач ОРД, так и для уголовного процесса» [14, с. 4].

В значительной степени тактика осуществления наблюдения может варьироваться, исходя из конкретных обстоятельств его проведения, способов преступной деятельности, характерных для той или иной сферы общественной деятельности.

Организация и проведение наблюдения также сопряжены с рядом особенностей.

Субъектами наблюдения, проводимого с целью документирования преступлений экономической направленности в строительной сфере на железнодорожном транспорте, будут выступать:

- лица, оказывающие содействие органам, осуществляющим ОРД;
- оперативные работники в ходе проводимого личного сыска;
- оперативно-технические подразделения.

Рассматривая категорию «лица, оказывающие содействие органам, осуществляющим ОРД», можно констатировать, что на практике данные субъекты наблюдения являются источником получения большого объема оперативно значимой информации, в том числе первоначальной.

В качестве позитивного примера следует привести наблюдение, в результате которого были получены данные, позволившие задокументировать преступную деятельность и привлечь виновных лиц к

уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ. В рамках проведения комплекса проверочных мероприятий были выявлены факты того, что руководящие лица ЗАО «РемТрансСтрой» совершили хищение денежных средств, принадлежащих ОАО «РЖД», путем фиктивного завышения объемов выполненных работ в особо крупном размере (в сумме более 7 млн рублей). Полученные в ходе осуществления ОРМ результаты позволили установить тот факт, что ЗАО «РемТрансСтрой» заявленные и якобы выполненные работы по переносу линий сигнализации, централизации, блокировки – СЦБ (мешавших капитальному ремонту водопропускных труб под железнодорожным полотном) фактически не осуществлялись. Денежные средства в сумме более 7 млн рублей, перечисленные в адрес ЗАО «РемТрансСтрой» за фиктивное выполнение данных работ, были похищены руководством организации и использованы по собственному усмотрению*.

Объектами наблюдения, проводимого для выявления латентных экономических преступлений в рассматриваемой сфере, являются:

1) физические лица, а именно:

- работники строительных организаций, осуществляющие выполнение строительно-монтажных работ в рамках договорных отношений;

- сотрудники подразделений ОАО «РЖД», которые могут быть как непосредственно задействованы в выполнении строительно-монтажных работ, так и осуществлять контрольные и надзорные функции в ходе их проведения;

- лица, в силу своих служебных обязанностей имеющие доступ на территорию, где осуществляются строительно-монтажные работы;

2) техника и механизмы, в том числе железнодорожные, задействованные на участке строительства:

- непосредственно занятые в производстве строительно-монтажных работ;

- используемые с целью доставки грузов, материалов, работников на объекты строительства;

* Уголовное дело N 70983 // Архив СО Владимирского ЛО МВД России на транспорте.

3) участки проведения строительно-монтажных работ — потенциальные объекты для преступных покушений, а также осуществляемые на данных участках технические процессы (необходимо отметить, что ряд процессов может носить фиктивный характер для того, чтобы скрыть имеющие место злоупотребления):

- места выгрузки строительных материалов;

- склады хранения материальных ценностей;

- пункты въезда-выезда автомобильного, железнодорожного транспорта;

- места проведения конкретных строительно-монтажных работ, в том числе вспомогательных (перенос коммуникаций, вырубка растительности и пр.);

4) предметы, представляющие оперативный интерес:

- используемые при проведении работ строительные материалы, их наименование, объемы;

- денежные средства;

- бухгалтерские, отчетные документы;

- товарно-материальные ценности;

К целям наблюдения, проводимого для выявления латентных экономических преступлений в рассматриваемой сфере, можно отнести:

1) установление лиц, фактически осуществляющих строительно-монтажные работы на том или ином участке. Достижение данной цели будет способствовать выявлению фактов участия в строительном процессе работников железнодорожных организаций, разнорабочих и пр.;

2) выявление технических средств, строительной техники, занятой при проведении соответствующих видов работ на участке строительства. При этом можно будет установить факты использования техники железнодорожных подразделений, подтвердить ее фактическое использование при проведении тех или иных операций;

3) выявление лиц среди работников железнодорожных организаций, имеющих в силу своих должностных обязанностей доступ на объект строительства, в том числе и для осуществления контролируемых функций, а также среди иных представителей власти и органов управления, вступающих (склонных вступить) в неслу-

жебные связи с представителями субъектов предпринимательской деятельности, в рамках договорных отношений вовлеченных в строительный процесс. Изобличение данных обстоятельств может свидетельствовать о наличии определенной коррупционной составляющей в действиях указанных лиц при осуществлении ими своих служебных полномочий;

4) установление фактических объемов, наименований выполняемых строительно-монтажных и иных сопутствующих осуществлению строительного процесса работ. Документирование изложенных обстоятельств позволяет подтвердить факты фиктивного завышения объемов выполняемых работ.

Необходимо подчеркнуть, что основной целью проведения наблюдения в рассматриваемой сфере является выявление и документирование противоправной деятельности лиц, участвующих в совершении преступления и вовлеченных в данный преступный процесс, посредством получения информации об их преступных замыслах, средствах и формах их претворения в жизнь. При этом фиксации подлежит не столько деятельность определенных лиц, сколько весь строительный процесс на конкретном объекте, предполагающий фиксацию деятельности широкого круга лиц, занятых в нем, имеющих отношение к данному процессу.

Проведение наблюдения, результаты которого впоследствии могут рассматриваться в качестве доказательственной базы, нуждается в организационно-техническом обеспечении. Документирование экономических преступлений в сфере строительства на железнодорожном транспорте, помимо использования общепринятых технических средств фото-, видеофиксации, предполагает возможность задействования специфических средств слежения.

К таковым, во-первых, можно отнести видеорекамеры, установленные в головной части современных скоростных поездов. Данная аппаратура позволяет фиксировать происходящие события как на самих железнодорожных путях, так и в непосредственной близости от них (так называемая полоса отвода железной дороги — расстояние 30-50 метров от края железнодорожного рельса).

Во-вторых, это тепловизоры – устройства для наблюдения за распределением температуры исследуемой поверхности. Данные приборы монтируются на мачты железнодорожной контактной сети на высоте 3-5 метров, позволяют перекрывать наблюдением практически все участки железнодорожного полотна и прилегающей территории.

Информация, получаемая посредством использования указанных выше технических средств, может иметь существенное, а порой и определяющее значение в ходе доказывания.

При этом возникает вопрос о том, можно ли рассматривать работу данных технических устройств, расположенных открыто и фиксирующих в зоне контроля появление различных объектов, как оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение», или, иначе говоря, допустимо ли его отнесение к категории гласных ОРМ. Несмотря на то, что ряд исследователей в своих работах придерживается именно такой точки зрения, считая установленные в различных местах видеосистемы наблюдением как ОРМ, данная позиция представляется ошибочной.

Указанный видеоконтроль в изложенном контексте не имеет отношения к оперативно-розыскной деятельности, поскольку отсутствуют предусмотренные в законе основания, которые могли бы причислить данные действия к категории ОРМ. Необходимо учитывать, что в объективы данных технических средств попадают, как правило, случайные люди. При этом наблюдение согласно действующему законодательству проводится в отношении конкретного человека, о причастности которого к противоправной деятельности имеется информация.

Следует согласиться с точкой зрения В.К. Зникина, который полагает, что именно наличие оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий и соблюдение условий их выполнения является определяющим при установлении правомерности их осуществления и возможности использования полученных результатов в процессе раскрытия и расследования преступлений. При этом, по мнению В.К. Зникина, результаты ОРМ не могут быть использованы в интересах уго-

ловного судопроизводства в случае отступления от предписаний законодательных актов, регулирующих основания и условия их проведения [15, с. 37-39].

Таким образом, с целью рассмотрения работы указанных выше технических устройств в качестве наблюдения как оперативно-розыскного мероприятия необходимо наличие соответствующих правовых оснований.

Успешное использование тепловизионной аппаратуры при проведении наблюдения для документирования экономических преступлений, совершаемых в ходе выполнения строительно-монтажных работ на определенном участке ГЖД, можно проследить на следующем примере. В 2014 г в отделение экономической безопасности и противодействия коррупции Владимирского линейного отдела МВД России на транспорте поступила информация, свидетельствующая о хищениях денежных средств, которые могут быть совершены руководящими лицами подрядных организаций, задействованных при выполнении строительно-монтажных работ по модернизации железнодорожного полотна на одном из участков ГЖД. В ходе негласного изучения проектно-сметной документации по данному объекту был установлен перечень предполагаемых к выполнению вспомогательных работ, а именно: вынос коммуникаций сигнализации, централизации, блокировки; вырубка древесно-кустарниковой растительности и прочие действия, необходимые для беспрепятственного выполнения запланированных работ, в том числе использования специальной техники.

С целью установления фактического выполнения данных работ оперативным работником в установленном порядке было инициировано проведение наблюдения. При осуществлении данного ОРМ было решено использовать средства визуального контроля – тепловизоры, фиксирующие происходящие события на тех участках местности, где предполагалось выполнение указанных вспомогательных работ представителями подрядных организаций. Записи тепловизионных камер с определенной периодичностью негласно копировались оперативным работником. Впоследствии полученные с камер доку-

ментальные свидетельства были легализованы в установленном порядке и послужили неопровержимым доказательством невыполнения подрядными организациями заявленных объемов вспомогательных работ.

В завершение следует отметить, что исключительную роль в создании условий для модернизации в стране, перехода на инновационный путь развития, устойчивого роста национальной экономики играет эффективное функционирование железнодорожного транспорта. От состояния и качества работы железнодорожного транспорта зависят не только перспективы дальнейшего социально-экономического развития, но также возможности государства эффективно выполнять такие важнейшие функции,

как защита национального суверенитета и безопасности страны, обеспечение потребности граждан в перевозках, создание условий для выравнивания социально-экономического развития регионов.

Учитывая многомиллиардные денежные вложения, направляемые в строительный сектор железнодорожного транспорта из средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации, необходимы действенные меры, направленные на недопущение расхищения указанных денежных средств. При этом большое значение приобретает правильный выбор оперативным работником методов и средств оперативно-розыскной деятельности, среди которых одним из наиболее эффективных является наблюдение.

Список литературы

1. Веренич И.В. Использование специальных знаний в процессе расследования преступлений, совершенных в сфере строительства, эксплуатации зданий и сооружений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 179 с.
2. Состояние и перспективы строительной отрасли в Российской Федерации в 2016-2017 гг. URL: <http://www.indexbox.ru/news/sostojanie-i-perspektivy-stroitelnoj-otrasli-rf/> (дата обращения: 18 мая 2017 г.).
3. Сараев П.Н. Экономические преступления в сфере строительства как классификационная группа и ее значение для оптимизации расследования // Современное право. 2014. N 2. С. 109-113.
4. Старцева Е.А. Характеристика способов преступной деятельности в сфере строительства // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. N 2 (15). С. 254-258.
5. Борин Б.В. Характеристика криминогенной обстановки в строительной сфере // Российский следователь. 2007. N 11. С. 17-19.
6. Розин А.Н. Расследование мошенничества в сфере жилищного строительства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 245 с.
7. Задерако С.В. Особенности расследования корыстных преступлений в сфере строительства: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2013. 210 с.
8. Бобринев Р.В. Расследование налоговых преступлений, совершаемых в сфере строительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 191 с.
9. Ларичев Е.В. Классификация и характеристика способов и схем совершения налоговых преступлений в строительной сфере // Следователь. 2010. N 3. С. 21-25.
10. Шахматов А.В., Захарцев С.И. Об истории регулирования оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» как формы содействия борьбы с преступностью // История государства и права. 2004. N 2. С. 21-25.
11. Антонов И.Ю. Некоторые направления совершенствования оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение», проводимого с применением технических средств // Общество и право. 2005. N 2 (52). С. 217-219.
12. Лукашин М.В., Огурцов А.Е. К вопросу о сущности скрытого наблюдения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. N 1 (15). С. 64-66.
13. Лахтин В.Д. Наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2007. N 2 (11). С. 106-111.
14. Веденин А.В. Наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие, особенности использования его результатов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. 26 с.
15. Зникин В.К. Результаты ОРД в уголовном процессе // Законность. 2005. N 11. С. 37-39.

References

1. Verenich I.V. Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy v protsesse rassledovaniya prestupleniy, sovershennykh v sfere stroitel'stva, ekspluatatsii zdaniy i sooruzheniy. Kand. Diss. [Using of special knowledge in the process of investigating crimes committed in the field of construction, property and facility management. Cand. Diss.]. Moscow, 2010. 179 p.

2. Sostoyanie i perspektivy stroitel'noy otrasli v Rossiyskoy Federatsii v 2016-2017 gg. [Current state and potential of the construction field in the Russian Federation in 2016-2017]. Available at: <http://www.indexbox.ru/news/sostoyanie-i-perspektivy-stroitelnoj-otrasli-rf/> (Accessed May 18 2017).
3. Saraev P.N. Ekonomicheskie prestupleniya v sfere stroitel'stva kak klassifikatsionnaya gruppa i ee znachenie dlya optimizatsii rassledovaniya [Economic crimes in the field of construction as a classification unit and its importance of investigational optimization]. *Sovremennoe pravo – Modern law*, 2014, no. 2, pp. 109-113.
4. Startseva E.A. Kharakteristika sposobov prestupnoy deyatel'nosti v sfere stroitel'stva [Ways of committing acrimine in the Construction Industry]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 2, pp. 254-258.
5. Borin B.V. Kharakteristika kriminogennoy obstanovki v stroitel'noy sfere [Characteristic of the crime situation in the Construction field]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*, 2007, no. 11, pp. 7-19.
6. Rozin A.N. Rassledovanie moshennichestva v sfere zhilishhnogo stroitel'stva. Kand. Diss. [Investigation of frauds in the field of housing construction. Cand. Diss.]. Moscow, 2004. 245 p.
7. Zaderako S.V. Osobennosti rassledovaniya korystnykh prestupleniy v sfere stroitel'stva. Kand. Diss. [Particulars of the investigation of acquisitive crimes in the field of housing construction. Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2013. 210 p.
8. Bobrinev R.V. Rassledovanie nalogovykh prestupleniy, sovershaemykh v sfere stroitel'noy deyatel'nosti. Kand. Diss. [Investigation of fiscal offenses in the Construction field. Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 191 p.
9. Larichev E.V. Klassifikatsiya i kharakteristika sposobov i skhem soversheniya nalogovykh prestupleniy v stroitel'noy sfere [Classification and characteristic of ways and modes of committing tax crimes in the Construction field]. *Sledovatel' – Investigator*, 2010, no. 3, pp. 21-25.
10. Shakhmatov A.V., Zakhartsev S.I. Ob istorii regulirovaniya operativno-rozysknogo meropriyatiya "nablyudenie" kak formy sodeystviya bor'by s prestupnost'yu [History of the operational measures "Surveillance" management as a form of crime control]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of state and law*, 2004, no. 2, pp. 21-25.
11. Antonov I.Yu. Nekotorye napravleniya sovershenstvovaniya operativno-rozysknogo meropriyatiya "nablyudenie", provodimogo s primeneniem tekhnicheskikh sredstv [Ways of technical improvement of the operational measures "Surveillance"]. *Obshchestvo i pravo – Society and law*, 2005, no. 2 (52), pp. 217-219.
12. Lukashin M.V., Ogurcov A.E. K voprosu o sushhnosti skrytogo nablyudeniya [Question of the basics of covert surveillance]. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1 (15), pp. 64-66.
13. Lahtin V.D. Nablyudenie kak operativno-rozysknoe meropriyatie [Surveillance as an operational measure]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" – Bulletin of Omsk University. Series: "Law"*, 2007, no. 2 (11), pp. 106-111.
14. Vedenin A.V. Nablyudenie kak operativno-rozysknoe meropriyatie, osobennosti ispol'zovaniya ego rezul'tatov. Avtoref. Kand. Diss. [Surveillance as an operational measure and some particulars of using its results. Autoabstract Cand. Diss.]. Vladimir, 2012. 26 p.
15. Znikin V.K. Rezul'taty ORD v ugovlovnom processe [ORD assessment in criminal proceedings]. *Zakonnost' – Legality*, 2005, no. 11, pp. 37-39.

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

<p>БЕЛЬКОВ В.А., vladislav-cherem78@mail.ru Кафедра уголовного процесса и криминалистики; Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4</p>	<p>BELKOV V.A., vladislav-cherem78@mail.ru Chair of criminal procedure and criminalistics; Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Nekrasova St. 4, Irkutsk, 664011, Russian Federation</p>
---	---

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Незаконная рубка лесных насаждений является актуальной проблемой, требующей изучения криминалистической характеристики данного преступления в целом и способа его совершения в частности. В статье способы совершения рассматриваемого преступления раскрываются при помощи классификации. Первый критерий предлагаемой классификации основан на характере совершаемых преступных действий. Соответственно, выделяются незаконная рубка, осуществляемая при помощи бензопил, ручных пил, аккумуляторных пил и иных устройств и приспособлений, а также повреждения различного характера до степени прекращения роста. Вторым критерием классификации – разрешительная документация, имеющаяся у преступника. В соответствии с ним различаются: рубка, совершаемая при полном или частичном отсутствии разрешительных документов; рубка, совершаемая при наличии поддельных документов; рубка, совершаемая при наличии разрешительных документов, но с нарушениями установленных требований; рубка, совершаемая на основании документов, в которые должностными лицами лесхоза и иных органов умышленно внесены искаженные сведения в интересах лесозаготовителя. По мнению автора статьи, знание отличительных особенностей совершения незаконной рубки лесных насаждений позволит установить следовую картину действий преступников, что положительно отразится на результате всего расследования.

Ключевые слова: способ совершения преступления; незаконная рубка; криминалистическая характеристика преступления; следы преступления; противодействие преступлениям; классификация.

THE WAY OF COMMITTING ILLEGAL FELLING OF FOREST PLANTATIONS AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIME

Annotation. Illegal felling of forest plantations is an urgent problem requiring the study of the criminalistic characteristics of the considered crime as a whole and the way of its committing in particular. The ways of committing the analyzed crime are considered by the author of the article by means of classification. The first criterion of the proposed classification is based on the nature of the committed criminal acts. Accordingly, the author of the article distinguishes the illegal felling carried out by using chainsaws, hand saws, battery saws and other devices, as well as the damage of different types leading to the cessation of tree growth. The second criterion of classification is the licensing documentation available to the offender. According to this criteria, the following types of illegal felling are distinguished: felling carried out with full or partial lack of permitting documents; felling carried out with forged documents; felling carried out with permitting documents, but with violations of the established requirements; felling carried out on the basis of documents which contain deliberately distorted information made by officials of forestry and other bodies in the interests of loggers. According to the author's opinion, the knowledge of distinctive features of the illegal felling of forest plantations will make it possible to reconstruct the crime scene and to detect the traces of the crime. It will also positively affect the result of the investigation.

Keywords: way of committing crime; illegal felling; criminalistic characteristics of crime; traces of crime; counteraction to crimes; classification.

Восстановление лесного потенциала планеты является долговременным и трудоемким процессом, поскольку для произрастания и достижения необходимых параметров большинству лиственных и хвойных пород деревьев требуется от 100 до 120 лет [1, с. 24]. При этом активное внедрение передовой научной мысли привело к появлению образцов техники, способной за 12 часов работы заготовить 250 кубов древесины [2, с. 89]. Все это в условиях повышенного спроса растущего населения земного шара на пиломатериалы заставляет многие страны вводить ограничения на промышленную рубку древесины. Установление таких лимитов, помимо достижения благих целей, способствует активизации узконаправленной преступности и теневого рынка лесоматериалов, который приобрел широкий масштаб в Индонезии, Бразилии и ряде иных стран. К сожалению, не стала исключением и богатая лесными ресурсами Российская Федерация, в которой за последние 20 лет количество свершаемых экологических преступлений увеличилось в разы: в 1997 г. было зарегистрировано 6971 экологическое преступление, в 2001 г. — 17 128, а в 2017 г. — 24 379. При этом, несмотря на общее снижение уровня преступности в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом на 4,7 %, наблюдается рост числа экологических преступлений на 2,9 % за аналогичный период времени*.

В подобных условиях в качестве одной из эффективных мер противодействия незаконным рубкам лесных насаждений выступает постоянная работа над улучшением методического обеспечения деятельности правоохранительных органов, которое разрабатывается на основе успешного правоприменительного опыта. Подобная работа должна быть направлена на изучение криминалистической характеристики таких преступлений, и в частности особенностей способа их совершения.

Следует отметить, что способ совершения преступления является одним из важных объектов изучения криминалистики, уголовного права, криминологии и иных наук, поскольку полученные сведения

имеют большое значение для квалификации содеянного, установления мотивов преступника, его психологических особенностей и выяснения иных обстоятельств. При этом криминалистика имеет свои векторы в изучении данного понятия с учетом решения тех задач, которые ставятся перед этой наукой. Чаще всего в криминалистике способ совершения преступления выступает элементом криминалистической характеристики, которому отводится весьма существенная роль. Например, Е.П. Ищенко определяет данное понятие как объективно и субъективно обусловленную систему действий (бездействия) субъекта преступного посягательства, которая, безусловно, оставляет характерные следы, позволяющие при использовании основных криминалистических средств, методов и способов выяснить истинную суть произошедшего, особенности личности виновного [3, с. 40]. Подобный подход видится вполне оправданным, поскольку в случае совершения незаконной рубки именно сведения о способе позволяют получить важную для следствия информацию о личности преступника и установить иные обстоятельства.

При этом необходимо отметить, что в криминалистической литературе имеются разные подходы к описанию способов совершения незаконных рубок лесных насаждений, а также их классификации. Например, И.А. Фомина, рассматривая способы совершения незаконных рубок, выделяет незаконные рубки лесных насаждений и повреждения до степени прекращения роста. Незаконные рубки лесных насаждений подразделяются на способы рубки, связанные с обманом (рубки, осуществляемые с помощью заведомо неверно составленной документации на вырубку; рубки, осуществляемые путем подмены видов или предмета рубки; рубки с использованием различных уловок), и способы рубки, связанные с отсутствием разрешительной документации (осуществление рубок без каких-либо документов или с использованием поддельных (недействующих) документов; рубки, осуществляемые с нарушениями существующей документации) [4, с. 35]. В свою очередь, М.А. Васильева [5], С.В. Унжакова [6], Н.И. Ефимова [7] и другие авторы совершенно иначе освещают данный вопрос.

* Состояние преступности // МВД России: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>

Наличие разных подходов к описанию способов совершения незаконных рубок лесных насаждений, а также к их классификации во многом обусловлено отличительными особенностями конкретных эпизодов противоправной деятельности и разнообразием деяний незаконных лесозаготовителей, многие из которых в процессе неоднократного выполнения аналогичных действий кардинально совершенствуют способы осуществления рубки. Данный процесс имеет целью максимальное облегчение деятельности преступников, в то время как правоохранительные органы вынуждены проводить постоянную работу по повышению возможностей эффективного противодействия таким угрозам. При этом в связи с высокой вероятностью появления новых способов и схем совершения преступления требуется создание классификаций, обладающих актуальностью в настоящий период времени и возможностью дальнейшего совершенствования для обеспечения нужд следствия. Иными словами, речь идет о возможности отражения в подобных систематизациях тех способов, которые изменятся или появятся в обозримом будущем. Соответственно, при освещении вопроса о способах совершения рассматриваемого преступления видится целесообразным использование классификации, основанной на следующих критериях:

I. В зависимости от характера совершаемых действий:

1. Незаконная рубка (выявлена в 98 % изученных материалов уголовных дел)*. Законодатель указывает, что в соответствии со ст. 16 Лесного кодекса Российской Федерации (далее – ЛК РФ) рубками лесных насаждений (деревьев, кустарников, лиан в лесах) признаются процессы их валки (в том числе спиливания, срубания, срезания), а также иные технологически связанные с ними процессы (включая трелевку, частичную переработку, хранение древесины

в лесу)**. Следует отметить, что настоящее определение предназначено прежде всего для описания действий, выполняемых легальными лесозаготовителями, поскольку ими реализуется весь комплекс необходимых мероприятий, регламентированных законодательством и требованиями предприятий. В свою очередь, граждане, незаконно осуществляющие свою деятельность, могут не выполнять многие из указанных процессов, что является отличительной особенностью такой рубки.

Однако при изучении рассматриваемой классификации ключевая роль отводится процессу валки, который всегда осуществляется в деятельности как легальных, так и нелегальных лесозаготовителей. Валкой, исходя из определения, содержащегося в ст. 16 ЛК РФ, является совершение процессов спиливания, срубания, срезания. Следовая картина на месте происшествия в этом случае характеризуется наличием пней с явными следами спиливания, срубания, срезания, о чем свидетельствует присутствие опилок, щепок или стружки. При этом чаще всего заметен факт относительно прямой линии распила, а также надпила клиновидной формы, которые имеются на пнях и хлыстах. Кроме того, в непосредственной близости от места происшествия практически всегда находятся транспортные средства, на которых осуществлялся вывоз древесины.

Выполнение преступниками спиливания, срубания, срезания возможно при помощи различных инструментов, которые в широком ассортименте представлены мировыми производителями подобной продукции. Вместе с тем, как следует из анализа материалов уголовных дел, при совершении незаконной рубки на территории Российской Федерации чаще всего используются:

а) бензомоторные (бензиновые) пилы – примерно в 94 % случаев. Важно отметить, что отличительной особенностью бензопилы выступает наличие двигателя внутреннего сгорания, благодаря работе которого цепь приводится в

* Автором были исследованы материалы 250 уголовных дел из разных субъектов Российской Федерации, по которым мировыми судьями и районными судами вынесены обвинительные приговоры по ст. 260 УК РФ (далее – материалы уголовных дел).

** Лесной кодекс Российской Федерации от 4 дек. 2006 г. N 200-ФЗ: ред. от 3 авг. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 50. Ст. 5278; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

действие. Производительность труда при ее использовании значительно выше, чем при работе с другими инструментами, что существенно ускоряет процесс валки. Кроме того, бензомоторной пиле при невысокой стоимости требуется минимальное техническое обслуживание. В случае необходимости заточка цепи осуществляется непосредственно в лесном массиве.

Относительно небольшие массогабаритные характеристики, незначительное потребление ГСМ* и другие факторы привели к тому, что бензопила является одним из распространенных изделий, применяемых незаконными лесозаготовителями для осуществления валки деревьев и выполнения иных процессов. Преступления сегодня совершаются преимущественно посредством использования бензопил иностранного производства, отличающихся высокой надежностью. Однако при совершении подобного деяния могут использоваться и иные образцы изделий, которые удалось приискать на подготовительной стадии.

Следовая картина на месте происшествия при использовании бензомоторной пилы характеризуется тем, что линия отделения ствола от оставшихся частей дерева (пни, хлысты и др.) имеет ровную поверхность. Кроме того, в местах распила и надпила на частях деревьев и земной поверхности присутствуют опилки, которые чаще всего имеют относительно крупные размеры. Такая величина опилок обусловлена работой цепи бензомоторной пилы и связана с ее заточкой, степенью износа, длиной и шириной зубьев и др. Немаловажными являются следы бензина, масла и иных ГСМ, которые всегда имеются при использовании подобного инструмента.

Следует отметить, что именно в опилках, образующихся в результате работы бензопилы, всегда содержатся примеси масла, применяющегося для смазки цепи. Помимо этого, частицы масла и бензина могут оставаться на пнях, хлыстах, а также иных предметах и поверхностях вследствие осуществления процессов вал-

ки, раскряжевки, чистки, протирки, смазки или заправки инструмента. Например, согласно материалам уголовного дела, при осмотре места происшествия было обнаружено девять пней деревьев породы береза белая, на которых имелись опилки и частицы масла. В последующем при проведении иных следственных действий у гражданина М. была обнаружена древесина объемом 1,82 кубических метра и бензиновая пила «Partner 350»**;

б) ручные пилы составляют 2 % случаев. Ручную пилу отличает необходимость осуществления пилящих действий стальной заостренной пластиной исключительно за счет мускульной силы человека. При этом в качестве ручных пил используются ножовки, двуручные пилы и другие разновидности этого орудия. Данный инструмент по сравнению с бензопилой требует гораздо больших затрат сил человека при осуществлении рубки, что обусловило его меньшую распространенность у незаконных лесозаготовителей. В связи с этим, как правило, только при отсутствии иных инструментов преступниками используется ручная пила.

Говоря о следах на месте происшествия, необходимо отметить наличие линий распила и надпила, а также опилок, которые имеют относительно небольшие размеры. Подобная особенность обусловлена полотном ручной пилы и сравнительно маленькими зубьями, которые чаще всего не имеют загибов. Кроме того, зубья на полотне пилы расположены очень близко друг к другу, что и сказывается на величине опилок, которые в данном случае не имеют следов масла. Например, в материалах уголовного дела указывается, что при осмотре места происшествия, расположенного в лесопитомнике, помимо прочего были найдены опилки. В последующем, после производства допросов подозреваемых Ч. и А. были обнаружены нелегально заготовленные ели и ручная пила, на которой имелись свежие опилки небольших размеров***;

* Горюче-смазочные материалы // Методические рекомендации по бухгалтерскому учету горюче-смазочных материалов в сельскохозяйственных организациях: утв. Минсельхозом России 16 мая 2005 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

** Уголовное дело N 1-1132/2011 // Архив Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края. 2011 г.

*** Уголовное дело N 1-41/2013 // Архив Тюменцевского районного суда Алтайского края. 2013 г.

в) топоры – 2 % случаев. Топором при совершении рубки осуществляется срубание и срезание железной лопастью с лезвием и обухом исключительно за счет мускульной силы человека. В настоящее время имеются разные виды топоров, основные отличия моделей которых заключаются в длине ручки, ширине лезвия и других массогабаритных характеристиках элементов конструкции. При описании орудия совершения незаконной рубки в материалах уголовных дел обычно не уточняется конкретный вид топора, однако иногда в протоколах следственных действий такая информация содержится. Наиболее часто указываются топор лесоруба, колун, драч. Несмотря на широкую распространенность среди сельского населения и представителей разных профессий, топор не является распространенным орудием незаконной рубки, поскольку, исходя из показаний подозреваемых, применение этого инструмента требует наибольших временных и физических затрат для валки деревьев.

Следует отметить, что об использовании топора свидетельствует в первую очередь линия срубания, имеющаяся на пнях и хлыстах. Подобная линия не имеет ровной поверхности, что обусловлено совершением преступниками рубящих действий. Кроме того, наличие на месте совершения преступления тонких древесных пластинок, которые именуются щепками или щепой, также имеет важное значение. Именно присутствие щепок однозначно указывает на применение топора, поскольку в случае задействования иных инструментов щепок практически не остается. Помимо этого, в гораздо меньшем количестве на месте происшествия может обнаруживаться стружка, которая отличается от щепок своей шириной. Однако стружка чаще всего образуется при строгании досок, для которого необходимы ручной или электрический рубанок, стамеска или иные подобные инструменты, практически никогда не используемые при рубке деревьев. В связи с этим обнаружение стружки на месте происшествия по делам о незаконной рубке лесных насаждений указывает на высокую степень вероятности использования топора. Например, в материалах уголовного дела указано, что на месте незаконной рубки находятся пни березы и осины, имеющие линию сруба-

ния. Кроме того, на месте изъяты образцы опилок, щепки и стружки. В дальнейшем при проведении обыска и выемки были обнаружены бензопила «Дружба-4», топор, а также хлысты деревьев породы береза и осина*;

г) аккумуляторные пилы, которые используются более чем в 1 % случаев. Отличительной особенностью аккумуляторной пилы является наличие аккумуляторной батареи, снабжающей энергией электродвигатель, который приводит цепь в действие. Необходимо отметить, что в настоящее время количество фактов применения таких пил при совершении рубок является минимальным, ранее на практике их не было. Это связано с недостаточной эффективностью данных инструментов при осуществлении рубки в силу слабой емкости аккумуляторных батарей, их плохой работы в условиях низких температур и иных недостатков, что сказывается на продолжительности работы без подзарядки.

Следовая картина на месте происшествия при использовании аккумуляторной пилы характеризуется присутствием линии распила и надпила, а также крупных опилок. Вместе с тем, в отличие от применения бензомоторной пилы, вероятность обнаружения частиц ГСМ заметно снижена, поскольку в таком инструменте применяется только масло для смазывания цепи. В частности, в протоколе осмотра места происшествия говорится об обнаружении 7 пней деревьев породы береза и опилок. В дальнейшем у одного из обвиняемых – гражданина К. была изъята аккумуляторная пила «Greenworks»**;

д) иные устройства и приспособления – менее чем 1 % случаев. В качестве таких устройств использовались электрические пилы, для работы которых необходим ток с напряжением 220 В, а также лобзики, перфораторы и иные инструменты.

2. Повреждения до степени прекращения роста (выявлены в 2 % изученных материалов уголовных дел). Речь идет

* Уголовное дело N 1-295/2011 // Архив Кяхтинского районного суда Республики Бурятия. 2011 г.

** Уголовное дело N 1-30/2013 // Архив Чудовского районного суда Новгородской области. 2013 г.

об использовании любых инструментов, приспособлений, механизмов и т.д., при помощи которых растению наносятся повреждения. Подобные повреждения могут быть самыми разнообразными, однако они должны приводить к прекращению роста дерева, что влечет необходимость установления причинно-следственной связи. На практике имеют место случаи, когда данное преступление реализуется посредством слома ствола дерева либо повреждения коры или иных слоев растения.

Кроме этого, имеются факты повреждения корневой системы, осуществляемого при помощи различных механических и иных средств, а также действий по выкапыванию дерева, его вырыванию (с использованием тросов или веревок) и т.д. Место происшествия при таком способе характеризуется взрыхленным почвенным слоем возле корневой системы, наличием линии слома ствола дерева, большой локализацией ободранной коры или луба, а также любыми иными следами повреждений. Помимо этого обязательным атрибутом таких преступлений являются следы колес и гусениц тяжелой техники. Например, при осмотре места происшествия были обнаружены линии слома нескольких стволов деревьев, повреждения корневой системы и коры отдельных образцов. Также найдены следы протектора транспортного средства с большой шириной колеи. В результате проведения оперативно-розыскного мероприятия был обнаружен экскаватор колесный марки «ЕК-14-60», использовавшийся для добычи песчано-гравийной смеси*.

Следует отметить, что повреждения до степени прекращения роста совершаются значительно реже рубки, однако они все же находят отражение в материалах судебной практики. Чаще всего подобные деяния совершаются посредством использования специальной техники определенной группой лиц, которые осуществляют вблизи прокладку линий электропередач, нефтепровода или трубопровода, а также производят строительные, ремонтные, дорожные либо иные виды работ аналогичного характера. Например, в обвинитель-

ном приговоре суда указано, что гражданин К., будучи бульдозеристом 6 разряда АО «Приморгеология», воспользовавшись служебным бульдозером Б 10.111-ЕН без государственного регистрационного знака, путем выкорчевывания повредил до степени прекращения роста 40 сырорастущих деревьев различных пород**.

Раскрывая данную классификацию, необходимо отметить разнообразие статистических показателей у разных авторов и акцентирование их внимания на отдельных нюансах. Например, Н.И. Ефимова указывает, что практически 92,9 % данных преступлений совершено посредством незаконной рубки, в частности спиливания, с использованием в качестве орудия преступления бензопилы. Вместе с тем называются и такие орудия преступления, как топор, двуручная пила, – 1,2 %, автотранспорт (при повреждении до степени прекращения роста, в результате наезда) – 0,9 %, ножовка – 1,2 % [7, с. 96]. В свою очередь, М.А. Васильева утверждает, что незаконная рубка осуществляется путем полного отделения ствола от корня (95 %), а остальные способы связаны с повреждением до степени прекращения роста лесных насаждений [5, с. 63], не приводя каких-либо дополнительных пояснений. Думается, что подобный разброс показателей вызван как временем проведения самих исследований, так и наличием региональных особенностей, присущих эмпирическому материалу в тот период.

Приведенная классификация необходима правоприменителю, поскольку позволяет систематизировать разнообразные орудия и средства преступления, что актуально для расследования дел данной категории. Однако не менее важной является классификация, раскрывающая характерные особенности действий преступников, в которой решающая роль отводится использованию документов.

II. В зависимости от разрешительной документации, имеющейся у преступника, выделяется:

1. Рубка, совершаемая при полном отсутствии разрешительных документов

* Уголовное дело N 1-6/2017 // Архив Красноборского районного суда Архангельской области. 2017 г.

** Уголовное дело N 1-112/2017 // Архив Дальнереченского районного суда Приморского края. 2017 г.

или их части (32 % изученных уголовных дел данной категории). Подобный способ рубки характерен для физических лиц, осуществляющих заготовку древесины для собственных нужд. При этом выявление таких случаев происходит при проведении проверочных действий в лесном массиве и на дорогах местного значения.

Подобные факты выявляются, как правило, при проведении внеплановых рейдовых мероприятий либо совместных действий нескольких служб или организаций (лесничеств, ОВД России, общественных организаций, органов местного самоуправления и др.), а также в случае осуществления проверочных действий региональными и межрегиональными подразделениями. Иными словами, эффективность проверочных действий в данном случае связана с минимальными возможностями влияния на ситуацию со стороны территориальных органов лесного контроля и МВД России.

Важно отметить, что при совершении рубки без разрешительных документов правонарушители нередко пытаются скрыться от работников лесничеств или сотрудников полиции, уклонившись от проверочных действий. В подобных ситуациях незаконные лесозаготовители рассчитывают на хорошее знание местности, технические возможности транспортных средств, собственное мастерство либо иные обстоятельства.

Следовая картина при данном способе обусловлена тем, что преступление распространено среди физических лиц, осуществляющих рубку для удовлетворения собственных нужд, что, в свою очередь, сказывается на применяемой технике и масштабах совершенного преступления. В связи с этим сравнительно небольшой объем нелегально заготовленной древесины будет свидетельствовать о высокой доле вероятности осуществления рубки при полном отсутствии документов или их части. Например, в обвинительном приговоре суда указано, что граждане М., Р. и П. посредством использования бензопилы «STIHL MS-180/C» осуществили валку 18 сырораствующих деревьев породы сосна обыкновенная выборочным способом.

В последующем при помощи автомобиля «УАЗ» данными лицами произво-

дилась трелевка и транспортировка древесины*.

2. Рубка, совершаемая при наличии поддельных документов (18 % изученных уголовных дел данной категории). Этот способ чаще всего применяется лицами, имеющими доступ к копировальной, множительной, компьютерной и иной технике, а также бланкам, печатям и штампам, которые преступники могут использовать с целью осуществления противоправной деятельности. Посредством данной аппаратуры и иных объектов совершаются действия, в результате которых происходит изготовление подложной документации. При этом наряду с техническими средствами преступники используют специальное программное обеспечение, без применения которого выполнение этих действий становится невозможным либо качество выполняемых работ существенно снижается.

В ситуации, когда незаконный лесозаготовитель не обладает должными навыками по самостоятельному использованию имеющихся компьютерных средств либо они отсутствуют в полном объеме, преступник обращается за помощью к специалистам в сфере компьютерных технологий либо иным лицам, являющимся носителями необходимых знаний и способным помочь в изготовлении подделки. Например, самым распространенным способом совершения подобных преступлений является использование старых разрешительных документов, оставшихся у преступника после осуществления легальной рубки, либо применение незаполненных бланков, приискание которых происходит через сеть Интернет или сотрудников лесхоза. В подобных документах исправляется старая информация или вносится новая посредством предварительного сканирования, обработки в графических программах.

Редким является использование настоящих бланков, печатей и штампов, поскольку количество людей, имеющих к ним доступ, как правило, ограничено, и в случае производства проверочных дей-

* Уголовное дело N 1-4/2017 // Архив Ольхонского районного суда Иркутской области. 2017 г.

ствий такое лицо устанавливается. Подделка подписи должностных лиц также стала применяться значительно реже вследствие повышения возможностей технических устройств.

При этом в связи с развитием и обширным внедрением компьютерной и иной техники в образовательных, производственных и иных процессах ежегодно возрастает количество лиц, обладающих соответствующими навыками, что влечет риск количества преступлений, совершаемых данным способом, и совершенствование действий преступников в сфере высоких технологий. В связи с этим результативная проверка подлинности представленных документов возможна только посредством направления запроса в орган, выдавший подобное разрешение, либо назначения почерковедческой и иных экспертиз, которые требуют значительных временных затрат.

Следовая картина при данном способе рубки может быть разнообразной. Наиболее эффективно выясняются подобные случаи при осуществлении проверочных мероприятий (проверка транспортных средств сотрудниками ГИБДД, БЭПиПК, работниками лесхозов и др.). Кроме того, выполняемые преступником действия могут быть самыми разнообразными. Так, в ходе проведения проверочных мероприятий установлено, что гражданин В. заполнил бланк-заявление о заключении договора купли-продажи лесных насаждений в объеме 25 кубических метров для заготовки древесины для собственных нужд от имени гражданина Л., а также составил доверенность от данного лица. В последующем указанные документы были использованы для получения договора купли-продажи, заключенного с Плесецким участковым лесничеством, что позволило скрыть факт совершения незаконной рубки лесных насаждений*.

3. Рубка, совершаемая при наличии разрешительных документов, но с нарушением установленных требований (около 36 % уголовных дел, изученных по данной категории). Характерной осо-

бенностью данного способа выступает наличие определенного плана действий у лесозаготовителей, который реализуется после получения разрешительной документации, в которой искажаются сведения о фактически заготовленной ими древесине. В конечном итоге это приводит к несоответствию сведений показателям, установленным разрешительными органами, и влечет использование имеющейся документации для прикрытия противоправной деятельности.

Данный способ, являясь одним из самых распространенных, используется в деятельности как крупных организаций, так и небольших фирм или индивидуальных предпринимателей, работа которых связана с лесозаготовкой. При этом конкретные формы совершения такого способа могут быть весьма разнообразными. Например, наиболее частой является ситуация выхода за границы установленной лесосеки. Вместе с тем доказывание умысла в случае незначительного выхода за пределы отведенного участка сложно реализовать на практике, поскольку даже устройства навигации GPS, используемые для привязки на местности, имеют определенную погрешность. Также это может выражаться в осуществлении рубки свыше тех объемов, которые установлены в разрешительной документации.

В связи с этим проблемой является также рубка лесов иной категории либо совершение определенных мошеннических действий в этой сфере. Например, лицо, получив лесорубочный билет на осуществление санитарной рубки деревьев, пострадавших от лесного пожара, осуществляет заготовку здоровой древесины, не подвергавшейся термическому воздействию. Кроме того, имеют место факты осуществления рубки других пород древесины. При этом в лесорубочном билете указываются сведения о разрешенной рубке лиственных деревьев, а фактически производится заготовка более ценных хвойных пород деревьев.

При реализации данного способа могут умышленно вноситься изменения в окружающую обстановку, например посредством установления или повреждения квартальных или деляночных столбов, нанесения ложных меток на деревьях и т.д.

* Уголовное дело N 1-188/2016 // Архив Плесецкого районного суда Архангельской области. 2016 г.

Выполнение этих действий приводит к производству фактической рубки на другом участке леса, не предназначенном для этих целей, который чаще всего характеризуется наличием более спелой и ценной древесины. Реже имеют место факты совершения рубки в период времени, отличающийся от промежутков, отведенных на осуществление лесозаготовки.

Следует отметить, что в настоящее время имеется множество способов совершения данного преступления, которые совершенствуются в результате принятия новых правил выдачи разрешительной документации и осуществления контроля за лесосеками.

Вместе с тем следовая картина характеризуется профессионализмом в совершении рубки, что сказывается на выполнении валки, трелевки, раскряжевки и иных технологических процессах. Иными словами, речь идет о выбранных местах складирования, хорошо выполненных заплатах, поваленных в одном направлении деревьях и др. Кроме того, в этом случае практически всегда используются профессиональный инструмент и техника, что сказывается на скорости и качестве проводимой работы. Как уже было отмечено, все это имеется только в распоряжении лесозаготовительных организаций, которые часто осуществляют легальную деятельность в непосредственной близости от места обнаружения подобных рубок. Например, в материалах уголовного дела сообщается, что гражданин М., работающий в лесозаготовительной организации, убедил ее директора направить бригаду с целью продолжения работ на делянке и прилегающих к ней территориях для большего освоения произрастающего леса, а именно продолжения рубки лесных насаждений, их трелевки, частичной переработки и вывоза из леса*.

4. Рубка, совершаемая на основании разрешительных документов, в которые должностными лицами лесхоза и иных органов умышленно внесены искаженные сведения в интересах лесозаготовителя (около 14 % уголовных дел, изученных

по данной категории преступлений). Этот способ характеризуется наличием коррупционных связей между заготовителем древесины и работниками органов лесного хозяйства либо иных организаций, уполномоченных выдавать разрешительную документацию. Данная категория дел отличается сложностью привлечения виновных лиц к установленной ответственности, так как правонарушители руководствуются собственными корыстными мотивами и не заинтересованы в прекращении преступной деятельности. Кроме того, возможность наступления уголовной ответственности является причиной повышенной латентности преступлений. Таким образом, данный способ является одним из наиболее общественно опасных, поскольку влечет нарушения установленного законом порядка функционирования деятельности системы органов государственной власти и местного самоуправления.

Конкретные формы реализации настоящего способа могут быть многообразными. Например, используется занижение объема произрастающего леса на лесосеке. Подобные факты реализуются посредством указания меньшего диаметра стволов или количества деревьев при отводе лесосеки. Возможны случаи завышения объемов, которое необходимо преступникам для придания законного статуса нелегальной древесине, заготовленной в иных местах. Нередкими являются факты выдачи разрешительных документов, дающих право, например, на проведение санитарной рубки в тех лесах, которые не имеют определенных заболеваний, и т.д., то есть отсутствуют законные основания для осуществления подобной рубки. Кроме того, на практике возможны эпизоды любых неправомερных искажений, посредством которых вносятся изменения в схемы и границы лесных участков, породный состав произрастаемой древесины, ее возраст, материальную оценку лесосеки и множество других нюансов, направленных на реализацию преступного умысла.

Исходя из анализа уголовных дел, следует прийти к выводу, что наиболее часто подобные случаи имеют место при выявлении высокоорганизованной группы, систематически совершающей незаконную рубку для получения прибыли. Достаточ-

* Уголовное дело N 1-49/2011 // Архив Кондопожского городского суда Республики Карелия. 2011 г.

но редко этот способ совершения преступления обусловлен наличием родственных или дружеских связей должностного лица с преступником, который выполняет единичные эпизоды рубки для удовлетворения личных нужд. Например, в материалах уголовного дела содержится информация о том, что гражданин И., работая инженером в Хасавюртовском лесхозе, осознавая, что действует вопреки интересам службы, подготовил и выписал лесорубочный билет гражданину А., с которым действовал в преступном сговоре. В последующем на основании этого документа была произведена рубка деревьев, а причиненный ущерб составил 3 653 820 рублей*.

Следует отметить, что другие авторы несколько иначе видят данную классификацию и указывают свои статистические показатели. Например, М.А. Васильева отмечает такие категории: рубка без каких-либо разрешительных документов (около 60 %); при наличии разрешительных документов, но превышающая разрешенные объемы рубок (17 %); при наличии разрешительных документов, но совершенная в отношении других пород деревьев (немногим менее 20 %); при наличии фиктивных документов (3 %) [5, с. 82]. По мнению С.В. Унжаковой, можно выделить рубки лесных насаждений, совершаемые без заключения договора аренды лесного участка или без заключения договора купли-продажи (62 % случаев); рубки лесных насаждений с нарушением условий лесной декларации (сверх нормы, не тех пород, за пределами

установленной лесоседеляны – 30 % случаев); рубки, осуществляемые под видом рубок ухода и санитарных (8 % случаев) [6, с. 24]. Во всяком случае практическая значимость подобной классификации весьма очевидна, поскольку она позволяет уточнить конкретные действия преступников, что может свидетельствовать о подготовленности, навыках и иных сведениях личности правонарушителя.

Подводя итоги, необходимо отметить, что обширные знания об отличительных особенностях способа совершения незаконной рубки лесных насаждений позволяют установить следовую картину, определить алгоритм работы преступников, их техническую оснащенность, профессионализм в сфере лесопользования, что действительно важно для следователя или дознавателя. Сведения о способе совершения преступления позволяют выявить особенности конкретного деяния, выдвинуть версии и скорректировать план необходимых действий или мероприятий, что в конечном итоге должно отразиться на результате всего расследования. Кроме того, такая информация позволит установить другие элементы криминалистической характеристики преступления и проверить выдвинутые подозреваемым версии. В связи с этим изучение сведений о способе совершения незаконной рубки лесных насаждений именно на примере представленных классификаций видится целесообразным, поскольку позволяет охарактеризовать и установить конкретные особенности, которые во многом важны для осуществления уголовного преследования.

* Уголовное дело N 1-6/2012 // Архив Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан. 2012 г.

Список литературы

1. Иванов В.В., Борисов А.Н. Восстановительная динамика пихтово-еловых древостоев при выборочном лесопользовании // Лесоведение. 2011. N 5. С. 23-29.
2. Герасимов Ю.Ю., Сенькин В.А., Вяятаинен К. Производительность харвестеров на сплошных рубках // Resources and Technology. 2012. N 9 (2). С. 82-93.
3. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. М.: КОНТРАКТ: АСТ-МОСКВА, 2007. 416 с.
4. Фомина И.А. Методика расследования незаконно рубки лесных насаждений (по материалам регионов Восточной Сибири): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 250 с.
5. Васильева М.А. Первоначальный этап расследования незаконных рубок лесных насаждений (по материалам Дальневосточного региона России): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 208 с.
6. Унжакова С.В. Методика расследования незаконных рубок лесных насаждений: учеб. пособие. Иркутск: ВСИ МВД России, 2010. 104 с.
7. Ефимова Н.И. Особенности криминалистической характеристики незаконной рубки лесных насаждений в качестве информационной базы предварительного расследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2011. N 20. С. 94-99.

References

1. Ivanov V.V., Borisov A.N. Vosstanovitel'naya dinamika pihtovo-elovyh drevostoev pri vyborochnom lesopol'zovanii [The regenerative dynamics of fir-spruce stands in selective forest management]. *Lesovedenie – Forest Science*, 2011, no. 5, pp. 23-29.
2. Gerasimov Yu.Yu., Sen'kin V.A., Vyayataynen K. Proizvoditel'nost' harvesterov na sploshnyh rubkakh [Productivity of harvesters on clear felling]. *Resources and Technology – Resources and Technology*, 2012, no. 9 (2), pp. 82-93.
3. Ishchenko E.P. *Kriminalistika [Forensic science]*. Moscow, CONTRACT: AST-MOSKVA Publ., 2007. 416 p.
4. Fomina I.A. Metodika rassledovaniya nezakonnoy rubki lesnyh nasazhdeniy (po materialam regionov Vostochnoy Sibiri). Kand. Diss. [Methods of investigating the illegal cutting of forest plantations (based on materials from the regions of Eastern Siberia). Cand. Diss.]. Moscow, 2011. 250 p.
5. Vasil'eva M.A. Pervonachal'niy etap rassledovaniya nezakonnyh rubok lesnyh nasazhdeniy (po materialam Dal'nevostochnogo regiona Rossii). Kand. Diss. [The initial stage of the investigation of illegal logging of forest plantations (based on materials from the Far Eastern region of Russia). Cand. Diss.]. Moscow, 2014. 208 p.
6. Unzhakova S.V. Metodika rassledovaniya nezakonnyh rubok lesnyh nasazhdeniy [Methods of investigating illegal logging of forest plantations]. Irkutsk, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 104 p.
7. Efimova N.I. Osobennosti kriminalisticheskoy harakteristiki nezakonnoy rubki lesnyh nasazhdeniy v kachestve informatsionnoy bazy predvaritel'nogo rassledovaniya [Features of the forensic characteristics of illegal logging of forest plantations as an information base for preliminary investigation]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right*, 2011, no. 20, pp. 94-99.

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор, 1955715@rambler.ru	MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences, professor, 1955715@rambler.ru
Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	Chair of administrative activity of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ДУНАЕВА О.Н., dunaevaon@gmail.com	DUNAEVA O.N., dunaevaon@gmail.com
Кафедра управления и права; Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, 76	Chair of management and law; South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Lenin Ave. 76, 454080, Russian Federation

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ*

Аннотация. В статье раскрываются основные этапы и направления государственной политики Японии по обеспечению безопасности в сфере дорожного движения. Высокий уровень эффективности государственного управления в данной сфере обусловлен планомерным выявлением и снижением социальных и транспортных рисков по мере социально-экономического и политического развития страны. Сформировавшуюся модель обеспечения безопасности дорожного движения в Японии можно представить в виде пяти ключевых факторов: государственная политика в данной сфере изначально имела программно-целевой характер; законодательная основа организации и безопасности дорожного движения своевременно изменяется; дорожная инфраструктура совершенствуется на основе приоритетных индикаторов (рискогенных факторов); применяется инновационная система управления дорожным движением; профилактика и пропаганда транспортной культуры с учетом национальных особенностей, способствующая вовлеченности населения страны в соблюдение правил дорожного движения, является одной из значимых гарантий безопасности дорожного движения в стране. Подчеркивается, что реализация государственных целевых комплексных программ и выделение ключевых показателей в настоящее время определяют деятельность в этой сфере не только в Японии, но и в большинстве зарубежных стран, а также в Российской Федерации.

Ключевые слова: дорожное движение; безопасность дорожного движения; государственная политика; социальные и транспортные риски; дорожная полиция.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF JAPAN'S STATE POLICY FOR ENSURING THE SAFETY OF ROAD USERS

Annotation. The article reveals the main stages and directions of Japan's state policy to ensure road traffic safety. The high level of efficiency of public administration in this sphere is determined by the systematic identification and reduction of social and transport risks simultaneously with the social, economic and political development of the country. The established model of ensuring road traffic

* Статья подготовлена в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект N 17-03-00676.

safety in Japan can be presented in the form of five key factors: the state policy in this sphere initially was based on the program for the specific purpose; the legislative basis for the organization and safety of road traffic is changing in a timely manner; the road infrastructure is constantly improving on the basis of priority indicators (risk factors); advanced traffic management system is used; prevention, as well as promoting transport culture, based on the national characteristics and contributing to the involvement of the country's population in compliance with traffic regulations and rules of the road, are important guarantees of road safety. It is emphasized that currently, the implementation of state targeted complex programs and the identification of key indicators determine the activities in this area not only in Japan, but also in most foreign countries, including the Russian Federation.

Keywords: road traffic; road traffic safety; public policy; social and transport risks; traffic police.

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения актуальна во всем мире. В Глобальном докладе о состоянии безопасности дорожного движения в мире (2015 год) Всемирной организации здравоохранения, подготовленном на основании мониторинга 180 стран, констатируется, что, несмотря на достижение стабилизации в области безопасности дорожного движения, в результате дорожно-транспортных происшествий ежегодно погибает около 1,25 млн человек и около 50 млн получают ранения разной степени тяжести. Дорожно-транспортный травматизм обходится странам в 518 млрд долларов в год, что составляет в среднем 2 % их валового национального продукта. В докладе Всемирной организации здравоохранения также отмечается, что пользователи дорог (водители, пассажиры, пешеходы) во всем мире защищены неодинаково. Фиксируется большой разрыв между странами с высоким уровнем дохода и странами с низким уровнем дохода, в которых происходит 90 % случаев со смертельным исходом в результате ДТП, при том, что на эти страны приходится только 50 % транспортных средств в мире*.

Примером успешного решения данной проблемы является Япония, которую отличают традиции обеспечения безопасности дорожного движения и перспективные направления развития в этой сфере. Современная Япония по сравнению с высокоразвитыми странами Европы и США имеет низкие показатели ДТП и смертности в их результате, а также количества нарушений правил дорожного движения, что позволяет утверждать о наличии грамот-

ной государственной политики в данной сфере [1]. В Японии социальный институт безопасности дорожного движения имеет «крепкую опору» во всех слоях общества, фундаментальные основы которой были заложены в конце XX века.

1. Концепция и государственные программы безопасности дорожного движения в Японии (1970-1980 гг.): история становления традиций. Концептуальные основы обеспечения безопасности дорожного движения в Японии были заложены на рубеже 70–80-х годов XX века, когда на волне экономического роста и технического прогресса быстрыми темпами увеличивался автопарк, но параллельно с этим процессом шел стремительный рост дорожно-транспортных происшествий, в том числе со смертельным исходом. Для решения проблемы Закона о дорожном движении, принятого в 1960 г., было недостаточно. В 1970 г. был принят Основной закон о мероприятиях по обеспечению безопасности движения (далее – «Основной закон»), в котором определялись права и обязанности, связанные с деятельностью по повышению безопасности дорожного движения государственных и местных органов власти, министерств и ведомств, предприятий и организаций, должностных лиц, участников дорожного движения. В соответствии с законом была учреждена новая организационная и функциональная структура Управления безопасности дорожного движения. Проект и принятие закона широко освещались в СМИ, что позволило отразить в содержании закона общественные установки по проблеме обеспечения безопасности движения.

В первую очередь были выявлены, проанализированы и устранены причины неэффективности существующих мероприятий по предупреждению ДТП в стране: 1) низкий уровень организации управле-

* Глобальный план осуществления Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2011-2020. URL: http://www.who.int/roadsafety/decade_of_action/plan/russia.pdf

ния деятельностью по безопасности дорожного движения на национальном, префектурном и муниципальном уровнях; 2) недостаточное финансовое обеспечение безопасности дорожного движения; 3) неудовлетворительная подготовка должностных лиц; 4) недостаточная подготовка водителей и пешеходов для участия в дорожном движении. В соответствии с «Основным законом» был разработан Государственный пятилетний план (1971-1975 гг.). В соответствии с прогнозом к 1975 г. ожидался значительный риск увеличения количества погибших до 20 тысяч человек, в том числе около 8 тысяч пешеходов, а общее количество пострадавших – 1,7 млн человек. По завершении срока Государственного плана произошло сокращение количества погибших в ДТП до 10,8 тысяч человек, в том числе пешеходов до 3,7 тысяч [6, с. 769].

На период 1976-1980 гг. был разработан второй Государственный пятилетний план. Предварительные расчеты свидетельствовали, что к 1980 г. при росте автопарка и населения страны, количество смертельных случаев в результате ДТП превысит 17 тыс. человек. В связи с этим была поставлена цель – уменьшение количества погибших до 8,4 тыс. человек, т.е. по сравнению с 1970 г. оно должно было снизиться в 2 раза. Данные показатели были достигнуты уже в 1979 г., несмотря на увеличение автопарка в 2 раза по сравнению с 1970 г. Следует отметить, что при увеличении государственного бюджета Японии за последние 5 лет в 5 раз финансирование программ по безопасности дорожного движения увеличилось в 12,5 раз [6, с. 770].

Анализируя эффективность полученных результатов, следует особо подчеркнуть, что к мероприятиям по обеспечению безопасности дорожного движения удалось привлечь широкие круги населения, по месту жительства проводились занятия по правилам дорожного движения, осуществлялась систематическая работа в школах с родителями и детьми. В результате оказалось возможным повысить уровень общественного сознания и добиться изменения поведения участников дорожного движения. Это особенно важно, так как дорожное движение в Японии сосре-

доточено в плотно застроенной городской местности, высок уровень травматизма наиболее уязвимых участников движения – детей и пожилых людей, пешеходов и велосипедистов: необходимо «грамотное» расположение тротуаров, пешеходных и велосипедных дорожек, организация школьных и жилых зон, расположение автобусных остановок. В этом направлении были выделены две основные задачи: 1) разделение транспортных, велосипедных и пешеходных потоков; 2) повышение транспортной культуры.

Итогом мероприятий по повышению безопасности дорожного движения 1970-1980 гг. стала созданная на государственном уровне структура органов, осуществляющих функции планирования, контроля и оценки эффективности деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения на всех уровнях, которая стала внедряться в Японии на регулярной плановой основе. Долгосрочное государственное планирование и выполнение государственных планов являются первыми примерами реализации государственных целевых программ повышения безопасности дорожного движения на основе системного подхода в его современном понимании. Японские эксперты пришли к выводу, что при разработке мероприятий необходимо учитывать все меры, касающиеся безопасности дорожного движения, как непосредственно направленные на предупреждение причин ДТП (транспортные риски), так и косвенные, имеющие в качестве главной цели социальное развитие (минимизация социальных рисков), именно комплексный подход позволяет повысить безопасность дорожного движения [7].

На основе полученных результатов были выделены блоки показателей эффективности проводимых мероприятий, связывающих выделяемые государством ресурсы, результаты сокращения ДТП, травматизм людей:

- 1) показатели, характеризующие конечные результаты сокращения ДТП;
- 2) показатели, характеризующие конечные результаты воспитательной и профилактической работы (уменьшение нарушений ПДД);
- 3) показатели, характеризующие наиболее частые нарушения ПДД;

4) показатели, характеризующие улучшение обустройства дорог, изменение дорожно-транспортных условий;

5) показатели объема ресурсов, выделенных и реализованных на мероприятия по безопасности дорожного движения.

Данные блоки отражали нацеленность на достижение конечных результатов на всех уровнях управления. Таким образом, планирование, контроль и оценка результатов работы осуществлялись на основе этих показателей, что свидетельствует о начале программно-целевого характера управления безопасностью дорожного движения в Японии. Концептуальная идея управления безопасностью дорожного движения на основе реализации государственных целевых комплексных программ и выделения ключевых показателей в настоящее время определяет деятельность в этой сфере не только в Японии, но и в большинстве зарубежных стран с высоким уровнем автомобилизации, в том числе и в Российской Федерации.

2. Государственная политика обеспечения безопасности дорожного движения в современной Японии (2000-2020 гг.): индикаторы и управление результатами. В настоящее время Япония отличается современной и эффективной транспортной системой, которая обслуживает 126,5 млн человек. В стране насчитывается 1,2 млн км дорог, которые имеют высококачественное покрытие и развитую инфраструктуру, за последние два десятилетия в несколько раз увеличилось количество владельцев автотранспорта, выросли пассажирские и грузовые перевозки, расширилась сеть скоростных автомагистралей.

Начиная с 2000-х годов деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения в Японии осуществляется в рамках долгосрочной Программы безопасности дорожного движения (до 2020 г). Большое значение придается оценке эффективности полученных результатов по реализации настоящей Программы:

1) оценка необходима для анализа политики в целом и систематического рассмотрения возможных последствий ее альтернативных вариантов относительно установленных целей безопасности дорожного движения;

2) оценка Программы фокусируется на анализе причин, которые привели к определенным последствиям;

3) оценка деятельности предполагает контроль со стороны общественности за индикаторами эффективности мероприятий по безопасности дорожного движения [5].

Основным законодательным актом, который повлиял на составление индикаторов эффективности безопасности дорожного движения, стал Генеральный план развития общественной инфраструктуры. Закон обязал правительство разработать и принять план по достижению целей в нескольких областях транспортной инфраструктуры, включая автомобильные дороги. В результате Министерством земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма был разработан план, включающий 116 индикаторов работы, и установлены цели, которые необходимо достичь до 2020 г., а первые, промежуточные цели – к 2007 г.

Для его реализации в 2003 г. в Дорожном бюро был создан отдел управления мероприятиями, который выполняет функции центра ответственности за измерение результатов мероприятий и оценку качества работы. В соответствии с законодательством Японии результаты проводимых мероприятий по безопасности дорожного движения влияют на распределение бюджета, поэтому формат сбора данных был изменен: от запросов об определенных количественных дорожных данных к запросам о результатах.

В Плате деятельности (Performance Plan) Дорожного бюро было зафиксировано 17 индикаторов, 4 из которых выделены как наиболее значимые. Результаты были вынесены в СМИ на обсуждение общественности. Основными индикаторами государственной политики безопасности дорожного движения в Японии до 2020 г. (промежуточные цели-достижения на 2007 г. на основе выделенных рисков-факторов) являются:

1) уровень ДТП с погибшими и травмированными (на 1 млн миль пробега транспортных средств): в 2002 г. – 118,4 %; в 2007 г. – 108 %;

2) процент дорог, соответствующих безопасности: в 2002 г. – 86 %, в 2007 г. – 93 %;

3) процент тротуаров, соответствующих условиям безопасности: в 2002 г. — 91 %; в 2007 — 91 %;

4) процент городов, имеющих безопасный маршрут эвакуации: в 2002 г. — 6 %, в 2007 г. — 7 % [5]. Во всех программах и планах значительное внимание уделяется снижению рисков и обеспечению безопасности наиболее уязвимых участников дорожного движения — пешеходов, велосипедистов, водителей мопедов [10].

Программа безопасности дорожного движения, действующая в настоящее время в Японии, входит в общую программу мероприятий по обеспечению безопасности транспорта и развитию инфраструктуры, которая разработана до 2020 г. Оперативная и эффективная система управления деятельностью по безопасности дорожного движения предполагает управление результатами.

Правительство Японии также пришло к выводу о необходимости прогрессивного подхода к исследованию дорожной аварийности. На основе интеграции различных областей знания был создан Институт исследования ДТП и анализа данных дорожных происшествий. Ранее обеспечение безопасности дорожного движения в Японии осуществлялось двумя ведомствами — Национальным агентством полиции и Министерством земли, инфраструктуры и транспорта, владеющими собственными статистическими базами. Национальное агентство полиции аккумулировало данные о лицах, имеющих водительское удостоверение, и данные о ДТП; Министерство земли, инфраструктуры и транспорта — о зарегистрированном транспорте и дорожной среде (количество и качество дорог, дорожные условия). Институт создал интегрированную базу данных, была расширена сфера охвата информации, что позволило установить связи между дорогами и ДТП, транспортными средствами и ДТП, другими факторами на более детальной основе.

В связи с этим появилась возможность оперативного осуществления контрмер с приоритетом в местах концентрации ДТП, при ограниченных бюджетных средствах достигать максимального результата. Например, одной из современных инноваций является применение в крупнейших городах Японии централизо-

ванной системы «умных светофоров», позволяющей в режиме актуального времени распределять интервалы сигналов светофоров во избежание пробок на дорогах, используются многоуровневые развязки. Кроме того, действует Программа «интеллектуальной транспортной системы» с применением современных высокотехнологичных навигационных средств.

Темпы снижения количества ДТП и человеческих жертв в Японии имеют динамику, прямо пропорциональную возрастающему количеству транспортных средств. Если в 1990 г. было зафиксировано 14 595 смертельных случаев в результате ДТП, то в 2003 г. — почти в 2 раза меньше — 8877, в 2013 г. — 4373. Количество погибших в результате ДТП, зафиксированных после истечения 24 часов, составило 5151 человек*. Данная статистика интересна тем, что соотношение населения России и Японии вполне сопоставимо. Например, на 1 января 2018 г. население Российской Федерации составило 146,8 млн человек (9 место в мире), Японии — 126,5 млн человек (10 место в мире), одновременно количество ДТП в Российской Федерации, в том числе со смертельным исходом, превышает показатели Японии в 5 раз [9].

3. Менталитет японцев и правовая ответственность граждан. Статистика низкого количества ДТП и нарушений ПДД свидетельствует о том, что граждане Японии являются одними из самых дисциплинированных участников дорожного движения. Для понимания национального менталитета, этнопсихологических особенностей индивидуального и социально-группового поведения японцев следует отказаться от «европейских шаблонов». Исторически сложилось так, что степень групповой сплоченности у японцев очень высока. В системе социального поведения выделяются прежде всего уважение к закону и авторитету, преданность и патриотизм, чувство долга и дисциплинированность. Определяющим в менталитете японцев является именно чувство долга как необходимость соответствовать определенному социальному стандарту (эталону), основы

* В Японии отдельно учитываются скончавшиеся в течение 30 дней после ДТП, в России — в течение 7 дней после ДТП.

которого были заложены еще конфуцианством.

Законопослушность и дисциплинированность, в том числе проявляемая в качестве участников дорожного движения, понимается японцами как стремление к упорядоченности и гармонии с окружающей средой. Но это не абстрактная философия, поведение имеет четкую практическую направленность, прагматическую нацеленность [12]. Водители в Японии безукоризненно соблюдают ПДД, следуют дорожным разметкам и знакам. Нарушение правил дорожного движения считается гражданами Японии признаком низкой культуры, порицается социумом, законопослушность граждан выступает надежным гарантом правовой интеграции общества [2].

При этом санкции за нарушение Правил дорожного движения в Японии считаются одними из самых строгих в мире, в общем ключе понимания специфики менталитета японцев данный факт определяет «черту» регламентированного поведения, и в этом смысле выполняет профилактическую роль. Некоторые примеры санкций, применяемых за совершение наиболее распространенных нарушений:

- неиспользование ремня безопасности – штраф в размере 450 долларов США;
- превышение установленного скоростного режима – штраф в размере 800 долларов США (применяется дифференцированно, в зависимости от тяжести содеянного: к штрафу может добавиться лишение водительского удостоверения и исправительные работы на срок до 6 месяцев);
- вождение в нетрезвом виде (более 0,5 промилле) – штраф в размере 8700 долларов США (дифференцируется в зависимости от последствий);
- нарушение правил парковки – штраф в размере 835 долларов США (возможно лишение водительских прав на срок до 6 месяцев);
- проезд на запрещающий сигнал светофора – штраф в размере 417 долларов США (возможно тюремное заключение с привлечением к исправительным работам на срок до 6 месяцев);
- неуплата штрафа – лишение водительских прав.

В Японии за ряд нарушений возможно лишение свободы:

- эксплуатация транспортных средств, находящихся в ненадлежащем техническом состоянии (до 3 месяцев);
- нарушение правил проезда железнодорожных переездов (до 6 месяцев);
- управление транспортным средством лицом, не имеющим водительского удостоверения (до 2 лет);
- передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, либо управление транспортным средством в состоянии опьянения (до 3 лет);
- повреждение технических средств и нарушение организации дорожного движения (до 5 лет).

4. Полиция Японии: деятельность и социальная значимость в обеспечении безопасности дорожного движения. В соответствии с Конституцией Японии полиция является самостоятельным государственным учреждением, подчиненным Правительству. Основными функциями полиции являются поддержание общественного порядка, противодействие преступности, организация и обеспечение безопасности движения дорожного транспорта. В 2013 году в Национальном агентстве полиции было занято 7700 человек (2100 офицеров, 900 сотрудников императорской гвардии, 4700 вольнонаемных сотрудников» [3, с. 122].

Полиция Японии является одной из самых технологически оснащенных в мире. Основная тенденция в организации деятельности – сокращение прямых контактов дорожной полиции с нарушителями безопасности дорожного движения за счет централизованных электронных пунктов управления, автоматических комплексов фотосъемки и видеофиксации нарушений ПДД, что снижает фактор психологической нагрузки в потенциально конфликтных ситуациях. Несмотря на значительное уменьшение личного присутствия представителей полиции на дорогах Японии, где применение научно-технических инноваций находится на высоком уровне и дорожная полиция в основном появляется только в ситуациях ДТП, социальная значимость данного ведомства оценивается общественностью чрезвычайно высоко, потому что основная концептуальная идея

профессиональной деятельности и ее нацеленность — оказание помощи (всеми способами) участникам дорожного движения в соблюдении ПДД и поддержании безопасности, и только затем применение «карательных» мер [4].

Таким образом, высокий уровень эффективности обеспечения безопасности в сфере дорожного движения в Японии обусловлен следующими пятью ключевыми факторами, которые нашли свое распространение в мировой практике:

1) гибкая законодательная основа организации дорожного движения, соответствующая изменяющимся условиям развития;

2) программно-целевой характер государственной политики в данной сфере;

3) своевременное совершенствование дорожной инфраструктуры;

4) применение инновационной системы управления безопасностью дорожного движения;

5) грамотно построенная профилактическая работа с участниками дорожного движения, вовлеченность всего населения страны в соблюдение правил дорожного движения и поддержание безопасности [8].

Долговременным результатом такой политики является то, что в современной Японии показатели дорожно-транспортных происшествий являются одними из самых низких не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в мире.

Япония активно участвует в обмене позитивным опытом и научными разработками в сфере обеспечения безопасности дорожного движения с зарубежными странами [11]. Изучение эффективного японского опыта и его компетентная адаптация с учетом национальных особенностей является значимым ресурсом снижения рисков и повышения обеспечения безопасности участников дорожного движения в России на современном этапе развития.

Список литературы

1. Блинкин М.Я., Решетова Е.М. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институции. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. 240 с.
2. Квашис В.Е. К проблеме культуры противодействия преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. N 2 (32). С. 13-20.
3. Квашис В.Е., Морозов Н.А. Полиция Японии: организация, функции, эффективность // Научный портал МВД России. 2013. N 4. С. 120-125.
4. Майоров В.И., Севрюгин В.Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 95-106.
5. Крепышева Н.В. Международный опыт оценки результативности и финансируемого обеспечения безопасности дорожного движения // Проблемы современной экономики. 2008. N 3 (27). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=211> (дата обращения: 1 июня 2018 г.).
6. Майоров В.И., Севрюгин В.Е. Зарубежный опыт разработки целевых комплексных программ по обеспечению безопасности участников дорожного движения // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9. N 4. С. 766-776.
7. Майоров В.И. Управление рисками в сфере дорожного движения // Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика: монография / под ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 118-128.
8. Молчанов П.В. Особенности государственного регулирования обеспечения безопасности дорожного движения за рубежом: ключевые направления, критерии и ответственность // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. N 1. С. 121-127.
9. Петров А.И. Автотранспортная аварийность как идентификатор качества жизни граждан // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. N 3 (45). С. 154-170.
10. Степанов А.В., Рябушенко А.В. Мировые тенденции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения пешеходов // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. 2013. Вып. 61-63. С. 1-7.
11. Кен, Иное, Масахару, Хоши, Харуо, Такешита. Статистический анализ дорожно-транспортных происшествий по времени и дню недели: методология исследования в Токио будет служить проектом для будущего исследования в Казахстане // Наука и здравоохранение. 2016. N 4. С. 2-7.
12. Чу Се Джон, Джо Шань Шень, Морозов Н.А. Особенности преступности, уголовной политики, правосознания и правовой культуры в странах АТР // Закон. 2003. N 3. С. 30-39.

References

1. Blinkin M.Ya., Reshetova E.M. Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya: istoriya voprosa, mezhdunarodniy opyt, bazovye institutsii [Road safety: the history of the issue, international experience, basic institutions]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. 240 p.
2. Kvashis V.E. K probleme kul'tury protivodeystviya prestupnosti [To the problem of the culture of crime counteraction]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 2 (32), pp. 13-20.
3. Kvashis V.E., Morozov N.A. Politsiya Yaponii: organizatsiya, funktsii, effektivnost' [Police of Japan: organization, functions, effectiveness]. Nauchniy portal MVD Rossii – Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 4, pp. 120-125.
4. Mayorov V.I., Sevryugin V.E. Protivodeystvie prestupnosti na osnove sovremennykh kontseptsiiy vzaimodeystviya politzii i obshchestva: opyt zarubezhnykh stran i Rossii [Counteraction of crime on the basis of modern concepts of interaction of police and society: the experience of foreign countries and Russia]. Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Bulletin of Perm University. Juridical sciences, 2017, vol. 35, pp. 95-106.
5. Krepysheva N.V. Mezhdunarodniy opyt otsenki rezul'tativnosti i finansirovannogo obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [International experience of assessing the effectiveness and financed the provision of road safety]. Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of modern economy, 2008, no. 3 (27). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=211> (Accessed June 1, 2018).
6. Mayorov V.I., Sevryugin V.E. Zarubezhniy opyt razrabotki tselevykh kompleksnykh programm po obespecheniyu bezopasnosti uchastnikov dorozhnogo dvizheniya [Foreign experience in the development of targeted comprehensive programs to ensure the safety of road users]. Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – All-Russian Criminological Journal, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 766-776.
7. Mayorov V.I. Upravlenie riskami v sfere dorozhnogo dvizheniya [Risk management in the sphere of road traffic]. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami: teoriya, metodologiya, praktika [Management of social and economic systems: theory, methodology, practice]. Penza, Science and the Enlightenment, 2017. Pp. 118-128.
8. Molchanov P.V. Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya za rubezhom: klyuchevye napravleniya, kriterii i otvetstvennost' [Features of state regulation of ensuring road safety abroad: key directions, criteria and responsibility]. Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA) – Bulletin of the University named after O.E. Kutafin, 2018, no. 1, pp. 121-127.
9. Petrov A.I. Avtotransportnaya avariynost' kak identifikator kachestva zhizni grazhdan [Autotransport crash as an identifier of the quality of life of citizens]. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and social changes: facts, trends, forecast, 2016, no. 3 (45), pp. 154-170.
10. Stepanov A.V., Ryabushenko A.V. Mirovye tendentsii v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya peshехodov [World trends in the field of road traffic safety pedestrians]. Vestnik Har'kovskogo natsional'nogo avtomobil'no-dorozhnogo universiteta – Bulletin of the Kharkov National Automobile and Highway University, 2013, vol. 61-63, pp. 1-7.
11. Ken Inoe, Masaharu Hoshi, Haruo Takeshita. Statisticheskiy analiz dorozhno-transportnykh proisshestviy po vremeni i dnyu nedeli: metodologiya issledovaniya v Tokio budet sluzhit' proektom dlya budushchego issledovaniya v Kazahstane [Statistical analysis of traffic accidents by time and day of the week: the research methodology in Tokyo will serve as a project for future research in Kazakhstan]. Nauka i zdavoohranenie – Science and Health, 2016, no. 4, pp. 2-7.
12. Chu Se Dzhon, Dzhо Shan' Shen', Morozov N.A. Osobennosti prestupnosti, ugolovnoy politiki, pravosoznaniya i pravovoy kul'tury v stranah ATR [Features of crime, criminal policy, legal conscience and legal culture in the countries of the Asian and Pacific Ocean region]. Zakon – Law, 2003, no. 3, pp. 30-39.

11. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ЗАХАРЧУК С.Д., ZAKHARCHUK S.D.,
sergey-zahar@mail.ru, sergey-zahar@mail.ru
Кафедра правовой Chair of legal training
подготовки сотрудников of law enforcement officers;
органов внутренних дел; Tyumen Advanced Training Institute
Тюменский институт повышения of the Ministry of the Interior
квалификации сотрудников of the Russian Federation,
Министерства внутренних дел Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Российской Федерации, 625049, Russian Federation
г. Тюмень, ул. Амурская, 75

ВОЗМОЖНО ЛИ ПРИМИРЕНИЕ С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ВЛАСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИИ?

Аннотация. Отечественным уголовным законодательством предусмотрена возможность освобождения лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, от уголовной ответственности при условии, что оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в случае, если потерпевшим является представитель власти. В результате анализа научных позиций по данной проблеме, а также соответствующей правоприменительной практики выявлена неоднозначность в подходах к ее решению. Наличие определенных противоречий в исследуемой сфере подтверждается и статистической информацией. Автор обосновывает позицию о необходимости установления запрета на освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, если совершено преступление против правосудия или порядка управления, а потерпевший является представителем власти. В этом случае потерпевший выступает дополнительным объективным проявлением посягательства и, следовательно, примирением невозможно устранить вред, нанесенный интересам государства – основному объекту преступного посягательства. С целью разрешения проблемы предлагается внести дополнения в статью 76 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: преступление против правосудия; примирение с представителем власти; оскорбление представителя власти; двухобъектное преступление; возмещение вреда.

IS IT POSSIBLE TO RECONCILE WITH THE GOVERNMENT OFFICIAL ACCORDING TO THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA?

Annotation. Domestic criminal legislation provides for the possibility of releasing the person from criminal liability in case he or she committed a crime of minor or medium gravity for the first time, provided that this person has reconciled with the victim and made amends for the harm caused. The author of the article analyzes the issues concerning the possibility of termination of the criminal case due to reconciliation of the parties in case the government official is a victim. Basing on the results of the analysis of scientific views on this problem, as well as relevant law enforcement practice, the ambiguity in approaches to its solution has been revealed. Certain contradictions in the studied area are also confirmed by statistical information. The author substantiates the need to establish a ban on exemption from criminal liability due to the reconciliation with the victim, if the crime against justice or management procedure is committed and the victim is a government official. In this case, the victim acts as an additional object of the encroachment, and, consequently, it is impossible to eliminate the harm caused to the interests of the state (the main object of criminal encroachment) by reconciliation. It is proposed to amend Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to solve this problem.

Keywords: crime against justice; conciliation with a government official; insulting a government official; two objects crime; compensation for harm.

Об актуальности проблемы освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим свидетельствует многообразие позиций ученых и противоречивая судебная практика по данному вопросу.

В соответствии со ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. В свою очередь, в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда.

Указанное определение рассматривает потерпевшего как процессуальную категорию. Однако следует предположить, что данное понятие является категорией материального права, и в уголовном праве потерпевший выступает самостоятельным участником уголовных правоотношений. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 18 января 2005 г. N 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 УПК РФ» отметил, что согласно буквальному смыслу данной нормы (ч. 1 ст. 42 УПК РФ) правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения: он лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора и суда о признании потерпевшим, но не формируется им*.

В дальнейшем Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 июня 2010 г. N 17 «О практике применения судами норм, регламентиру-

ющих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» высказал аналогичную точку зрения: «...правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им»**.

Применительно к рассматриваемой теме представителем власти как потерпевшим следует признавать лицо, находящееся на государственной или муниципальной службе, наделенное в установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Причем данному лицу преступлением должен быть причинен физический, имущественный и моральный вред. Кроме того, потерпевший (представитель власти) является дополнительным объектом преступного посягательства. Таким образом, подчеркивается материальный статус потерпевшего. В свою очередь, в уголовном праве он выступает как самостоятельный участник уголовных правоотношений.

В составе преступления потерпевший является признаком объекта преступления, и в механизме нарушения общественных отношений, характеризующих объект посягательства, деяние непосредственно направлено на него как на участника (субъекта) общественных отношений [1, с. 44].

Следовательно, потерпевший как участник уголовных правоотношений имеет уголовно-правовой статус, проявлением которого является предоставление законодателем потерпевшему права дать согласие на примирение с лицом, совершившим преступление.

Более того, как справедливо отмечает С.Н. Шатилович, особенность освобождения от уголовной ответственности в связи

* По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 18 янв. 2005 г. N 131-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 24. Ст. 2424.

** О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. N 17: ред. от 16 мая 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. N 9; Справ.-правовая система «Гарант».

с примирением с потерпевшим (и уголовно-процессуального основания прекращения уголовного дела – ст. 25 УПК РФ) состоит в том, что законодатель передает на усмотрение потерпевшего не оценку степени общественной опасности совершенного преступления, а вопрос о путях разрешения возникшего конфликта [2, с. 57].

В связи с этим возникает вопрос о возможности примирения по всем преступлениям, в которых есть потерпевший. Следует отметить, что указанный вопрос носит дискуссионный характер как в научной сфере, так и в правоприменительной практике. Ряд авторов считает, что освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим возможно во всех случаях, подпадающих под требования ст. 76 УК РФ.

Например, авторы Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией М.В. Лебедева считают, что освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим предусмотрено УК РФ по всем преступлениям, относящимся к категории небольшой или средней тяжести [3]. В Комментарие к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией А.И. Рарога отмечается, что ст. 76 УК РФ позволяет освободить от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим обвиняемого или подозреваемого в любом совершенном впервые преступлении небольшой и средней тяжести [4]. Авторы Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией В.И. Радченко и А.С. Михлина выражают аналогичную точку зрения, согласно которой освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим может применяться к значительно более широкому кругу лиц – ко всем лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, т.е. умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы либо закон предусматривает более мягкое наказание, или если деяние совершено по неосторожности [5]. В.А. Давыдов утверждает, что ст. 76 УК РФ прямо не предусматривает каких-либо ограничений для освобождения лица от

уголовной ответственности в зависимости от объекта преступления, поэтому положения данной статьи применяются и к лицу, совершившему двухобъектное преступление (например, неуважение к суду – ч. 1 ст. 296 УК РФ). Если вред причиняется только интересам общества или государства и отсутствует потерпевший в уголовно-процессуальном смысле, то положения ст. 76 УК РФ применены быть не могут [6].

Интересную позицию высказывает Э.Л. Сидоренко, отмечая, что в стремлении максимально обеспечить права потерпевшего – физического лица правоприменитель пренебрегает общественными и государственными интересами, на которые направлено преступное посягательство. Исходя из буквального толкования ст. 25 УПК РФ, для прекращения уголовного дела необходимо, чтобы стороны достигли примирения. Поскольку участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения являются как потерпевший, так и прокурор, постольку для прекращения дела требуется не только волеизъявление потерпевшего, но и согласие государственного обвинителя. Хотя фактически его отсутствие не является препятствием для прекращения дела, чем, по существу, ущемляются интересы государства по восстановлению публичных прав [7, с. 49-57]. Кроме того, далее ученый отмечает, что публичные интересы государства состоят в сохранении законности, правопорядка и общественной безопасности, и их обеспечение предполагает уголовное преследование. Вместе с тем, руководствуясь принципом справедливости и принимая во внимание тот факт, что виновный компенсировал вред, причиненный личности как дополнительному объекту, суд может принять решение о прекращении уголовного дела, если при этом обеспечиваются публичные интересы.

Вместе с тем некоторые авторы придерживаются другой точки зрения. Например, А.П. Анисимов отмечает, что не подлежат прекращению за примирением сторон уголовные дела о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка или против государственной власти (так называемые двухобъектные преступления), поскольку примирение с потерпевшим по делам о преступлениях против правосудия противоречит смыслу закона, защищаю-

щего от преступного посягательства интересы государственной власти. Пострадавшему от преступных действий физическому лицу в данном случае вред причиняется исключительно потому, что это лицо является представителем власти и исполняет определенные служебные обязанности. Следовательно, его волеизъявление о прекращении дела в связи с примирением с обвиняемым не имеет правового значения [8].

Указанную позицию разделяет Д. Гарбатович, отмечающий, что спорными представляются судебные решения о прекращении уголовных дел в связи с примирением сторон в отношении подсудимых по делам о таких преступлениях, как хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; применение насилия в отношении представителя власти; оскорбление представителя власти [9, с. 34].

Неоднозначно указанный вопрос рассматривается и в судебной практике.

Например, в Обзоре судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2005 г., отмечается, что уголовный и уголовно-процессуальный законы не содержат прямых указаний, запрещающих прекращать уголовные дела о так называемых двухобъектных преступлениях в связи с примирением с потерпевшими, а также дела, по которым отсутствует потерпевший*. В связи с этим некоторые судьи полагают, что это возможно, и широко применяют данный институт в своей судебной практике.

Кроме того, в соответствии со ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ прекращение дела невозможно по делам о двухобъектных преступлениях, в которых преступное посягательство также осуществляется на иной защищаемый законом объект, по роду которого нормы, предусматривающие указанные преступления, расположены в соот-

* Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием: утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 июня 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

ветствующих главах УК РФ, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительное объективное проявление данных посягательств. В указанных случаях невозможно достичь примирения с основным объектом. Более того, примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный этому основному объекту преступного посягательства, а значит, преступление в целом не теряет своей общественной опасности, и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено.

Однако далее высказывается позиция, противоречащая вышеизложенной: «вместе с тем, представляется, что если по делам о “двухобъектных” преступлениях посягательство на основной, приоритетный объект в силу малозначительности может быть признано формальным, а с потерпевшим достигнуто примирение, то и они также могут быть прекращены за примирением с потерпевшим. Данное решение суд должен мотивировать в постановлении».

Точку зрения о невозможности прекращения уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим в случае совершения двухобъектных преступлений поддерживают многие высшие суды субъектов Российской Федерации**. Однако есть суды субъектов Федерации, которые считают возможным освобождать от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 319 УК РФ***.

** Справка Пермского краевого суда по результатам изучения практики прекращения судами Пермского края уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием за 2008 г.: утв. 10 июля 2009 г. на заседании президиума Пермского краевого суда; Справка Кемеровского областного суда о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 2011 году от 21 февр. 2012 г. N 01-07/26-170. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Обзоркассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда за III квартал 2009 г. (п. 5) // Судебная практика (приложение к Информационному бюллетеню Управления Судебного департамента в Самарской области). 2010. N 1 (36).

При изучении судебной практики по уголовным делам, возбужденным по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 318, 319 УК РФ и прекращенным в связи с примирением сторон, в постановлениях выявлены различные мотивировки.

Например, в постановлении от 19 октября 2017 г. Кировский районный суд г. Санкт-Петербурга отмечает, что ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении И., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 319, ч. 1 ст. 318 УК РФ, подлежит удовлетворению, поскольку И. ранее не судим, обвиняется в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, примирился с потерпевшим, материальных претензий к нему потерпевший не имеет. Далее суд дает положительную характеристику личности подсудимого. При этом доводы государственного обвинителя о двухсоставном объекте преступных посягательств и невозможности прекращения уголовного дела по данному составу преступления в связи с примирением сторон суд не учитывает*.

Кроме того, имеют место случаи прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ, с иными мотивировками. Например, Калининский районный суд г. Челябинска посчитал возможным прекратить уголовное дело в соответствии со ст. 76 УК РФ, поскольку судимостей Л. не имеет, содеянное им относится к категории преступлений средней тяжести, вред от содеянного заглажен, примирение с потерпевшим достигнуто**.

Интересной представляется формулировка мотивировочной части постановления Ленинского районного суда г. Самары о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон от 29 мая

2013 г.*** Суд не признал убедительными доводы государственного обвинителя о невозможности прекращения уголовного дела в отношении подсудимого в связи с примирением с потерпевшим, отметив, что негативные последствия деяния выразились лишь в причинении действиями подсудимого морального вреда потерпевшему. В свою очередь, потерпевший ходатайствовал о прекращении дела за примирением сторон, а посягательство на второй объект — установленный государственный порядок управления в данных конкретных обстоятельствах в силу малозначительности такого посягательства является формальным****.

Во всех приведенных случаях на заявления государственных обвинителей, которые возражали против прекращения уголовных дел, поскольку в указанных составах преступлений затронуты также и интересы государства, суд реагировал отрицательно, приведенные доводы считал несостоятельными.

Однако имеются примеры, свидетельствующие о том, что государственные обвинители считают возможным прекращение уголовного дела по ст. 76 УК РФ*****. Следует отметить кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2006 г. N 53-О05-83, в котором отмечается, что в соответствии со ст. 76 УК РФ освобождение от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой тяжести, возможно, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Из данной нормы следует,

*** Государственный обвинитель полагал невозможным прекратить уголовное дело в отношении подсудимого в связи с примирением с потерпевшими, обосновывая это тем, что инкриминируемые подсудимому преступления, предусмотренные ст. 319, ч. 1 ст. 318 УК РФ, имеют двухобъектный состав, то есть посягают и на установленный государством порядок управления.

**** Постановление Ленинского районного суда г. Самары от 29 мая 2013 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

***** Постановление Ленинского районного суда г. Самары от 1 нояб. 2017 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

* Постановление Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19 окт. 2017 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

** Дело N 1- 220/2011 // Архив Калининского районного суда г. Челябинска.

что такое освобождение допустимо лишь по делам о преступлениях, посягающих на законные права и интересы конкретных лиц, потерпевших от преступлений. Совершенное в данном случае укрывательство преступлений является преступлением против правосудия. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам данной категории противоречит смыслу закона*.

Противоположную точку зрения высказала в кассационном определении от 24 декабря 2007 г. N 22-14699 судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда. Судебная коллегия, проверив материалы дела, обсудив доводы кассационного представления, отмечает, что с доводами кассационного представления о необоснованности прекращения уголовного дела (по ч. 1 ст. 116 УК РФ и ч. 1 ст. 318 УК РФ) согласиться нельзя, так как постановление о прекращении уголовного дела в отношении К. в связи с примирением с потерпевшим вынесено в соответствии с указанными требованиями закона. Оно постановлено с учетом характера и степени общественной опасности совершенного им преступления, всех обстоятельств дела и данных о личности обвиняемого. Отмечается, что К. признал вину, в содеянном раскаялся, загладил причиненный вред, примирился с потерпевшей до начала судебного заседания. Нарушений требований уголовно-процессуального закона, влекущих отмену судебного решения, судебная коллегия не находит. Запретов для прекращения дела по мотивам и основаниям, указанным в представлении, УПК РФ не содержит. При таких обстоятельствах нет оснований для отмены постановления суда по доводам кассационного представления**.

Еще больше проблем, по нашему мнению, вызывает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. N 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наруше-

нием правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», в пункте 16 которого судам разъясняется, что прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ, в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда***.

Тем самым настоящее постановление является поводом для освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим лиц, совершивших двухобъектные преступления, в которых здоровье и жизнь являются дополнительным объектом.

Не внесло ясности в разрешение вопроса о возможности или невозможности прекращения уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим (в двухобъектных преступлениях) и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»****. В пункте 9 Постановления судам разъясняется, что при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Таким образом, однозначный ответ на вопрос о примирении по уголовным делам о двухобъектных преступлениях в судебной практике отсутствует.

Возможно, этим обусловлены и противоречивые данные Судебного департа-

* URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/47/23174.html>

** Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24 дек. 2007 г. N 22-14699. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

*** Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. N 2.

**** О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 19 // Рос. газ. 2013. 5 июля.

мента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве уголовных дел, прекращенных в связи с примирением с потерпевшим (см. таблицу)*.

Год	Часть 1 статьи 318 УК РФ		Статья 319 УК РФ	
	Кол-во возбужденных уголовных дел	Кол-во уголовных дел, производство по которым прекращено	Кол-во возбужденных уголовных дел	Кол-во уголовных дел, производство по которым прекращено
2011	5817	611	8616	975
2012	5453	524	7821	780
2013	5916	385	7872	539
2014	6685	440	8851	534
2015	7226	398	7823	441
2016	7089	379	10 051	423
2017	6346	314	10 343	441

Нельзя не отметить тот факт, что в указанных данных отражены два уголовных дела, возбужденных по ч. 2 ст. 318 УК РФ в 2012 г., и одно уголовное дело, возбужденное по ч. 2 ст. 318 УК РФ в 2013 г., которые затем были прекращены в связи с примирением с потерпевшим, несмотря на то, что они относятся к категории тяжких преступлений.

Более того, в настоящее время складывается практика освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ) с назначением судебного штрафа, что предусмотрено ст. 76.2 УК РФ. При этом органы предварительного следствия сами ходатайствуют о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа**.

В связи с вышеизложенным считаем, что по преступлениям, в которых основным объектом являются интересы государства, а потерпевший – дополнительное объективное проявление посягательства (которому неизбежно причиняется вред при посягательстве на основной объект), невозможно достичь примирения с основным объектом посягательства, поскольку не разработаны механизмы возмещения вреда, выразившегося в подрыве авторитета органов государственной власти. Кроме того, примирение с потерпевшим не сможет устранить вред, нанесенный основному объекту преступного посягатель-

ства. Следовательно, совершенное преступление в своем объективном проявлении не теряет общественной опасности, а уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено.

Следует согласиться с Р.М. Минулиным, отмечающим, что указание в законе на категории преступлений, по которым возможно примирение, является недостаточным. По преступлениям, объектом которых является не только личность или собственность, но и общественный порядок и безопасность, здоровье населения и общественная нравственность и т.д., участие в деле потерпевшего не исключает того, что данные преступления создают угрозу населению в целом, а не только частным лицам [10, с. 93].

В целях исключения отмеченной противоречивой правоприменительной практики в научной среде предлагаются следующие решения указанной проблемы.

Например, С.В. Синенко предлагает для исключения из судебной практики подобных ситуаций специальный порядок реализации права потерпевшего, предусмотренного ст. 25 УПК РФ, по анализируемой категории уголовных дел. Специфичность такого порядка будет заключаться в согласованном решении конкретного потерпевшего физического лица и государственного учреждения, в котором он служит или работает. Решение сотрудника о примирении с подсудимым, а в случае прекращения на стадии предварительного

** Постановление Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 12 окт. 2017 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

* URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

расследования — с обвиняемым или подозреваемым является обязательным. Однако его недостаточно. В данном случае государственный орган обязан выразить свое мнение о возможности или невозможности простить виновное лицо за совершенное им деяние. Решение государственного органа должно быть коллегиальным и обсуждаться, например, на оперативных совещаниях при начальнике данного органа. Далее автор предлагает дополнить ст. 25 УПК РФ частью следующего содержания: «По преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 212, ст.ст. 294-298, 304, 309, 311, 317-320, ч. 2 ст. 321, ст.ст. 333, 334, ч. 2 ст. 336 УК РФ, уголовное дело может быть прекращено только с согласия органа, в котором потерпевший назначен на должность в установленном порядке и выполнял обязанности, предусмотренные должностными инструкциями по этой должности при совершении данных преступлений» [11, с. 44].

Указанная позиция представляется спорной, поскольку конкретное государственное учреждение, например территориальный орган внутренних дел по субъекту Российской Федерации, не может выражать интересы всей системы МВД России или всего государства, поскольку вред наносится именно государству.

По мнению Э.Л. Сидоренко, для совершенствования следственной и судебной практики не требуется внесение поправок в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а предполагается изменение угла зрения на оценку правовой природы примирения и статуса его участников, что, по мнению ученого, должно обеспечить согласованность норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в оценке потерпевшего и создать надежную основу для развития медиационных технологий в публичном праве [1, с. 46].

В связи с этим считаем целесообразным установить запрет на освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в случаях,

если виновный совершил преступление против правосудия или порядка управления, в котором потерпевший является «специальным» (представитель власти, в том числе сотрудник органов внутренних дел). Соответственно, статью 76 УК РФ следует дополнить частью 2 следующего содержания:

«2. Положения части 1 настоящей статьи не распространяются на лиц, совершивших преступления против правосудия и порядка управления».

Кроме того, необходимо внести соответствующее дополнение в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Примером такого подхода может служить постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. N 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности»*, согласно которому, если лицом совершено преступление, посягающее сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны (например, при совершении деяний, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 339 УК, наряду с общественным порядком, также на здоровье или собственность гражданина), освобождение обвиняемого от уголовной ответственности по ст. 89 УК не исключается. Однако суду при решении вопроса об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности следует в целях обеспечения защиты интересов как потерпевшего, так и государства и общества учитывать общественную опасность последствий, наступивших для каждого объекта преступного посягательства (п. 8).

* Верховный Суд Республики Беларусь: официальный сайт. URL: <http://court.by/>

Список литературы

1. Сидоренко Э.Л. Оценка правового статуса потерпевшего как участника примирения в теории и судебной практике // Российский следователь. 2011. N 9. С. 44-46.
2. Шатилович С.Н. Вопросы освобождения от уголовной ответственности при примирении соучастников преступления с потерпевшим // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. N 1. С. 54-62.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010. 501 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева [и др.]; отв. ред. А.И. Рарог. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 824 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. СПб.: Питер, 2007. 943 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. С. 273-274.
7. Сидоренко Э. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2011. N 3. С. 49-57.
8. Анисимов А.П. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон // Законность. 2009. N 10. С. 43-45.
9. Гарбатович Д. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2014. N 2. С. 34-35.
10. Минулин Р.М. Прекращение уголовных дел в связи и примирение сторон: монография. Тюмень, 2006. 197 с.
11. Синенко С.В. Проблемы примирения потерпевшего – должностного лица // Российский следователь. 2011. N 12. С. 24-26.

References

1. Sidorenko E.L. Otsenka pravovogo statusa poterpevshego kak uchastnika primireniya v teorii i sudebnoy praktike [Assessment of the legal status of the victim as a participant of reconciliation in theory and judicial practice]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator, 2011, no. 9, pp. 44-66.
2. Shatilovich S.N. Voprosy osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti pri primireniy souchastnikov prestupleniya s poterpevshim [The issues of exemption from criminal responsibility in the reconciliation of partners in crime with the victim]. Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice, 2011, no. 1, pp. 54-62.
3. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Comment to the Criminal code of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt Publ., 2010. 501 p.
4. Gracheva Yu.V. [i dr.] Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Criminal code of the Russian Federation]. Moscow, Prospect Publ., 2009. 824 p.
5. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Comment to the Criminal code of the Russian Federation]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. 943 p.
6. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Comment to the Criminal code of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt Publ., 2012. Pp. 273-274.
7. Sidorenko E. Usloviya osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti v svyazi s primireniem s poterpevshim [Conditions of release from criminal liability in connection with reconciliation with the victim]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2011, no. 3, pp. 49-57.
8. Anisimov A.P. Prekrashchenie ugovolnogo dela v svyazi s primireniem storon [Termination of the criminal case in connection with the reconciliation of the parties]. Zakonnost' – Legality, 2009, no. 10, pp. 43-45.
9. Garbatovich D. Osvobozhdenie litsa ot ugovolnoy otvetstvennosti v svyazi s primireniem s poterpevshim [Release of a person from criminal responsibility in connection with reconciliation with the victim]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2014, no. 2, pp. 34-35.
10. Minulin R.M. Prekrashchenie ugovolnyh del v svyazi i primirenie storon [Termination of criminal cases in connection and reconciliation of the parties]. Tyumen, 2006. 197 p.
11. Sinenko S.V. Problemy primireniya poterpevshego – dolzhnostnogo litsa [Problems of reconciliation of the victim-the official]. Rossiyskiy sledovatel' – The Russian investigator, 2011, no. 12, pp. 24-26.

ГРИГОРЬЕВ А.И., GRIGORIEV A.I.,
230023@mail.ru, 230023@mail.ru
Кафедра уголовного процесса; Chair of criminal procedure;
Уральский государственный Ural State Law University,
юридический университет, Komsomolskaya St. 21,
620137, г. Екатеринбург, Yekaterinburg, 620137,
ул. Комсомольская, 21 Russian Federation

ПОДЛЕЖАТ ЛИ ОТВОДУ ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?

Аннотация. В статье анализируется проблема отсутствия возможности заявить отвод следователю, руководителю следственного органа, начальнику подразделения дознания, начальнику органа дознания, дознавателю на стадии возбуждения уголовного дела по делам публичного и частно-публичного обвинения. Это может привести к нарушению прав и законных интересов лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Действующим уголовно-процессуальным законодательством формально не урегулирован отвод должностных лиц органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела. Однако возбуждение уголовного дела должностным лицом органа предварительного расследования, имеющим бесспорные основания для отвода от производства по уголовному делу, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, которое ставит под сомнение законность и обоснованность принятого по уголовному делу судебного решения и влечет за собой его отмену или изменение в апелляционном и (или) кассационном порядке. Такую правовую позицию занимает Верховный Суд Российской Федерации. Вместе с тем, учитывая сложившуюся судебную практику, данная проблема требует и законодательного разрешения. В связи с этим автор статьи предлагает внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; отвод должностного лица; следователь; дознаватель; орган предварительного расследования.

ARE THE OFFICIALS OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES SUBJECT TO CHALLENGE AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE?

Annotation. The problem of the lack of opportunity to challenge the investigator, the head of the investigative body, the head of the inquiry department, the head of the inquiry body at the stage of initiating a criminal case concerning the public and private-public prosecution is analyzed in the article. This may lead to violation of the rights and legitimate interests of the persons involved in the proceedings when checking the reported crime. The current criminal procedure legislation does not formally regulate the challenge to the officials of the preliminary investigation bodies at the stage of initiating a criminal case. However, the initiation of a criminal case by an official of the preliminary investigation body who has undisputed grounds for withdrawing from criminal proceedings is a significant violation of the criminal procedure law that questions the legality and validity of the judicial decision taken in a criminal case and entails its cancellation or change in the appeal and (or) cassation court. Such legal position is held by the Supreme Court of the Russian Federation. However, taking into consideration the current judicial practice, this problem requires a legislative solution. In this regard, the author proposes to introduce appropriate changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: initiation of criminal proceedings; challenge to the official; investigator; inquirer; body of preliminary investigation.

Одной из проблем российского уголовного процесса является недостаточное правовое регулирование института отвода от производства по уголовному делу на стадии возбуждения уголовного дела. Статьей 61 УПК РФ определены случаи, ис-

ключающие участие судьи, прокурора, следователя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, дознавателя в производстве по уголовному делу. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации,

изложенной в определении от 16 декабря 2008 г. N 1080-О-П «По жалобе гражданина Киселя Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 61 и 62 УПК РФ» *, указанное основание для отвода следователя в полной мере относится и к руководителю следственного органа.

Очевидно, что, закрепляя в УПК РФ норму о возможности отвода указанных должностных лиц от производства по уголовному делу, законодатель исходил из того, что перед органами предварительного расследования поставлена цель обеспечить полноту, всесторонность и объективность исследования обстоятельств уголовного дела путем привлечения к его расследованию следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, не имеющих прямой или косвенной заинтересованности в исходе уголовного дела.

Вместе с тем, исходя из буквального толкования ст. 61 УПК РФ, данная правовая норма регулирует отвод названных участников уголовного судопроизводства лишь при наличии возбужденного уголовного дела, то есть на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, когда участники процесса обладают определенным процессуальным статусом и имеют равную возможность заявлять отводы, которые должны быть рассмотрены в обязательном порядке. Другая ситуация складывается на стадии возбуждения уголовного дела. Несмотря на то, что следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания обладают правом принимать процессуально значимые решения, в сущности, никем из участников этой стадии отвод им не может быть заявлен. Следовательно, нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, и в частности ст. 61 УПК РФ, не гарантируют незаинтересованность и объективность следователя, руководителя

следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и (или) дознавателя в исходе уголовного дела на данной стадии. Очевидно, что описываемая проблема вызвана несовершенством действующего УПК РФ, который, по сути, не обеспечивает возможность отвода от производства по уголовному делу указанных должностных лиц органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела.

К данной проблеме привлекали внимание такие ученые, как Ю.В. Деришев и В.Е. Краснов, отмечая, что «сама по себе формулировка оснований отвода в статье 61 УПК РФ по своему буквальному смыслу регулирует отвод лишь по возбужденному уголовному делу, что формально лишает заинтересованное лицо права на заявление отвода на стадии возбуждения уголовного дела (например, в связи с обжалованием постановления об отказе в возбуждении уголовного дела)» [1, с. 87].

По мнению А. Дежнева, беспристрастность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, во многом достигается за счет их независимости от обстоятельств исследуемого события. Для того чтобы обеспечить эту независимость, судья, прокурор, следователь и дознаватель в определенных случаях подлежат отводу (ст. 61 УПК РФ). Основания, сформулированные в этой статье, позволяют создать необходимые условия для независимого и справедливого расследования и разрешения уголовных дел. Однако буквальное толкование требований, сформулированных в ч. 1 ст. 61 УПК РФ, позволяет прийти к выводу о том, что они не распространяются на стадию возбуждения уголовного дела [2].

Рассматривали названную проблему и такие ученые, как С.Б. Поляков [3], А.А. Барыгина [4, с. 18-22] и А.Г. Пономаренко [5]. Проанализировав ситуации, в которых уголовное дело возбуждается должностным лицом органа предварительного расследования, подлежащим отводу, исследователи также пришли к заключению о том, что содержание ч. 1 ст. 61 УПК РФ не обеспечивает отстранение следователя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, дознавателя от

* По жалобе гражданина Киселя Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 61 и 62 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2008 г. N 1080-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. N 3.

производства по уголовному делу на стадии возбуждения уголовного дела в случае их прямой или косвенной заинтересованности в исходе уголовного дела.

В дополнение следует отметить, что ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ также не обязывает следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника органа дознания и (или) начальника подразделения дознания разъяснять лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, право заявлять отвод должностному лицу, производящему данные процессуальные действия. Таким образом, лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, не могут обеспечить защиту своих прав и законных интересов на стадии возбуждения уголовного дела в случае прямой или косвенной заинтересованности должностных лиц органов предварительного расследования в исходе уголовного дела.

Кроме того, п. 5 ч. 2 ст. 42 и п. 5 ч. 4 ст. 46 УПК РФ дают соответственно потерпевшему и подозреваемому право заявлять отводы следователю, дознавателю, руководителю следственного органа, начальнику подразделения дознания, начальнику органа дознания вне зависимости от стадии производства по уголовному делу. Следовательно, исходя из системного анализа названных правовых норм, они должны обеспечивать потерпевшему и подозреваемому право заявлять отводы указанным должностным лицам органов предварительного расследования на любой стадии производства по уголовному делу. Однако положениями ч. 1 ст. 61 и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ возможность отвода указанных должностных лиц от производства по уголовному делу на стадии возбуждения уголовного дела не обеспечена.

Вместе с тем не может вызывать сомнения тот факт, что следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, разрешая вопрос о возбуждении уголовного дела и впоследствии расследуя преступление в порядке, предусмотренном разделом VIII УПК РФ, не должны быть прямо или косвенно заинтересованы в исходе уголовного

дела (ст. 61 УПК РФ). Именно по этой причине на стадии возбуждения уголовного дела лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, как и участникам уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования, также должно быть предоставлено право заявлять отводы должностным лицам органов предварительного расследования в случае их прямой или косвенной заинтересованности в исходе уголовного дела.

В связи с этим, несмотря на то, что возможность заявить отвод следователю, дознавателю, руководителю следственного органа, начальнику органа дознания и (или) начальнику подразделения дознания на стадии возбуждения уголовного дела УПК РФ должным образом не урегулирована, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации последствия в виде признания юридически ничтожным как самого факта возбуждения уголовного дела, так и собранных по нему материалов, должны наступать в случае, когда уголовное дело возбуждено лицом, которое по своей должности имело право принять такое решение, однако приняло его при наличии бесспорных оснований для отвода от участия в производстве по данному делу [6].

В качестве примера наступления такого рода последствий можно привести определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2017 г. N 0-УД17-9. По приговору суда Б. был признан виновным и осужден за совершенные организованной группой незаконный сбыт, покушение на незаконный сбыт и приготовление к незаконному сбыту наркотических веществ в крупном и особо крупном размерах.

В кассационной жалобе адвокат просил об отмене приговора в связи с тем, что заместитель начальника Следственного отдела УФСКН России <...> Я. и его родной брат Я., занимающий должность старшего оперуполномоченного оперативного отдела УФСКН России <...>, принимали совместное участие в собирании доказательств причастности Б. к сбыту наркотических средств, а также к покушению на незаконный сбыт наркотических средств.

Проверив материалы дела, судебная коллегия по уголовным делам Верховного

Суда Российской Федерации нашла приговор суда подлежащим частичной отмене и изменению на основании ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ в связи с допущенным существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела. Из материалов дела следовало, что по факту незаконного сбыта наркотических средств заместителем начальника Следственного отдела УФСКН России <...> Я. было возбуждено уголовное дело на основании сообщения о преступлении и материалов проверки, включая результаты оперативно-розыскной деятельности. Оперуполномоченный Я. принимал участие в производстве первоначальных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и раскрытие преступления, а также в дальнейшем оперативном сопровождении по уголовному делу*.

Тот факт, что указанные должностные лица были братьями, препятствовал участию Я. в производстве по уголовному делу в качестве следователя, однако он продолжил расследование уголовного дела, провел необходимые следственные действия.

Суд первой инстанции при постановлении обвинительного приговора не учел, что возбуждение уголовного дела и соединение уголовных дел следователем, участие которого в производстве по уголовному делу недопустимо в силу закона, влечет их незаконность. Данное обстоятельство в силу ч. 1 ст. 75 УПК РФ свидетельствовало о недопустимости всех собранных по делу доказательств совершенных преступлений. По этой причине приговор суда в этой части был признан подлежащим отмене, а производство по делу – прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Однако при этом факт совершения обвиняемым преступления являлся очевидным и неоспоримым, подтверждался многочисленными доказательствами, собранными по делу, поэтому преступление необходимо было расследовать в порядке, определенном УПК РФ. Между тем были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона.

Анализируя подобные ситуации,

В.Ф. Крюков отмечает, что сложившаяся судебная практика Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации свидетельствует о том, что в случае нарушения порядка возбуждения уголовного дела результаты всех следственных и иных процессуальных действий, проведенных после его возбуждения, признаются допустимыми доказательствами только после соблюдения установленного законом порядка возбуждения данного уголовного дела [7].

Такой подход представляется обоснованным, поскольку возбуждение уголовного дела должностным лицом органов предварительного расследования, подлежащим отводу, ставит под сомнение законность и обоснованность судебного решения, то есть является существенным нарушением и должно влечь отмену или изменение принятого по уголовному делу судебного решения. Данное нарушение лишает потерпевшего права на доступ к правосудию и права на возмещение вреда, причиненного преступлением. Кроме того, оно ущемляет права подозреваемого и обвиняемого, в частности, право заявлять отводы и право на защиту. В случае же допущения в правоприменительной практике такого нарушения уголовно-процессуального закона задача уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, сформулированная в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, остается невыполненной.

В настоящее время суд, установив по поступившему уголовному делу факт его возбуждения должностным лицом органа предварительного расследования, подлежащим отводу, на основании абз. 2 п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. N 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»**, обязан вернуть указанное уголовное дело прокурору для устранения препятствий рассмотрения его судом, поскольку данное существенное нарушение уголовно-процессуального закона невозможно устранить в судебном заседании.

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 5.

Однако, учитывая, что судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации накоплена практика пересмотра и отмены судебных решений в связи с допущенными существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, повлиявшими на исход дела, по подобного рода уголовным делам*, возвращение уголовного дела прокурору с целью устранения препятствий рассмотрения его судом не решает проблему.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что на стадии возбуждения уголовного дела Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации не обеспечивается возможность отстранения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника органа дознания и (или) начальника подразделения дознания от участия в производстве по уголовному делу в случае наличия оснований для отвода указанных должностных лиц. В то же время является очевидным тот факт, что и на стадии возбуждения уголовного дела должностные лица органов предварительного расследования не должны быть прямо или косвенно заинтересованы в исходе уголовного дела, а право лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, заявлять отводы должностным лицам органов предварительного расследования не должно нарушаться.

По нашему мнению, современная редакция УПК РФ должна предоставлять право и возлагать на прокурора обязанность в целях пресечения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора, проверять наличие указанных в ст. 61 УПК РФ оснований для отвода дознавателя, начальника подразделения дознания, на-

чальника органа дознания от участия в производстве по данному делу. При выявлении таких оснований прокурором должны быть предприняты меры по отстранению дознавателя от расследования уголовного дела. Что касается уголовных дел, расследуемых в форме предварительного следствия, то прокурор должен направить руководителю следственного органа требование об устранении нарушений закона, которое выражается в том, что имеются основания для отвода следователя от участия в производстве по уголовному делу. Обязанность руководителя следственного органа в этом случае – принять меры по отстранению следователя от расследования уголовного дела и устранить иные нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлекло возбуждение уголовного дела следователем, подлежащим отводу. При наличии оснований для отвода от участия в производстве по уголовному делу руководителя следственного органа прокурор должен направить такое требование об устранении нарушений закона вышестоящему руководителю следственного органа. В этом случае вышестоящий руководитель следственного органа также обязан принять меры по отстранению руководителя следственного органа от расследования уголовного дела и устранить иные нарушения, которые повлекло возбуждение уголовного дела руководителем следственного органа, подлежащим отводу.

Вместе с тем проблема возбуждения уголовного дела должностным лицом органа предварительного расследования, подлежащим отводу, и правовых последствий такого возбуждения уголовного дела требует и своего законодательного решения. Разрешение указанной проблемы позволит достичь следующих целей:

1. Устранение в правоприменительной практике подобных существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

2. Отражение в действующем УПК РФ позиции Верховного Суда Российской Федерации о неправомерности возбуждения уголовного дела должностным лицом органа предварительного расследования, подлежащим отводу, и юридических последствиях такого возбуждения уголовного дела.

* См., например: апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апр. 2015 г. по делу N 20-АПУ15-4; Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 янв. 2012 г. по делу N 29-ДП11-6; Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2009 г. по делу N 20-Д09-21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Устранение противоречий норм УПК РФ, регулирующих отводы должностных лиц органов предварительного расследования, с положениями ст.ст. 42, 45 и 389.17 УПК РФ.

4. Обеспечение права лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, заявить отвод следователю, руководителю следственного органа, дознавателю, начальнику органа дознания, начальнику подразделения дознания в случае прямой или косвенной заинтересованности названных должностных лиц в исходе уголовного дела.

5. Повышение качества досудебного производства по уголовным делам.

Кроме того, представляется целесообразным отражение в действующем УПК РФ правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой основания для отвода следователя, сформулированные в ст. 61 УПК РФ, в полной мере относятся и к руководителю следственного органа. Приведенное выше определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2008 г. N 1080-О-П «По жалобе гражданина Киселя Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 61 и 62 УПК РФ» свидетельствует о наличии пробела в действующем уголовно-процессуальном законе. Данный пробел до настоящего времени не устранен на законодательном уровне.

Для достижения указанных выше целей и восполнения приведенного пробела

можно предложить внести следующие изменения и дополнения в УПК РФ:

1. Содержание ч. 1 ст. 61 изменить, изложив ее в следующей редакции: «Судья, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель не может участвовать в производстве по уголовному делу, включая стадию возбуждения уголовного дела...».

2. Часть 1.1 ст. 144 изложить в следующей редакции: «Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 настоящего Кодекса, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса, заявлять отвод дознавателю, начальнику подразделения дознания, начальнику органа дознания, следователю, руководителю следственного органа...».

Список литературы

1. Деришев Ю.В., Краснов В.Е. Отвод судьи как гарантия справедливого уголовного правосудия // Вестник Омской юридической академии. 2016. N 4. С. 84-90.
2. Дежнев А. Возможен ли отвод в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2006. N 1. С. 46-48.
3. Поляков С.Б. Условия российской правовой системы для заказных уголовных дел // Адвокат. 2009. N 5. С. 68-78.
4. Барыгина А.А. Особенности оценки допустимости протоколов следственных действий в качестве доказательств по уголовным делам // Российский следователь. 2012. N 24. С. 18-22.
5. Пономаренко А.Г. Уголовное дело возбуждено неправомочным должностным лицом // Право в Вооруженных силах. 2004. N 11. С. 31-33.
6. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М.: Проспект; Велби, 2008. 288 с.
7. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве. Уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М.: Норма, 2010. 480 с.

References

1. Derishev Yu.V., Krasnov V.E. Otvod sud'i kak garantiya spravedlivogo ugovnogo pravosudiya [Judge's challenge as a guarantee of fair criminal justice]. Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of Omsk law academy, 2016, no. 4, pp. 84-90.
2. Dezhnev A. Vozmozhen li otvod v stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela? [Whether branch in a stage of initiation of criminal case?]. Zakonnost' – Legality, 2006, no. 1, pp. 46-48.
3. Polyakov S.B. Usloviya rossiyskoy pravovoy sistemy dlya zakaznyh ugovnyh del [Conditions of Russian legal system for custom criminal cases]. Advokat – Lawyer, 2009, no. 5, pp. 68-78.
4. Barygina A.A. Osobnosti otsenki dopustimosti protokolov sledstvennyh deystviy v kachestve dokazatel'stv po ugovnym delam [Features of assessment of admissibility of protocols of investigation actions as evidences for criminal cases]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator, 2012, no. 24, pp. 18-22.
5. Ponomarenko A.G. Ugolovnoe delo vzbuzhdeno nepravomocnym dolzhnostnym litsom [Criminal case brought by unauthorized public official]. Pravo v Vooruzhennyh silah – Right in armed forces, 2004, no. 11, pp. 31-33.
6. Bezlepkin B.T. Nastol'naya kniga sledovatelya i doznatelya [Reference book of investigator and investigator]. Moscow, Prospect; Velbi Publ., 2008. 288 p.
7. Kryukov V.F. Ugolovnoe presledovanie v dosudebnoy proizvodstve. Ugolovno-protsessual'nye i nadzornye aspekty deyatel'nosti prokurora [Criminal prosecution in pre-judicial production. Criminal procedure and supervising aspects of activity of the prosecutor]. Moscow, Norma Publ., 2010. 480 p.

ВОЛКОВ Е.В., VOLKOV E.V.,
Evgenvolkov75@gmail.com Evgenvolkov75@gmail.com
Следственный отдел; Investigation Department;
Отдел МВД России Department of the Ministry
по Калининскому району of the Interior of the Russian Federation
Управления Министерства внутренних дел for Kalininsky district of the Department
Российской Федерации of the Ministry of the Interior of the Russian
по Тверской области, Federation in the Tver region,
170039, г. Тверь, ул. Фрунзе, 7 Frunze St. 7, Tver, 170039,
Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТАМ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье раскрываются особенности правоприменительной деятельности следователя и дознавателя при выезде на место происшествия в лесной массив для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления по факту незаконной рубки лесных насаждений. Автором выявлены типичные ошибки, допускаемые субъектом расследования при проведении осмотра места происшествия, который имеет свою специфику по уголовным делам указанной категории. С учетом особенностей места происшествия сформулированы рекомендации по производству его осмотра. В частности, обосновано обязательное участие в осмотре места происшествия представителя лесничества, которого предлагается наделить процессуальным статусом специалиста (лесоведа), с целью измерения диаметра незаконно срубленных деревьев, необходимого для вычисления их общей кубатуры. Данная процедура имеет большое значение для правильного определения суммы материального ущерба и квалификации преступления. Кроме того, диаметр спиленных деревьев и их порода позволяют определить места сбыта незаконно полученной древесины, а также предположительный круг лиц, причастных к совершению преступления. Аргументируется авторская позиция об определяющем значении осмотра места происшествия для последующего этапа расследования уголовных дел данной категории.

Ключевые слова: осмотр места происшествия; незаконная рубка деревьев; следы преступления; расследование уголовного дела.

PECULIARITIES OF THE CRIME SCENE SEARCH IN CASES OF ILLEGAL FELLING OF FOREST PLANTATIONS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of law enforcement activities of the investigator and inquirer during the crime scene search in the forest area with the purpose to detect, record and seizure the traces of crime connected with the illegal logging of forest plantations. The author reveals typical mistakes made by the subject of investigation during the crime scene inspection, which has its own specifics in criminal cases of this category. Taking into consideration the peculiarities of the crime scene, the recommendations for conducting its search are formulated. In particular, the participation of the representative of the forestry in the crime scene investigation is substantiated. It is proposed to give him (or her) the procedural status of a specialist (forester), in order to measure the diameter of illegally felled trees necessary to calculate their cubature. This procedure is of great importance for the correct determination of the amount of material damage and the qualification of crime. Besides, the diameter of the logged trees and their species allow to locate the places of sale of illegally obtained wood, as well as to determine the persons involved in crime commission. The author's opinion concerning the significance of the crime scene search for the subsequent stage of the investigation of criminal cases of this category is argued.

Keywords: crime scene search; illegal tree felling; traces of crime; criminal investigation.

Осмотр места происшествия является важным следственным действием, направленным на обнаружение, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в сово-

купности с другими доказательствами и ориентирующими сведениями сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события [1, с. 4].

Следует привести высказывание В.И. Попова, ставшее в правовой литера-

туре классическим, о том, что протокол осмотра места происшествия — зеркало места происшествия [2, с. 185]. Этот документ должен адекватно и с достаточной полнотой отображать осматриваемое место.

Необходимо согласиться с утверждением В.Е. Лапшина, который считает, что описание и анализ обстановки места происшествия, построение исходной криминалистической модели минувшего события — одна из важных задач, стоящих перед следователем в процессе осмотра места происшествия и использования его результатов в расследовании. Правильное решение этой задачи в полном объеме зависит от ряда объективных и субъективных факторов. К объективным факторам ученый относит:

- условия возникновения следов в окружающей среде;
- влияние внешних и иных факторов на процесс исчезновения доказательств;
- наличие и характер имеющейся в распоряжении следователя доказательственной и ориентирующей информации;
- наличие у следователя необходимых сил, средств и возможностей их оптимального использования.

К числу субъективных факторов относятся:

- ошибочные действия следователя и оперативного работника на месте происшествия ввиду некомпетентности данных сотрудников;
- непредвиденные действия потерпевшего или лиц, причастных к событию;
- противодействие со стороны преступного элемента и т.д.

Нейтрализация влияния субъективных факторов во многом зависит от следователя, обладающего определенными знаниями и опытом [3, с. 2-3].

Полагаем, что вопросам нейтрализации влияния некоторых субъективных и объективных факторов, с которыми сталкивается правоприменитель при проведении осмотра места происшествия по делам о незаконной рубке лесных насаждений, целесообразно уделить особое внимание, так как от этого во многом зависит судебная перспектива расследуемого уголовного дела.

Особенности осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений освещены в диссертаци-

онных исследованиях М.А. Васильевой (2014 г.), С.В. Унжаковой (2013 г.), И.А. Фоминой (2011 г.).

Следует согласиться с составленным С.В. Унжаковой перечнем задач, которые ставит перед собой правоприменитель при выезде на место происшествия [4, с. 449]. Данный перечень, по справедливому мнению М.А. Васильевой, необходимо расширить, дополнив необходимостью установления путей прибытия к месту преступления и убытия с него [5, с. 116-117].

Особенностью осмотра места происшествия по делам о незаконной рубке леса является обязательное участие представителя лесничества, в ведении которого находится обход (участок лесного массива), где была совершена незаконная рубка деревьев. Необходимость его участия вызвана целесообразностью проведения специфической процедуры, а именно измерения диаметра незаконно срубленных деревьев. Правильное измерение пней влияет на определение общей кубатуры всего объема незаконно срубленных деревьев, общей суммы причиненного материального ущерба и, соответственно, на квалификацию преступления.

В практической деятельности возможно нарушение указанного правила. Например, имеют место случаи, когда при проведении осмотров места происшествия с участием представителей лесхозов последние показывали участок незаконной рубки и называли квартал, выдел, литер участка, а ведомость пересчета пней была уже составлена ранее сотрудником лесничества, который при осмотре места происшествия не присутствовал. В дальнейшем по поступающим из лесничеств материалам возбуждаются уголовные дела, и после сравнения и анализа диаметра в ведомости пересчета пней и протоколе осмотра места происшествия обнаруживаются существенные расхождения. Это, в свою очередь, влияет на изменение общей кубатуры незаконно срубленной древесины и сумму ущерба, приводит к обоснованному недоверию стороны защиты к указанным протоколам. Такая ситуация обуславливает необходимость в повторном осмотре места происшествия с участием специалиста из числа сотрудников лесной охраны.

Изучение этого вопроса показало, что данные расхождения вызываются тем, что по действующим правилам необходимо измерять диаметр пня с учетом коры, а также округлять диаметр пня в большую или меньшую сторону, так как при итоговом подсчете кубатуры в ведомости пересчета пней изменяются только четные числа с шагом в четыре деления*.

Следующей особенностью является отсутствие при осмотре места происшествия сведений о присутствующем представителе лесничества и определение его процессуального статуса, в частности, не как специалиста с разъяснением прав, предусмотренных ст. 58 УПК РФ. Данное обстоятельство, как представляется, – процессуальная ошибка, так как в этом случае игнорируется процессуальный статус важного участника уголовного процесса, что в итоге может привести к признанию процессуального действия недопустимым доказательством. Здесь также упускается возможность использования специальных знаний сведущих лиц в доказывании по делам рассматриваемой категории.

Не вызывает сомнений то, что без участия сотрудника лесничества, на участке которого произошла незаконная рубка, невозможно правильное проведение следователем или дознавателем осмотра места происшествия (точное определение квартала, литеры, выдела участка незаконной рубки, определения диаметров срубленных деревьев, их породы, примерного времени совершения преступления по цвету опилок и срезов деревьев и т.д.), так как эти специфические вопросы находятся в ведении работников лесничеств. В связи с этим полагаем, что сотрудники лесничеств, оказывающие помощь при осмотре места происшествия, должны иметь процессуальный статус специалиста (лесоведа).

В ходе осмотра места происшествия необходимо отражать месторасположение квартальных столбов и проводить к ним привязку участка незаконной рубки. Еще одной важной мерой контрпротиво-

действия и следующей особенностью осмотра места происшествия является необходимость изъятия спилов с пней, обнаруженных на месте рубки, а также опилок. При этом спилов должны изыматься не со всех пней, а только с тех, которые имеют характерные индивидуализирующие признаки (особенности формы дерева, наличие на коре дерева выемок и выступов, сучки на внешней поверхности спила, следы воздействия короеда и других вредителей, своеобразный рисунок годовых колец, разная толщина годовых колец, наличие разницы в расстояниях между годовыми кольцами, иные особенности годовых колец, внутренние повреждения волокон и др.).

В последующем совокупность индивидуальных признаков, отличающих изъятый спил пня, позволит определить по нему обнаруженное спиленное дерево с такими же особенностями в месте распила. Благодаря этому эксперт, проводящий трасологическую экспертизу, даст категорический положительный ответ на вопрос о том, составляли ли ранее данные объекты единое целое. Необходимо делать спилов не только с пней, но и с макушечной части оставленного дерева по вышеуказанным правилам, так как в большинстве случаев лесонарушители с целью исключения возможности привязки срубленного леса к месту незаконной рубки и затруднения проведения трасологической экспертизы делают дополнительные срезы с комлевой (нижней) части упавшего дерева, а с макушечной части, как правило, данные дополнительные срезы не делают. В таких случаях изъятию подлежат не только спилов с пней, но и дополнительные срезы, которые были сделаны с упавшего дерева (промежуточные части между пнем и комлем вывезенного дерева).

Немаловажным моментом при осмотре места происшествия является необходимость предварительного фотографирования именно тех пней, с которых в дальнейшем будут проводиться спилов. Впоследствии в случае обнаружения незаконно полученной древесины на пилораме, на перевозимой технике или в других местах в ходе следственного действия необходимо фотографировать также, кроме общей обстановки места происшествия,

* Наставление по отводу и таксации лесосек в лесах Российской Федерации: утв. приказом Федеральной службы лесного хозяйства Российской Федерации от 15 июня 1993 г. N 155. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

и сортименты деревьев, с которых будут проведены спилы. Это необходимо для наглядной демонстрации совпадающих признаков на краях древесины. В случае совершения преступления в условиях неочевидности изъятие спилов и результаты экспертизы будут доказательством совершенного правонарушения и, соответственно, смогут способствовать раскрытию преступления.

Анализ расследования уголовных дел показывает, что при проведении осмотра места происшествия по диаметру срубленных деревьев возможно выдвижение версий и определение местонахождения древесины, а также предположительного круга лиц, причастных к совершению данного преступления. Внимательный анализ позволяет выявить следующие закономерности.

1) при срубленных деревьях, имеющих примерно равный диаметр (от 20 до 30 сантиметров), и выборочной вырубке возможен вывод, что к совершению данного преступления причастны жители близлежащих населенных пунктов, которые занимаются строительством срубов. Преступление также могло быть совершено лицами, имеющими на своем лесоперерабатывающем предприятии калибровочный станок для обработки древесины, где возможно в максимально короткий срок обнаружить древесину;

2) в случае разного диаметра спиленных деревьев (от 20 до 60 сантиметров и более) лес был вывезен для реализации на лесоперерабатывающее предприятие с целью распиловки. При обнаружении древесины на территории организации, занимающейся лесопереработкой, возможна причастность сотрудников данного предприятия к незаконной рубке или их осведомленность о лицах, совершивших данное преступление.

Знание данных закономерностей, тенденций и особенностей позволяет следователю и дознавателю в ходе осмотра места происшествия выдвигать рабочие версии о лицах, предположительно совершивших данное преступление. При этом существует возможность немедленно после проведения осмотра места происшествия принять меры к установлению подозреваемых и обнаружению незаконно полученной древесины.

При работе на месте происшествия необходимо уделять внимание не только спилам, но и другим объектам, которые могли быть оставлены лесонарушителями на месте незаконной рубки. Таковыми могут быть: следы транспортных средств, используемых для вывоза древесины; окурки сигарет, находящиеся вблизи пней; бутылки из-под бензина и масла, банки, канистры, которыми заправляют бензопилы; опилки; расколотые дополнительные спилы с пней, разбросанные рядом с местом рубки бутылки с водой, остатки еды, экскременты и т.д.

Изъятие спилов в ходе осмотра перевозимой древесины имеет определенную тактическую особенность. При задержании специальных автомобилей (лесовозов) с древесиной на месте незаконной рубки, при выезде с места рубки или на удаленном от нее расстоянии для проведения трасологической экспертизы (целого по частям) с перевозимых на них сортиментов деревьев необходимо проводить изъятие спилов. Практически в каждом случае (за исключением ситуаций, когда водителю и сопровождающему удалось скрыться) изъятие спилов производится с участием возможных лесонарушителей, которым становится известно о его результатах. Следователи и дознаватели при изъятии спилов с перевозимой древесины допускают тактическую ошибку, которая выражается в изъятии только нескольких спилов с верхних сортиментов деревьев, загруженных в автомобиль, содержащих достаточное количество криминалистически значимых признаков, по которым впоследствии делается вывод о принадлежности к месту незаконной рубки.

Например, возможна ситуация, когда в ходе расследования лесонарушители дают показания о том, что они перевозили лес с законно существующей делянки с небольшим недогрузом. При движении по лесному массиву они увидели поваленные деревья и решили подобрать несколько сортиментов деревьев. Факт наличия в лесовозе двух или трех сортиментов с места незаконной рубки, как в последующем им стало известно от сотрудников полиции, они признают, но отношения к нему не имеют. С целью опровержения такой версии перед изъятием спилов с перевоз-

имой древесины следователь или дознаватель внимательно изучает на цифровом носителе фотографии пней и макушек деревьев с места незаконной рубки. После этого находит и изымает комлевые срезы с характерными криминалистически значимыми признаками как в средней части перевозимой древесины, так и в нижней ее части.

При выезде на осмотр места происшествия правоприменитель может столкнуться со следующими способами противодействия расследованию:

— после падения дерева и распиловки на сортименты по шесть метров в его нижней или верхней части лесонарушителями делается дополнительный срез, на котором имеются характерные неровности, оставшиеся также на пне или брошенной макушечной части ствола. Дополнительный срез специально раскалывается и разбрасывается на участках, прилегающих к месту незаконной рубки, что существенно затрудняет обнаружение этих фрагментов в ходе осмотра и последующее проведение судебной экспертизы;

— совершая незаконную рубку, лесонарушители специально проводят спиливание дерева у самой земли, и пня как такового практически не наблюдается. В данном случае для облегчения процесса последующего изъятия образца спила пня целесообразно иметь на месте происшествия лопату для откапывания пня летом и лом зимой;

— в ходе совершения незаконной рубки деревьев, имеющих отличительные особенности (характерная форма, возрастные повреждения, фрагменты сучков и т.д.), в нижней части и на оставшемся пне, которые обязательно будут изыматься сотрудниками правоохранительных органов, лесонарушители делают контрольные срезы, как в первом описанном случае. Однако длина контрольного среза может быть довольно внушительной и доходит до нескольких метров, а вес такого фрагмента, подлежащего изъятию, достигает 100 килограммов. Естественно, это создает дополнительные трудности при транспортировке комлевого среза из лесного массива в ОВД и его направлении на судебную экспертизу.

Лесные насаждения как предмет преступного посягательства имеют специфиче-

скую особенность при доказывании факта незаконности рубки. В ходе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, при расследовании незаконной рубки лесных насаждений большое значение имеет принадлежность к месту незаконной рубки где-либо обнаруженной незаконно спиленной древесины. Такая идентификация, соответственно, возможна при производстве трасологической экспертизы (целого по частям) либо при производстве дендрохронологической экспертизы. В первом случае следователь или дознаватель при производстве осмотра места происшествия должен правильно подойти к отысканию на месте незаконной рубки пней, расколотых на части дополнительных срезов, подпилы, которые содержат достаточное количество криминалистически значимых признаков. Только их достаточная совокупность позволит идентифицировать обнаруженную древесину как добытую преступным путем.

В отличие от уголовных дел по имущественным преступлениям, в процессе доказывания по которым возможно проведение опознания потерпевшим предмета преступного посягательства, при незаконной рубке лесных насаждений проведение такого следственного действия фактически исключено. Кроме того, при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории не проводится такое следственное действие, как следственный эксперимент, когда необходимо выяснить навыки и возможность совершения рубки лесных насаждений заподозренным лицом.

В связи с этим только в ходе экспертного исследования, при производстве дендрохронологической и трасологической экспертизы (целого по частям), можно получить положительное заключение, в выводах которого будет указано на то, что обнаруженная древесина получена незаконно и ранее произрастала на конкретном участке лесного массива, на котором было совершено экологическое преступление. Получение указанного доказательства возможно только при проведении следователем или дознавателем осмотра места происшествия по факту обнаружения незаконной рубки лесных насаждений и нахождения незаконно полученной древесины на высоком профессиональном уровне.

В связи с этим, как представляется, первое следственное действие — осмотр места происшествия имеет важное значение для раскрытия преступления, получения доказательственной базы, привязки обнаруженной древесины к месту незаконной рубки и в конечном итоге влияет на весь результат расследования уголовного дела.

Обладание правоприменителем знаниями об особенностях, характерных для осмотра места преступления обозначенного вида, во многом поможет на высоком про-

фессиональном уровне произвести указанное следственное действие, не допустить ошибки, вследствие которых потребуются повторный выезд на место происшествия, дополнительное назначение судебных экспертиз, что в итоге приведет к увеличению разумного срока уголовного судопроизводства. Полученные при осмотре места происшествия первоначальные данные позволят правильно определить реальные направления расследования, от выбора которых будет зависеть результат работы.

Список литературы

1. Методические основы осмотра места происшествия: учеб.-метод. пособие / под ред. М.П. Филиппова. М.: ЦОКР МВД России, 2007. 216 с.
2. Попов В.И. Осмотр места происшествия / под ред. Б.А. Хвана. Алма-Ата, 1957. 185 с.
3. Лапшин В.Е. Теоретические основы экспертизы места происшествия // Эксперт-криминалист. 2009. N 3. С. 2-5.
4. Унжакова С.В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Известия Тульского государственного университета. Экологические и юридические науки. 2016. N 3-2. С. 449-455.
5. Васильева М.А. Первоначальный этап расследования незаконных рубок лесных насаждений: по материалам Дальневосточного региона России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 208 с.

References

1. Metodicheskie osnovy osmotra mesta proisshestiya [Methodical bases of inspection of the scene]. Moscow, 2007. 216 p.
2. Popov V.I. Osmotr mesta proisshestiya [Inspection of the scene]. Alma-Ata, 1957. 185 p.
3. Lapshin V.E. Teoreticheskie osnovy ekspertizy mesta proisshestiya [Theoretical bases of examination of the scene]. Ekspert-kriminalist – Forensic expert, 2009, no. 3, pp. 2-5.
4. Unzhakova S.V. Osobennosti proizvodstva osmotra mesta proisshestiya pri rassledovanii nezakonnoy rubki lesnyh nasazhdeniy [Features of production of inspection of the scene at investigation of the illegal cabin of forest plantings]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekologicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula State University. Ecological and jurisprudence, 2016, no. 3-2, pp. 449-455.
5. Vasilyeva M.A. Pervonachal'niy etap rassledovaniya nezakonnyh rubok lesnyh nasazhdeniy: po materialam Dal'nevostochnogo regiona Rossii. Kand. Diss. [The initial stage of the investigation of illegal logging of forest plantations: based on the materials of the Far Eastern region of Russia. Cand. Diss.]. Moscow, 2014. 208 p.

Раздел 12. Обзоры, рецензии, критика

ШЕСЛЕР А.В., доктор юридических наук, профессор, sofish@inbox.ru Кафедра уголовного права; Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 654066, г. Новокузнецк, просп. Октябрьский, 49	SHESLER A.V., Doctor of Legal Sciences, professor, sofish@inbox.ru Chair of criminal law; Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Oktyabrsky Ave. 49, Novokuznetsk, 654066, Russian Federation
--	--

**ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ. ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИИ Д.А. ГРИГОРЬЕВА «УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРЕСТУПНОГО
СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ) ИЛИ УЧАСТИЕ В НЕМ (НЕЙ)»***

Аннотация. В отзыве акцентируется внимание на положениях, которые составляют научную новизну диссертации. Критикуются предложенные соискателем критерии структурированности организованной группы, являющейся преступным сообществом. Оппонент не соглашается с предложением соискателя о расширении целей преступного сообщества в редакции статьи 210 УК РФ за счет указания на цель совершения преступлений средней тяжести, а также за счет исключения дополнительной цели в виде получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Возражение обосновывается тем, что это усложнит существующую проблему отграничения преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ, от иных преступлений, криминообразующим признаком которых являются определенные разновидности устойчивых преступных групп. Критикуется суждение соискателя о том, что диспозиция части 1 статьи 210 УК РФ содержит три самостоятельных состава преступления. В отзыве отмечается, что в данной диспозиции содержится один состав преступления, характеризующий криминализацию лидерства в преступной среде. Делается вывод о том, что высказанные замечания не снижают значимости работы, сделанной диссертантом, который заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право).

Ключевые слова: организованная преступная деятельность; преступное сообщество; структурированная организованная группа; объединение организованных групп; создание преступного сообщества; руководство преступным сообществом; координация преступных действий.

**CRIMINAL ORGANIZATION: DISPUTABLE ISSUES OF THE THEORY.
REVIEW OF THE THESIS OF D.A. GRIGORIEV "CRIMINAL LAW
CHARACTERISTICS OF THE LIABILITY FOR FORMING
A CRIMINAL ORGANIZATION OR PARTICIPATION IN IT"**

Annotation. The review focuses on the provisions that make up the scientific novelty of the thesis. The criteria for structuring the organized group that is a criminal organization, proposed by the applicant, are criticized. The opponent does not agree with the proposal of the applicant to expand the goals of the criminal organization in the wording of article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation by indicating the purpose of committing crimes of average gravity, as well as by excluding the additional purpose of obtaining financial or other material benefit, directly or indirectly. The objection is substantiated by the fact that it will complicate the existing problem of delimitation of the crime provided by Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation from other crimes, characterized by certain varieties of stable criminal groups which are the element that constitute

* Григорьев Д.А. Уголовно-правовая характеристика ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08: защищена 25.04.2018. Тюмень, 2018. 232 с.

these crimes. The opinion of the applicant that part 1 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation contains three separate elements of the crime is criticized. The author of the review notes that this part of the article of the Criminal Code contains one *corpus delicti* characterizing the criminalization of leadership in a criminal environment. It is concluded that the comments made do not reduce the significance of the work done by the degree applicant, who deserves the awarding of the required academic degree of Candidate of Legal Sciences in the specialty 12.00.08 (criminal law and criminology; penitentiary law).

Keywords: organized criminal activity; criminal organization; structured organized group; association of organized groups; forming a criminal organization; leading a criminal organization; coordination of criminal activities.

Актуальность темы исследования не вызывает сомнений. Наиболее опасной формой групповой преступности является деятельность преступных сообществ, представители которых успешно адаптировались в современном социуме и в значительной мере легализовались. Влияние преступных сообществ на современные процессы в России позволяет утверждать, что они в значительной мере определяют состояние экономики, политики, социальной и духовной сферы. Под влиянием процессов глобализации деятельность преступных сообществ приобрела транснациональный характер. Среди мер воздействия на преступные сообщества основная роль принадлежит мерам уголовно-правового воздействия. Позитивным моментом действующего уголовного законодательства по сравнению с УК РСФСР 1960 г. явилось признание преступного сообщества в качестве коллективного субъекта преступной деятельности, его законодательное определение, установление уголовной ответственности за общественно опасную деятельность его лидеров и участников (ст.ст. 35, 210 УК РФ). Практика накопила значительный опыт применения уголовно-правовых норм о преступном сообществе.

Однако неоднократные изменения редакции уголовно-правовых норм о преступном сообществе свидетельствуют о том, что соответствующие положения уголовного закона не являются совершенными, прежде всего в части установления оснований и пределов уголовной ответственности их лидеров и активных участников, четкого определения признаков преступного сообщества, позволяющих отличить их от иных разновидностей устойчивых преступных групп. Это во многом предопределяет неустойчивую позицию Верховного Суда Российской Федерации относительно толкования признаков состава

ва преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, ошибки в судебной и следственной практике. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная научная проработка положений уголовного закона о преступных сообществах. Диссертационное исследование Д.А. Григорьева в определенной мере способствует решению возникших проблем.

Логичной представляется структура работы, которая состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Во введении соискателем обосновывается актуальность избранной темы диссертационного исследования, раскрывается степень ее разработанности, определяются цель и задачи исследования, методология и методы исследования, указывается эмпирико-правовая основа работы, обосновывается научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, аргументируются теоретическая и практическая значимость исследования, степень его достоверности, приводятся данные об апробации результатов проведенного исследования, описывается его структура.

В первой главе диссертации соискатель рассматривает вопросы развития российского законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за организованную преступную деятельность. В работе отмечается, что для дореволюционного уголовного законодательства была характерна тенденция к уточнению признаков преступных групп, расширению криминализации целей последних, разграничению правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за различные виды организованной преступной деятельности. При рассмотрении уголовной ответственности за организованные виды

преступной деятельности по советскому уголовному законодательству соискатель обращается к вопросам криминализации деятельности участников таких разновидностей преступных групп, как антисоветская организация, банда, преступная группировка, организованная группа, и др.

Особое внимание в работе обращается на отличия в криминализации организованной преступной деятельности в зарубежных странах с различными правовыми системами (англо-саксонской, континентальной и мусульманской). По мнению соискателя, законодательство в области борьбы с организованной преступной деятельностью большинства стран континентальной системы является наиболее разработанным и учитывает различные направления организованной преступной деятельности. Соискатель предлагает использовать для совершенствования редакции ст. 210 УК РФ подход итальянского законодателя. В соответствии с этим подходом в итальянском уголовном законе кроме экономических целей (захват управления или приобретение контроля над экономической деятельностью, получение незаконных доходов или выгод для себя или для других и др.) указаны и политические цели (воспрепятствование свободному волеизъявлению на выборах с целью получения голосов в свою пользу или в пользу третьих лиц). Кроме того, соискатель предлагает, как в УК Италии, ввести в ст. 210 УК РФ такой особо квалифицирующий признак, как создание вооруженного преступного сообщества или участие в нем.

Вторая глава диссертации посвящена анализу основных признаков преступного сообщества по УК РФ. К их числу соискатель относит структурированность преступного сообщества, целевой признак преступного сообщества, а также признак «единого руководства» преступным сообществом. В работе предлагается раскрыть признак структурированности преступного сообщества через призму объективных и субъективных критериев. К объективным критериям структурированности преступного сообщества соискатель относит вхождение в него двух или более функционально и (или) территориально обособленных структурных подразделений, численностью

не менее двух человек каждое; наличие причинной связи между деятельностью структурного подразделения и сообщества в целом, объективным выражением которой является внесение определенного вклада участником преступного сообщества в достижение единого для всего преступного сообщества результата; наличие у всех структурных подразделений единого руководителя или единого коллективного органа управления. К субъективным критериям такой структурированности соискатель относит: действие участника преступного сообщества в составе устойчивой преступной группы, а также занятие им определенного места в такой группе; координацию группы-, в составе которой действует такой участник, своей деятельности с другими преступными группами (обособленными подразделениями); единое руководство деятельностью преступной группы, в составе которой действует этот участник.

Анализируя целевой признак преступного сообщества, соискатель критикует его определение, данное в ч. 4 ст. 35 и в ч. 1 ст. 210 УК РФ, и предлагает расширить целевую характеристику преступного сообщества за счет указания на цель совершения преступлений средней тяжести, а не только тяжких и особо тяжких преступлений. Кроме того, в работе предлагается исключить дополнительную цель преступного сообщества в виде получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Свою позицию соискатель обосновывает следующим: организованная преступность может осуществлять различные виды преступной деятельности, в том числе не отнесенные УК РФ к тяжким и особо тяжким преступлениям; отнесение ст. 210 УК РФ исключительно к корыстным преступлениям создает опасность правовой недооценки организованной преступной деятельности, осуществляемой преступной группой, основной целью которой не является непосредственное извлечение материальной выгоды. Раскрывая признак «единого руководства» преступным сообществом, соискатель подчеркивает, что руководить преступным сообществом могут два и более равноправных лица, отношения между которыми характеризуются как партнерские. На основании таких предло-

жений соискатель формулирует авторскую редакцию ч. 4 ст. 34 УК РФ.

Раскрывая основные отличия преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, от иных преступлений, конститутивным признаком которых являются преступные группы (ст.ст. 208, 209 УК РФ и др.), соискатель указывает на основной отличительный признак, в качестве которого выступает целевая направленность деятельности преступной группы.

В третьей главе диссертации дается характеристика признаков преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. Соискатель выдвигает полемичное суждение о том, что диспозиция ч. 1 ст. 210 УК РФ содержит три самостоятельных состава преступления, а именно: создание преступного сообщества и (или) руководство им или входящими в него структурными подразделениями; координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп; участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных в ч. 1 ст. 210 УК РФ преступлений. Исходя из этого, соискатель предлагает в случае одновременного совершения одним лицом этих деяний квалифицировать их и назначить за них наказание по правилам совокупности преступлений.

При характеристике квалифицирующего признака, содержащегося в ч. 4 ст. 210 УК РФ (деяния, предусмотренного частью первой настоящей статьи, совершенного лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии), соискатель указывает на возможность вменения лицу его статуса в преступной среде («вор в законе», «смотрящий», «положенец» и т.д.), а не совершенного деяния. Исходя из этого, соискатель предлагает исключить данный квалифицирующий признак из ст. 210 УК РФ, а при установлении уголовной ответственности в отношении этих лиц исходить из

выполнения ими действий, обусловленных их влиянием на преступную среду.

В заключении соискателем формулируются выводы по результатам исследования, основанные на них предложения и рекомендации, а также отмечаются перспективы дальнейших исследований в области криминализации деятельности лидеров преступной среды.

В приложении дается схема одного из изученных соискателем по материалам уголовного дела преступного сообщества.

К числу принципиально новых положений, полученных лично соискателем, позволяющих определить исследование как научно-квалификационную работу, содержащую решение задач, имеющих существенное значение для теории и практики, следует отнести:

- критическое обобщение научных исследований, посвященных уголовно-правовым нормам о преступном сообществе и практике их применения;

- исторический анализ отечественного законодательного опыта, а также зарубежного законодательного опыта регламентации уголовной ответственности за организованную преступную деятельность;

- авторское определение преступного сообщества в целом и его признаков в отдельности;

- предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства, в частности, редакции ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ;

- предложения по установлению уголовной ответственности за сбор денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и за финансирование преступления, организованных групп и преступных сообществ;

- предложения по совершенствованию практики применения ст. 210 УК РФ, прежде всего в части толкования признаков деяний, предусмотренных этой статьей, а также в части их отграничения от иных преступлений, конститутивным признаком которых являются определенные разновидности преступных групп.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о завершеном и самостоятельном научном исследовании. Вместе с тем в тексте диссертации содержатся по-

ложения, по поводу которых необходимо сделать замечания.

1. Объектом критики является название и содержание первой главы работы и ее параграфов, во-первых, потому, что исследованные в главе вопросы уголовной ответственности за организованную преступную деятельность выходят за пределы сформулированных соискателем темы диссертации и ее задач (с. 8). Организованная преступная деятельность является многообразной и включает в себя не только организацию, руководство и участие в преступном сообществе, но и другие действия, предусмотренные иными статьями УК РФ (ст.ст. 205.4, 205.6, 212, 241, 278, 279, 281.1, 282.2, 282.3 и др.), а также предусматривавшиеся ранее действовавшим отечественным уголовным законодательством. Возникает вопрос: «Какое непосредственное отношение имеет характеристика организованной преступной деятельности к характеристике преступных сообществ?».

Во-вторых, в первую главу включен третий параграф, в котором анализируется уголовная ответственность за организованную преступную деятельность по законодательству некоторых зарубежных стран. Возникает вопрос: «Какое отношение это имеет к генезису российского законодательства об уголовной ответственности за организованную преступную деятельность?». В буквальном смысле генезис — это процесс образования и становления развивающегося явления*. Оторванность в целом названия первой главы и ее содержания от названия и содержания всего исследования не позволила соискателю вынести ни одного положения на защиту по результатам анализа развития отечественного законодательства и анализа зарубежного законодательства об уголовной ответственности за организованную преступную деятельность.

2. Нельзя согласиться с предложением соискателя о расширении целей преступного сообщества в редакции ст. 210 УК РФ за счет указания на цель совершения преступлений средней тяжести, а также за счет исключения дополнительной цели преступного сообщества в виде получения

прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (с. 11-12, 92-94, 196). Восприятие законодателем этого предложения усложнит существующую проблему отграничения преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, от иных преступлений, одним из криминообразующих признаков которых являются определенные разновидности устойчивых преступных групп (ст.ст. 208, 209 УК РФ). В настоящий период и без таких изменений бывает сложно определить, по каким правилам следует квалифицировать указанные преступления, а именно: по правилам совокупности преступлений, по правилам разграничения конкурирующих составов преступлений или по правилам разграничения смежных составов преступлений. Кроме того, восприятие законодателем указанных предложений породит проблему отграничения преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, от иных преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.4, 205.6, 278, 279, 281.1, 282.2, 282.3 и др. Выделенный соискателем основной разграничительный признак этих преступлений в виде целевой направленности деятельности преступной группы (с. 113, 196) уже не поможет разрешить указанную проблему в силу широкого определения целей преступного сообщества.

3. Вызывает сомнения необходимость обозначения соискателем в качестве положения, выносимого на защиту, критериев структурированности организованной группы, выступающей в качестве преступного сообщества (с. 11). Эти сомнения основаны, во-первых, на том, что такие критерии уже выделены в практике применения уголовного закона. В частности, в пп. 3 и 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)**» структурированная организованная группа характеризуется как состоящая из подразделений (функционально и (или) территориально обособленных групп, состоящих из двух и более лиц, выполняющих задачи, направленные на обеспечение функ-

* См., напр.: Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 143.

** Рос. газ. 2010. 17 июня.

ционирования преступного сообщества), имеющих единое руководство и взаимодействующих между собой.

Во-вторых, характеристика в практике применения уголовного закона признака структурированности организованной группы, содержательно не определенного законодателем, по сути, сводится к тому, что структурированная организованная группа представляет собой объединение организованных групп, действующих под единым руководством. Для того чтобы прийти к этому выводу, достаточно внимательно сравнить редакцию пп. 3, 4, 5 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Соответственно, сущность преступного сообщества должна усматриваться не в том, что оно представляет особую разновидность организованной группы, а в том, что это качественно иное образование, возникшее на основе объединения организованных групп, действующих под единым руководством. Полагаем, что соискатель должен был критически отнестись к наличию признака структурированности в ч. 4 ст. 35 УК РФ, который оказался таким же неопределенным признаком, как и признак сплоченности, содержащийся в ранее действовавшей редакции указанной статьи, несмотря на попытки раскрыть его в судебном толковании (см. п. 3 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. N 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)»).

4. Рассматривая основные отличия преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, от иных преступлений (ст.ст. 208, 209 УК РФ и др.), соискатель не указывает, по какому критерию он отобрал для сравнения именно эти преступления, и ограничился лишь указанием на то, что они сходны по конструкции и являются смежными (с. 100). В связи с этим возникают следующие вопросы: «Почему анализируемые составы преступлений являются смежными, а не конкурирующими?»; «Какие правила необходимо применить для их сравнения в качестве смежных составов преступлений?»; «Почему у некоторых указанных соискателем составов преступлений вообще

нет общих признаков, по которым их следует сравнивать с составом преступления, предусмотренным ст. 210 УК РФ (в частности, речь идет о составе преступления, предусмотренном ст. 284.1 УК РФ, так как указанная в этой статье неправительственная организация не относится к преступной группе)?».

5. Вызывает возражение суждение соискателя о том, что диспозиция ч. 1 ст. 210 УК РФ содержит три самостоятельных состава преступления: создание преступного сообщества и (или) руководство им или входящими в него структурными подразделениями; координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп; участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных в ч. 1 ст. 210 УК РФ преступлений (с. 12-13, 114, 196-197). В практическом плане из этого вытекает предложение соискателя о том, что в случае одновременного совершения одним лицом таких деяний их необходимо квалифицировать и назначить за них наказание по правилам совокупности преступлений (с. 13, 117-119, 197). Свою позицию соискатель аргументирует тем, что указанные действия различаются между собой как по объективным, так и субъективным признакам (с. 116-160).

Следуя логике соискателя, каждое из перечисленных в ч. 1 ст. 210 УК РФ действий отличается от других указанных там действий как по объективным, так и по субъективным признакам. Получается, что составов преступлений в ч. 1 ст. 210 УК РФ содержится не три, а гораздо больше? Однако это не так. На наш взгляд, диспозиция ч. 1 ст. 210 УК РФ содержит один состав преступления, который может быть выполнен одним из предусмотренных в этой диспозиции альтернативных действий, являющихся по своей юридической сущности тождественными. Сущность таких дей-

ствий состоит в консолидации преступной среды, которая не является соучастием в конкретном преступлении в виде деятельности его организатора. Именно эта сущность, независимо от ее выражения в конкретных действиях, лежит в основе криминализации лидерства в преступной среде.

В практическом плане это означает, что в случае одновременного совершения лицом в составе одного преступного сообщества деяний, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ, они должны квалифицироваться как одно преступление, а правила назначения наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ) не применяются. Использованный законодателем казуальный способ изложения редакции ч. 1 ст. 210 УК РФ обусловлен его стремлением избежать оценочных признаков при определении оснований уголовной ответственности лидеров преступных сообществ, а вовсе не стремлением на основании выделения различных составов преступлений дифференцировать уголовную ответственность лидеров преступного сообщества. Свое стремление дифференцировать уголовную ответственность членов преступного сообщества законодатель выразил в выделении разных оснований уголовной ответственности его лидеров и иных участников, предусмотрев разные санкции за выполнение в преступных сообществах отличных по своей общественной опасности действий (ч. 1 и ч. 2 ст. 210 УК РФ).

Вместе с тем высказанные замечания не снижают значимости проделанной

диссертантом работы. Диссертация Григорьева Дмитрия Александровича, внесшая определенный вклад в решение поставленной проблемы, представляет собой актуальное самостоятельное научное исследование, которое имеет законченный вид, основано на достаточной эмпирической базе, содержащиеся в нем выводы и предложения обладают научной новизной и практической значимостью. Содержание автореферата соответствует содержанию текста диссертации. Основные научные результаты отражены соискателем в двенадцати научных статьях. Шесть из них помещены в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертации. Диссертация и автореферат соответствуют требованиям Положения «О присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842.

На основании изложенного полагаем, что автор диссертации «Уголовно-правовая характеристика ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» Григорьев Дмитрий Александрович заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право).

КОЛЕСНИК В.В., КОLESNIK V.V.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
nikkipohta@mail.ru nikkipohta@mail.ru
Кафедра гражданского права; Chair of civil law;
Ростовский филиал Russian State University of Justice
Российского государственного (Rostov Branch),
университета правосудия, Lenin St. 66, Rostov-on-Don,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66 344038, Russian Federation

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. На страницах журнала «Библиотека криминалиста» развернулась дискуссия о влиянии цифровых технологий на уголовно-процессуальную форму применения уголовного законодательства. Представитель Нижегородской школы процессуалистов С.В. Власова выступила с предложениями о модернизации уголовно-процессуального механизма противодействия преступности в связи с переходом к новому технологическому укладу, основанному на цифровых технологиях. Следуя логике ее рассуждений, переход на состязательный тип уголовного процесса неизбежен. Автор статьи в целом поддерживает главную идею проекта С.В. Власовой и ход ее рассуждений, в том числе по вопросам реформирования процедуры предъявления обвинения, институтов доказательственного права, а также общего направления дальнейшей судебной реформы. Большинство представленных С.В. Власовой идей, направленных на реорганизацию существующей правовой основы противодействия преступности, заслуживают если не поддержки, то пристального внимания. Тем не менее вызывает возражение ее предложение отказаться от свойства допустимости доказательств, касающееся субъектов доказывания и ослабления требований к формальной стороне уголовно-процессуального доказывания. Подвергается критике и общая нигилистическая установка исследователя относительно уголовно-процессуальной формы как гарантии прав личности.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-судебные доказательства; доказывание; цифровые технологии; допустимость доказательств.

CRITICAL REVIEW OF THE PROPOSALS TO OPTIMIZE THE LEGAL FRAMEWORK FOR COMBATING CRIME IN THE DIGITAL SOCIETY

Annotation. The discussion about the impact of digital technologies on the criminal procedure form of applying criminal legislation has begun on the pages of the journal "Library of a criminalist". The representative of the Nizhny Novgorod school of scientists engaged in research in the field of criminal procedure S.V. Vlasova made proposals for the modernization of the criminal procedure mechanism for combating crime due to the transition to a new technological order based on digital technologies. Following the logic of her reasoning, the transition to an adversarial type of criminal process is inevitable. On the whole, the author of the article supports the main idea of the project proposed by S.V. Vlasova and the course of her reasoning, including the issues connected with the reform of the prosecution procedure, the institutions of law of evidence, as well as the general direction of further judicial reform. Most of the ideas, presented by S.V. Vlasova and aimed at the reorganization of the existing legal framework for combating crime, deserve close attention, if not support. However, her proposal to refuse the admissibility of evidence as the characteristics of evidence concerning the subjects of proof and weakening the requirements for the formal side of criminal procedure proving is objectionable. The general nihilistic attitude of the researcher towards the criminal procedure form as a guarantee of the rights of the individual is also criticized.

Keywords: criminal process; criminal evidence; proving; digital technologies; admissibility of evidence.

Переход к новому технологическому укладу, основанному на цифровых технологиях, затрагивает все сферы общественной деятельности и ведет к их изменению. Важно своевременно уловить направле-

ние этих изменений и адаптироваться к ним. Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. отметил, что волна технологических изменений буквально за-

хлестывает весь мир, и тот, кто справится и использует ее, вырвется далеко вперед. Тех же, кто этого не сможет сделать, эта волна захлестнет. Технологическое отставание означает снижение безопасности и экономических возможностей страны*.

Исходя из тезиса о глобальном характере цифровой технологической революции, можно вполне обоснованно утверждать, что она затронет и уголовно-процессуальный правовой механизм противодействия преступности. Необходимо ожидать существенные изменения, касающиеся как объекта воздействия этого механизма – преступности (киберпреступности), так и средств правового воздействия на нее, включая уголовно-процессуальные средства.

В связи с этим поднятые С.В. Власовой вопросы об изменениях уголовно-процессуального механизма под влиянием цифровых технологий [1], более чем злободневны. Следует ожидать, что они определяют направление развития наук антикриминального цикла не только на ближайшую, но и на долгосрочную перспективу, поскольку созвучны той проблематике, которую в глобальном масштабе должно решать Российское государство.

Как показала дискуссия, развернувшаяся на страницах последнего номера журнала «Библиотека криминалиста» [2], в науке сложились две позиции о влиянии цифровых технологий на модель (тип) уголовно-процессуальной системы. Одни ученые утверждают, что цифровые технологии неизбежно обусловят переход на состязательный тип уголовного процесса и новую технологию доказывания, другие придерживаются мнения о том, что радикальных перемен не требуется, достаточно адаптации существующей уголовно-процессуальной системы к реалиям цифровой среды на уровне криминалистической техники, методики.

Следует остановиться на анализе первой позиции, представители которой предлагают планы радикального реформирования отечественного уголовно-про-

цессуального законодательства, якобы объективно обусловленные теми изменениями, которые порождают цифровые технологии в социально-экономической базе.

Выразителем этого подхода выступает С.В. Власова [1, с. 10], взгляды которой во многом основаны на «новой теории уголовно-судебных доказательств», созданной профессором А.С. Александровым и изложенной в систематизированном виде в «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации» [3] (далее – Доктринальная модель). Доктринальная модель предполагает переход на состязательную правовую организацию уголовно-процессуального доказывания и правоприменения. С этим неизбежно связаны предложения о ликвидации «следственной власти» и выведении внесудебной деятельности участников уголовно-правового спора за пределы собственно уголовного судопроизводства. Иными словами, установление оснований для применения уголовного закона, по мнению сторонников проекта, должно происходить только в рамках судебных процедур. Все, что касается получения сторонами информации и ее источников во внесудебном формате, имеет своим результатом не «доказательства», а информационно-материальную основу для формирования таковых. Таким образом, С.В. Власова, основываясь на данных о последствиях развития цифровых технологий, развивает аргументацию в пользу предложения о смене уголовно-процессуального строя, традиционного для Российской Федерации.

С этой точки зрения, следственная уголовно-процессуальная форма обречена на исчезновение ввиду радикального изменения отношений между властью и людьми, изменения государственного управления. Данные изменения проявляются в прямой доступности для населения и бизнеса государственных услуг, включая услугу ведения и разрешения уголовных дел; открытости процессов принятия решений государственными органами, а значит, и усилении общественного контроля; своего рода обобществлении государственного управления, включая функцию обвинения (уголовного преследования), – за счет вы-

* См.: Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957/>

теснения чиновничьего элемента, с присущим ему произволом [1, с. 10].

Точка зрения о неизбежности усиления демократии, открытости, гласности в государственном управлении при цифровом экономико-социальном укладе и, соответственно, о новом этапе развития правового государства, сопровождающемся отказом от бюрократических, закрытых, коррупциогенных элементов и схем, достаточно распространена в научно-экспертном сообществе. Она является доминирующей в программах социально-экономического, государственно-правового развития, разрабатываемых Центром стратегических разработок*, Комитетом гражданских инициатив**.

В связи с этим предложение о переходе от следственного типа уголовного процесса, в котором принятие основных процессуальных решений (включая решение о привлечении в качестве обвиняемого — привлечение к уголовной ответственности) сосредоточено у следственной власти, к состязательному типу уголовного процесса выглядит достаточно убедительно.

Необходимо подчеркнуть, что подобную стратегию не столько оптимизации, сколько смены модели механизма противодействия преступности и уголовно-процессуальной парадигмы, поддерживают и другие эксперты [4, с. 19-27]. В различных вариациях и с особенностями относительно деталей они придерживаются состязательной идеологии и призывают к реформированию уголовной юстиции, созданию новых базовых институтов правоохранительной системы правового государства, основанных на цифровой информационно-технологической базе [5, с. 80-85; 6, с. 137-143; 7, с. 46-48].

Вместе с тем большинством авторов проект С.В. Власовой не был поддержан, высказывались предложения об оптимизи-

* См.: Цифровая трансформация государства. Гражданин и государство в новой цифровой реальности. URL: <https://www.csr.ru/news/>; Судебная система вложится в экономический рост. URL: <https://www.csr.ru/issledovaniya/>

** См.: Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменению нормативных актов в целях их реализации. URL: <https://eu.spb.ru/news/18605-predlozheniya-po-sovershenstvovaniyu-sudebnoj-sistemy-v-rf>

зации существующей уголовно-процессуальной системы.

Причина негативного отношения к смене уголовно-процессуального строя, на наш взгляд, состоит в том, что отечественная уголовно-процессуальная наука сложилась и развивалась в рамках следственного типа уголовного процесса. При господстве следственной идеологии презюмируется, что главным субъектом уголовно-процессуального доказывания является следователь (орган предварительного расследования), который формирует доказательства для суда путем производства следственных действий, ход и результаты которых фиксируются в протоколах и иных процессуальных документах.

Понятийный ряд отечественной процессуалистики проникнут следственной идеологией. Это касается трактовки доказательств, доказывания, процессуальных решений, процессуальной формы и всего остального. Доводы противников перехода к новой модели проникнуты нормативистской логикой и основаны на нормах действующего законодательства, позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации, также имеющих своим предметом действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Институты отечественного уголовно-процессуального доказательственного права исторически выстраивались на основе вертикали следственной власти. Следственное мышление ориентировано на идеального «субъекта доказывания» в лице «компетентного государственного органа», под которым подразумевается следователь. Ключевые понятия доктрины уголовно-процессуального доказывания проникнуты этой идеей: предмет доказывания, источники доказательств, способы получения доказательств (следственные действия), критерии оценки доказательств и т.д. Даже стандарт доказанности итогового уголовно-процессуального решения — приговора в виде концепции «объективной истины» ориентирован в конечном итоге на следователя [8, с. 142-157]. Внутри следственной системы невозможно найти аргументы против нее.

Как свидетельствует дискуссия, правовое развитие тормозят инерция мышле-

ния, сила привычки, боязнь новизны, которые характерны для российского общества в целом и уголовно-процессуальной науки в частности. На наш взгляд, главное препятствие перемены взглядов на то, как должно быть устроено уголовное судопроизводство в цифровую эпоху, — уровень правовой идеологии и психологии. Бытие в следственной системе порождает следственное сознание. Использовать язык следственного уголовного процесса и быть свободным от следственной идеологии нельзя. Никакие доводы о перспективах цифровых технологий для раскрытия и расследования преступлений не срабатывают, пока люди убеждены в том, что следователь уполномочен это делать, и только.

Между тем надо отчетливо понимать, что альтернативой состязательной модели и правовому государству в цифровом мире может быть лишь тоталитарная государственная система с всевластием спецслужб и тотальным контролем не только за поведением, но даже образом мыслей подвластных. По мнению некоторых экспертов, такой исход цифровизации — в виде тотального контроля правительства за своими гражданами — вполне возможен.

С большой определенностью следует предположить, что в будущем «цифровом мире» в «гонке вооружений» преступников и правоохранителей одни будут использовать цифровые технологии для совершения преступлений, другие — для их выявления, раскрытия и расследования. Преимуществом правоохранительных органов будет возможность использовать «большие данные», которые уже сейчас накоплены в государственных и частных информационных ресурсах. Повсеместная установка датчиков в публичных местах, использование не только стационарных, но и передвижных технических средств мониторинга дает правоохранителям способность отслеживать и фиксировать события преступлений, других нарушений порядка, а также облегчает проверку алиби подозреваемых, содержание личных доказательств [9]. Сегодня изъятие смартфона и его осмотр позволяют получить полную характеристику личности его владельца, его окружения, мест пребывания

и прочую информацию, что нередко дает возможность опровергнуть не только алиби, но презумпцию его невиновности.

Другая важная мысль, затронутая С.В. Власовой, касается уязвимости сложившейся отечественной уголовно-процессуальной системы смешанного типа под воздействием цифровых технологий. Эта уязвимость состоит в противоречии между следственными и состязательными элементами, которые имеются в этой системе. Цифровые технологии могут содействовать усилению как следственного, так и состязательного начала, и то и другое усиливается под их влиянием, поэтому обостряется противоречие между ними. Если следственная власть станет усиливаться за счет цифровых технологий, то это будет вести к усилению авторитарной власти, установлению тотального контроля над личностью и фактическому бесправию.

С другой стороны, цифровые технологии могут быть взяты на вооружение состязательным процессом, и тогда его процедуры и технологии получают новый импульс к развитию. Однако одновременно двигаться в противоположных направлениях нельзя, необходимо выбирать цель, для которой будут использоваться цифровые технологии: тотальный контроль государства за поведением подвластных лиц или, напротив, демократизация государственного управления и превращение состязательности с равноправием сторон в единственный способ разрешения правовых конфликтов.

Необходимо поддержать С.В. Власову в том, чтобы не ограничиваться технократическим подходом при разработке программы оптимизации (модернизации) современной уголовно-процессуальной системы, а подвергнуть институциональным преобразованиям институты обвинения и доказывания [1, с. 9, 17]. Именно эти институты, а не судоустройство (включая институты суда присяжных, следственного судьи и пр.) являются приоритетными для организации уголовно-процессуальной системы.

В этом плане следует согласиться с предложением о децентрализации системы обвинения и о переходе на судебный — исковой порядок предъявления обвинения (публичного уголовного иска). Представляется, что С.В. Власова справедливо

критикует следственный порядок предъявления обвинения, который исключает участие народного элемента в выдвижении обвинения, что было признано необходимым даже советским законодателем (статья 250 УПК РСФСР), не говоря уже об обвинительных системах других государств [10, с. 12-19].

Напомним, что такие ведущие ученые, как И.Я. Фойницкий, Н.Н. Полянский, В.Т. Томин, и ряд других выступали в поддержку идеи об «обобществлении» уголовно-процессуальной функции обвинения. Если не в виде народного обвинения, к которому призывают некоторые ученые [11], то в форме субсидиарного (вспомогательного) обвинения допуск народного элемента к формулированию, предъявлению обвинения, на наш взгляд, вполне уместен. Гражданское общество должно иметь правовое средство непосредственного контроля механизма обвинения в формате субсидиарного обвинения, выдвигаемого непосредственно перед судом как потерпевшим, так и любым иным лицом, требующим применения уголовного закона к его нарушителю. Цифровые технологии, и в частности технология блокчейна (распределенных реестров), как отмечает С.В. Власова, дают реальную возможность для создания такой правовой конструкции [3]. Ответ на вопрос о том, до каких пределов может пойти «обобществление» функции обвинения, будет зависеть, на наш взгляд, от степени демократизации общества и готовности населения и бизнеса принимать участие в выполнении этой уголовно-процессуальной функции.

Что касается доказывания, то из выказанных предложений по поводу реорганизации уголовно-процессуального порядка доказывания с использованием цифровых технологий необходимо поддержать следующие: об унификации способов получения цифровой информации, имеющей отношение к предмету уголовно-процессуального доказывания; уравнении официальных и неофициальных субъектов доказывания в правах на получение цифровой информации, имеющей доказательственное значение; о «депротоколизации» процесса формирования уголовно-процессуальных доказательств; передаче власти на установление фактов

по делу судье [1, с. 10-15]. Эти идеи, и ранее неоднократно обсуждавшиеся в науке, получают в общем контексте оцифровки уголовно-процессуальной системы новый смысл и убедительность. Для сторонников состязательной идеологии в целом концепция судебного доказывания на цифровой платформе выглядит вполне реалистично. То же самое возможно отметить и о реформе предварительного расследования, которая нацелена на отмену модели предварительного следствия как базовой модели правовой организации досудебного доказывания [1, с. 15]. Именно данный пункт в позиции С.В. Власовой вызвал наибольшую критику сторонников следственной правовой организации досудебного производства по уголовным делам.

Между тем, на наш взгляд, нельзя не признать того, что роль следователя в раскрытии компьютерных преступлений мала, гораздо более важна роль специалиста и используемой им техники, цифровых технологий. Приводимые доводы о том, что специалист-программист, искусственный интеллект, компьютер – вычислительная машина более эффективны в раскрытии и расследовании преступлений, оставивших цифровые следы [1, с. 16], на наш взгляд, вполне убедительны даже в современных реалиях, не говоря о том, что будет дальше. Следовательно, вполне разумно поставить под сомнение полезность института предварительного следствия (расследования) как доминирующего способа формирования уголовно-процессуальных доказательств: следователем посредством составления протоколов следственных действий.

Субъектами уголовного расследования, по мнению С.В. Власовой, могут быть как государственные (полицейские) органы уголовного расследования, так и иные лица. Таким образом, «следователем» может быть любой, кто собирает доказательства по уголовному делу, независимо от того, входит он в систему государственных органов или нет. Так происходит выравнивание субъектов доказывания «истины» перед судом и законом. Это принципиальный момент в анализируемом нами научном проекте.

Отметим аргументацию, приводимую С.В. Власовой, в пользу предложения о снятии различия между оперативно-ро-

зисным мероприятием и следственным действием, когда их предметом становится цифровая информация [1, с. 14-16]. С этим, наверное, согласится любой практик, хотя официальная доктрина по-прежнему поддерживает запрет, установленный статьей 89 УПК РФ. Как представляется, этот запрет стал анахронизмом в условиях использования цифровой информации для нужд доказывания по уголовным делам и только усложняет процесс доказывания.

Деформализация досудебного доказывания и переход от следственной формы к цифровой форме представления доказательственной информации – это, по нашему мнению, актуальный вопрос времени, ответ на который должен дать законодатель.

Отдельно необходимо остановиться на тезисе С.В. Власовой о деперсонализации «субъекта доказывания», то есть роботизации функции предварительного расследования. Автор анализируемого проекта утверждает, что искусственный интеллектуальный агент придет на смену людям при выполнении значительной части деятельности, связанной с выявлением, раскрытием и даже расследованием преступлений. Люди будут нужны только на наиболее важных, творческих и стыковочных этапах процесса: когда принимаются решения, определяющие исход дела: действия, связанные с уголовным преследованием, сопряженным с ограничением прав личности, предъявление обвинения и пр. Должностные лица правоохранительных органов будут нести ответственность за правомерность своих процессуальных действий.

Подчеркнем то, что С.В. Власова, несмотря на свои высказывания о деперсонализации процесса получения цифровой информации, отнюдь не отрицает важную роль человека (судьи) в оценке доказательства для конкретного уголовного дела. Любые доказательства должен оценивать по своему внутреннему убеждению судья, поскольку высшей ценностью в правовой, уголовно-процессуальной системе, даже основанной на цифровых технологиях, остается человек. Этот гуманистический момент в проекте цифровизации уголовно-процессуальной системы тоже имеет принципиальное значение.

В заключение следует сделать акцент именно на необходимости сохранения формализма в доказывании, и в первую очередь остановиться на свойстве допустимости доказательств при обсуждении условий перехода к новой, цифровой уголовно-процессуальной реальности. Формализм в доказывании, на наш взгляд, приобретает новое значение: он должен оставаться в той мере, в какой создает пределы для вторжения в частную жизнь человека и гарантирует его права и свободы.

Глобальный контроль, основанный на использовании цифровых технологий, чреват потерей свободы, подчинением человека машине, и здесь как раз есть повод вспомнить о процессуальных гарантиях этой свободы. Представляется, что это сделано недостаточно последовательно. Более того, в предложении С.В. Власовой отказаться от критерия допустимости доказательства как от устаревшего формального требования содержится угроза для всей системы правосудия.

Свойство допустимости не следует отрицать. Необходимо только пересмотреть критерии допустимости в контексте расширения технических возможностей по проверке достоверности (аутентичности) цифровой информации.

Следует согласиться с тем, что необходимо позаботиться о введении общественного надзора за правоохранительной системой, за органами уголовного преследования. А это, в свою очередь, невозможно без сохранения следующих уголовно-процессуальных форм: судебного контроля; гарантий прав и свобод личности процедур, ограничивающих деятельность органов уголовного преследования в сфере получения информации. В связи с этим для уголовно-процессуальной доктрины критически важной является выработка подхода к формулированию новых правил «игры», системы формальных – искусственных ограничений для применения технических средств и цифровых технологий.

Возможно, прагматический, технократический подход к реформированию уголовно-процессуальной системы имеет право на существование. Однако следует понимать, что есть тот предел, за которым

прагматизм сталкивается со свободой и правами человека. Система не должна входить в противоречие со своим главным назначением – защитой прав личности. Средства не должны подменять цель. А цифровые технологии, технические средства – это не более чем средства, и их служебная роль не меняется и не может стать самоцелью. Иначе будет утрачено самое главное в правосудии.

Гуманистическая суть уголовного процесса не подлежит выхолащиванию ни при каких условиях. Полагаем, что на очередном этапе развития технологий существует шанс перестройки уголовно-процессуальной системы по состязательному типу и проведения с ее помощью новой уголовной политики в интересах всего народа. В состязательности и независимости судебной власти заключаются гарантии прав человека, против которого государственные органы выдвигают обвинение и собирают доказательства

с использованием цифровых технологий. Для уголовно-процессуальной доктрины на данном этапе принципиально важными являются выработка и предложение плана оптимизации состязательной модели уголовного правосудия, предложение системы процедурных ограничений для применения правоохранительными органами технических средств и цифровых технологий.

Таким образом, представленный С.В. Власовой проект модернизации уголовно-процессуальной системы в целом поддерживается, хотя и с некоторыми оговорками. С нашей точки зрения, реформа правовой организации досудебной деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений с одновременным формированием оснований для выдвижения уголовного обвинения в суде назрела под влиянием трансформации экономики и общества на основе цифровых технологий.

Список литературы

1. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. N 1 (36). С. 9-18.
2. Библиотека криминалиста. 2018. N 3 (38). С. 9-135.
3. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А.С. Александров [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2015.
4. Алипперов Х.Д. Проблемы внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство // Библиотека криминалиста. 2018. N 3 (38). С. 19-27.
5. Александров А.С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. N 4. С. 80-85.
6. Власова С.В., Хмельницкая Т.В. О доктринальной модели формирования уголовно-процессуальных доказательств в состязательном уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2016. N 1 (55). С. 137-143.
7. Александров А.С., Кувычков С.И. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. N 5. С. 46-48.
8. Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. N 3. С. 142-157.
9. Бегтин И. Профилактика преступлений: какое будущее ждет правоохранительную систему. URL: https://www.rbc.ru/opinions/technology_and_media/08/06/2017/593911d19a7947bd6ab766ef?from=newsfeed (дата обращения: 18 авг. 2018 г.).
10. Александров А.С., Тутикова И.А. Уголовно-процессуальные системы европейской цивилизации и российский уголовный процесс // Правовые и организационные механизмы реализации уголовно-процессуального законодательства (к 15-летию вступления в действие УПК РФ): сб. материалов науч.-практ. конф. М.: Акад. управления МВД России, 2017. С. 12-19.
11. Гущев В.Е., Александров А.С. Народное обвинение в уголовном суде: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегородский юрид. ин-т МВД России, 1998.

References

1. Vlasova S.V. K voprosu o prisposablivanii ugolovno-processual'nogo mekhanizma k cifrovoj real'nosti [On the issue of adapting the criminal procedural mechanism to the digital reality]. Biblioteka kriminalista – Library of the criminalist, 2018, no. 1 (36), pp. 9-18.
2. Biblioteka kriminalista – Library of the criminalist, 2018, no. 3 (38), pp. 9-135.

3. Aleksandrov A.S. [i dr.]. Doktrinal'naya model' ugovolno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF i kommentarii k ney [The doctrinal model of the criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and its commentaries]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015.

4. Alikperov H.D. Problemy vnedreniya tsifrovyykh tekhnologiy v ugovolnoe sudoproizvodstvo [Problems of introduction of digital technologies in criminal proceedings]. Biblioteka kriminalista – Library of the criminalist, 2018, no. 3 (38), pp. 19-27.

5. Aleksandrov A.S. Uchenie o sledstvennykh dejstviyakh na poroge "cifrovogo mira" [The doctrine of investigative actions on the threshold of the "digital world"]. Yuridicheskiy Vestnik Samarskogo universiteta – The Legal Herald of the Samara University, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 80-85.

6. Vlasova S.V., Hmel'nitskaya T.V. O doktrinal'noy modeli formirovaniya ugovolno-protsessual'nykh dokazatel'stv v sostyazatel'nom ugovolnom sudoproizvodstve [On the doctrinal model of the formation of criminal procedural evidence in adversarial criminal proceedings]. Obshchestvo i pravo – Society and Law, 2016, no. 1 (55), pp. 137-143.

7. Aleksandrov A.S., Kuvychkov S.I. O nadezhnosti "ehlektronnykh dokazatel'stv" v ugovolnom processe [On the Reliability of "Electronic Evidence" in the Criminal Process]. Biblioteka kriminalista – Library of the Criminalist, 2013, no. 5, pp. 46-48.

8. Aleksandrov A.S. Sostyazatel'nost' i ob'ektivnaya istina [Competitiveness and objective truth]. Biblioteka kriminalista – Library of the criminalist, 2012, no. 3, pp. 142-157.

9. Begtin I. Profilaktika prestupleniy: kakoe budushchee zhdet pravoohranitel'nyuyu sistemu [Crime prevention: what kind of future awaits the law enforcement system]. Available at: https://www.rbc.ru/opinions/technology_and_media/08/06/2017/593911d19a7947bd6ab766ef?from=newsfeed (Accessed August 18, 2018).

10. Aleksandrov A.S., Tutikova I.A. Ugolovno-protsessual'nye sistemy evropeyskoy tsivilizatsii i rossiyskiy ugovolnyy protsess [Criminal Procedural Systems of European Civilization and the Russian Criminal Process]. Pravovye i organizatsionnye mekhanizmy realizatsii ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva (k 15-letiyu vstupleniya v deystvie UPK RF) [Legal and Organizational Mechanisms for Implementing the Criminal Procedural Legislation (on the 15th Anniversary of the Commencement of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)]. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. Pp. 12-19.

11. Gushchev V.E., Aleksandrov A.S. Narodnoe obvinenie v ugovolnom sude [People's charge in the criminal court]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998.